

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

На правах рукописи

Костин Александр Эмильевич

**СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
КОРПОРАТИВНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Специальность: 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Колесников Владимир Николаевич

Москва – 2019

Оглавление

Оглавление.....	2
Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические аспекты исследования корпоративной модели представительства интересов	13
1.1 Сущность и специфические черты корпоративной модели представительства интересов	13
1.2 Эволюция теоретических представлений о корпоративной модели представительства интересов.	36
Глава 2. Становление корпоративизма государственного типа в современной России	60
2.1 Субъекты государственных корпоративных интересов в российском политическом пространстве	60
2.2 Специфические черты российского государственного корпоративизма как фактор, определяющий особенности обеспечения интересов	78
Глава 3. Особенности политических механизмов обеспечения корпоративных интересов государственного характера в современной России..	104
3.1 Отечественная специфика лоббирования корпоративных интересов: неоинституциональный подход.....	104
3.2. Государственно-частное партнерство как механизм обеспечения корпоративных интересов: опыт Санкт-Петербурга.	136
Заключение	152
Список литературы	158

Введение

Актуальность темы исследования. В современном сложном мире проблема представительства интересов играет существенную роль. Возможности артикуляции в политическом пространстве своего интереса и его последующая реализация во многом обусловлена спецификой существующей в государстве системы представительства интересов. В этой системе особенное значение имеет модель представительства корпоративных интересов.

После распада СССР и перехода к рыночной экономике число корпоративных структур в России увеличилось, усложняя общественную и политическую системы. Корпоративные структуры перестали функционировать исключительно как субъект экономики, становясь политическим актором и оказывая влияние на политическую жизнь. Несмотря на то, что сегодня представители крупных корпоративных структур уже не определяют политику страны, как это было в 90-е гг. XX века, тем не менее, их значение в политических процессах по-прежнему представляется существенным. Это связано с особенностями социально-политического и экономического порядка, установившегося в XXI веке в России.

За последнее десятилетие наметилась устойчивая тенденция перехода от социетального к государственному типу корпоративизма, что в первую очередь обусловлено созданием государственных компаний, государственных корпораций, а также усилением роли акционерных обществ, аффилированных с государством. В результате этих процессов сформировалось большое число государственных корпораций, охватывающих различные сферы – средства массовой информации, дорожное строительство, электроэнергетика, инновационные продукты, широкий спектр технического и промышленного производства и др.

Присутствие аффилированных с государством структур в различных сферах также усиливает значение корпоративной модели представительства над плюралистической. Данное обстоятельство указывает на необходимость изучения специфики политических механизмов артикуляции и представительства интересов

госкорпоративных структур. В научном сообществе отсутствует единое представление о характере установившегося социально-политического и экономического порядка. Господствующая в 90-е гг. XX века транзитологическая парадигма трансформации системы общественно-политического устройства России доказала свою несостоятельность последующей практикой – особенности сложившегося российского корпоративизма не укладываются полностью в рамки западных теорий корпоративизма. Данное обстоятельство указывает на исследовательскую проблему понимания специфики российского корпоративизма.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена также недостаточностью институциональных основ, направленных на взаимодействие государства и корпораций (отсутствие закона о лоббизме, закрытый характер корпоративных структур, существенные коррупционные риски, кулуарный характер принятия решений государственной важности). В этих условиях совершенствование знаний о специфических чертах российского корпоративизма, механизмах взаимодействия государства и корпоративных структур а также институционализация ряда подобных политических механизмов имеют важнейшее теоретическое и практическое значение для отечественной политологии.

Степень научной разработанности темы. Рассматриваемые в рамках диссертационного исследования аспекты находят свое отражение в работах ряда отечественных и зарубежных исследователей.

Весь массив научных работ по данной проблематике целесообразно сгруппировать по тематическим направлениям авторов.

Первую группу составляют работы, отражающие базовые теоретико-методологические основания, способствующие изучению моделей представительства интересов, а также специфики их продвижения в политическом пространстве. Истоки вопросов форм государства, политических режимов и

особенностей их устройства представлены в политических учениях античных философов.¹

Вторую группу составляют основополагающие работы, посвященные теоретическим аспектам плюралистической и корпоративной моделей представительства интересов, их сущности и основным элементам, как отражающим институциональную природу продвижения интересов группами. Речь идет о таких авторах, как Дж. Локк², Г. Алмонд³, А. Коусон⁴, Г. Ласки⁵, Г. Лембрух⁶, Ф. Шмиттер⁷, С.П. Перегудов.⁸

Третью группу составляют работы, посвященные историческим аспектам развития корпоративных форм представительства интересов. При этом среди исследователей средневекового и христианского корпоративизма можно отметить таких ученых как Ю.Е. Арнаутову⁹, С.С. Аштаеву¹⁰, А.А. Сванидзе.¹¹ Следует также выделить труды отечественных исследователей, анализирующих фашистскую модель корпоративизма. Сюда можно отнести работы А.С. Белоусова¹², А.В. Павроза¹³, И.В. Простакова¹⁴, Г.С. Филатова¹⁵.

¹ Платон Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. — 752 с ; Аристотель Политика/ Аристотель ; пер. с др. — гр. С.А. Жебелева. — СПб.: Азбука, Азбука Аттикус, 2016. — 352 с.

² Локк Дж. Сочинения: В 3 т. — М.: Мысль, 1988. — 668 с.

³ Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. Алмонд Г., Пауэлл Дж. и др. М.: 2002. - 537 с.

⁴ Cawson A. Corporatism and Political Theory. Oxford: Backwell Publishers, 1986. 184 p.

⁵ Laski H. Authority in the Modern State: Batoche Books, 2000. — 197 p.

⁶ Lehmbruch G. Concluding remarks: problems for research on corporatist intermediation and policy making // Trends towards corporatist intermediation and policy making / P. Schmitter, G. Lehmbruch (eds.). Beverly Hills, CA: Sage, 1979.

⁷ Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World. / F. Pike and T. Stritch (eds.). London , 1974. P. 85 – 131.

⁸ Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений / С.П. Перегудов. — М.: Наука, 2003. — 352 с.

⁹ Арнаутова Ю.Е. Средневековые истоки современной культуры // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 48-49. — С. 69–76.

¹⁰ Аштаева, С.С. История корпораций / С.С. Аштаева // Проблемы модернизации гражданского законодательства Российской Федерации : материалы научно-практической конференции. - Элиста, 2012. - С. 25-28.

¹¹ Сванидзе А.А. Средневековые корпорации Текст. / Аделаида Сванидзе // Неприкосновенный запас. - М., - 2006. - № 4-5, - С. 55-68.

¹² Белоусов А.С. Режим Муссолини и массы. - М.: Изд-во МГУ, 2000. - 368 с.

¹³ Павроз А.В. Группы интересов в политике. — СПб.: Издательство РХГА, 2015. — 168 с.

¹⁴ Простаков И. В. Фашистский корпоративизм и государственно-монополистическое регулирование промышленного производства в Италии 30-х гг. XX в. // Проблемы экономической теории капитализма : сб. обзоров и ст. М. : Акад. наук СССР, 1989, 208 с.

¹⁵ История фашизма в Западной Европе [Текст] / Ин-т всеобщей истории АН СССР ; отв. ред. Г. С. Филатов. - М. : Наука, 1978. - 613 с.

Четвертая группа представлена авторами, работы которых посвящены элитам, элитарному характеру российской власти, существенным образом влияющему на особенности современного российского государственного корпоративизма. К таковым относятся О. Крыштановская, О. Шабров¹⁶, А.П. Кочетков¹⁷, П.С. Каневский¹⁸, М.М. Сакаева.¹⁹

Пятую группу составляют отечественные исследователи, занимающиеся изучением проблем лоббизма и GR как инструмента продвижения корпоративных инструментов. Важно отметить С.Н. Магнитова²⁰, А.В. Павроза²¹, С.П. Перегудова²², П. С. Каневского²³, П.Я. Фельдмана²⁴, П.А. Толстых²⁵.

В группе отечественных исследователей российских форм корпоративизма, корпоративных групп интересов и взаимоотношений групп с государством необходимо отметить следующих авторов А.А. Галкина²⁶, А.В. Павроза²⁷, С.П. Перегудова²⁸, Л.В. Сморгунуова²⁹, Ю.А. Красина³⁰, Б.И. Макаренко³¹.

¹⁶ Шабров О.Ф. Корпоративистское государство в условиях картельной многопартийности // Политическое управление и публичная политика XXI века: Государство, общество и политические элиты / Редкол.: О.Гаман-Голутвина (отв. ред.) и др. - М.: РАПН; РОССПЭН, 2008. - С.47 – 55.

¹⁷ Кочетков А.П. Корпоративные элиты / А.П. Кочетков. - М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. - 220 с.

¹⁸ Каневский П.С. Политическая стратификация в современной России: классы, элиты, группы интересов. - М.: Академический проект, 2014. - 151 с.

¹⁹ Сакаева М.М. Крупный бизнес и государство при Путине // Полития. 2013. № 4. С. 94-105.

²⁰ Магнитов С.Н. ЛОББИЗМ / С.Н. Магнитов. - М.: Белые альвы, 2017. - 68 с.

²¹ Павроз А.В. Лоббизм: институциональные основания и практики политического влияния в демократических обществах. - СПб.: Издательство РХГА, 2016. - 172 с.

²² Перегудов С.П. Крупная корпорация как субъект публичной политики. - М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2006. - 168 с.

²³ Каневский П.С. Группы интересов в политических системах Центральной и Восточной Европы // Социология. — 2013. — № 2. — С. 67–74.

²⁴ Фельдман П.Я. Лоббизм : теория и практика / П.Я. Фельдман. - М., 2015. - 120 с.

²⁵ Толстых П. А. GR. Практикум по лоббизму в России. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 379 с.

²⁶ Галкин А. А. Корпоративизм как форма отношений между государством и обществом: пределы опасности. - Полис. Политические исследования. 2000. № 6. С. 147-158.

²⁷ Павроз А.В. Группы интересов и политические режимы: неоинституциональный анализ современной России : автореферат дис. ... доктора политических наук : 23.00.02 / Павроз Александр Васильевич; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2013. - 38 с.

²⁸ Перегудов С.П. Партии и группы интересов: к новой модели взаимодействия // Полис. Политические исследования. - 2014. - № 1. - С. 45-59.

²⁹ Сморгунуов Л.В. Взаимодействие государства и бизнеса в России: от лоббирования к корпоративной публичной политике // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2016. — №4(71). - С.100-104.

³⁰ Красин Ю. А. Государство и общество: сдвиги во властном поле. - Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 51-58.

³¹ Макаренко Б. И. Неокорпоративизм в современной России // Сравнительная политика. 2011. №2. С. 90 - 96.

Седьмую группу составляют авторы, анализирующие государственно-частное партнерство в Российской Федерации. Речь идет о таких авторах как В.Г. Варнавский³², В.Ф. Попондопуло³³, Н.Б. Хомерики³⁴ и др.³⁵

В целом, особенности российского корпоративизма рассматриваются сквозь призму изучения института государственных корпораций. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что представителями отечественной политической науки недостаточно разработан ряд важнейших проблем, таких как: выделение специфических черт политических механизмов в рамках корпоративной модели представительства интересов, направленных на их обеспечение; институционализация подобных политических механизмов, а также возможностей контроля со стороны общества за корпоративными группами интересов.

Целью работы является выявление специфических черт в политических механизмах обеспечения корпоративных интересов на современном этапе развития России.

Исходя из данной цели, были сформулированы следующие исследовательские **задачи**:

1. раскрыть теоретико-методологические основания анализа корпоративной модели представительства интересов;
2. рассмотреть эволюцию теоретических представлений о корпоративной модели представительства интересов;
3. уточнить понятие государственной корпорации, исходя из специфики российского государственного типа корпоративизма;
4. выявить специфические черты российского государственного корпоративизма;

³² Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство. - М.: ИМЭМО РАН, 2009. В 2-х томах. Том 2. - 192 с.

³³ Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / под ред. В.Ф. Попондопуло, Н.А. Шевелевой. - М.: Инфотропик Медиа, 2015. - 528 с.

³⁴ Хомерики Н. Б. Государственно-частное партнерство как метод развития социальной сферы и ее становление в регионах Российской Федерации // Вопросы экономики и права. - 2014. - № 10. - С. 70-73.

³⁵ Бизнес и власть в России: теория и практика взаимодействия [Текст] : монография / науч. ред. и рук. авт. колл. А. Н. Шохин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 349 с.; Дятлова Н.А. Субъекты государственно-частного партнерства // Юрист. - 2017. № 7.- С. 38-39.

5. обосновать специфику политических механизмов обеспечения корпоративных интересов в современной России.

Объектом диссертационного исследования является процесс взаимодействия отечественных корпораций с политическими институтами.

Предметом диссертационного исследования являются специфические черты политических механизмов обеспечения представительства корпоративных интересов в современной России.

Теоретико-методологические основы исследования составляют теории и концепты, раскрывающие сущность и значение корпоративизма. В исследовании рассматриваются модели политического представительства интересов – корпоративная модель представительства интересов (Г. Лембрух, Ф. Шмиттер, А. Коусон), плюралистическая модель представительства интересов (Г.Ласки), теория неокорпоративизма Ф. Шмиттера, концепция интегрированных бизнес-групп Я. Паппэ, концепция государственно-бюрократического капитализма Ю. Красина.

Специфика отечественной модели корпоративного представительства интересов определяет необходимость системного изучения накопившихся научных разработок в различных областях политической и других наук.

В настоящем исследовании используется совокупность общенаучных и логических методов исследования, таких как анализ, синтез, дедуктивный, индуктивный методы. Среди общенаучных методов исследования следует отметить сравнительный, структурно-функциональный. Для исторической оценки роли корпоративной модели представительства интересов применялись кросс-темпоральный и политологический анализы, структурно-функциональный метод применялся для оценки структурных элементов корпоративных структур, связей между ними и стейкхолдерами. Дедуктивный метод позволил выявить скрытые процессы взаимодействия корпоративных структур с властными структурами. Метод диалектики применялся при изучении нормативно-правовых актов как инструмента регуляции российских корпораций. Неоинституциональный подход

применялся при выявлении специфических черт лоббистской деятельности российских государственных корпораций.

При изучении таких материалов, как отчеты о деятельности государственных корпораций, электронные реестры, официальные сайты органов государственной власти и государственных корпораций, материалы средств массовой информации применялся метод контент-анализа.

Метод кейс-стади применялся при изучении практических аспектов деятельности отдельных государственных корпораций.

Эмпирическую базу исследования составляют нормативно-правовые акты, заключения контрольных государственных органов, аналитические отчеты и доклады общественных организаций, политическая публицистика, данные интернет-ресурсов, в которых находит отражение рассматриваемая проблематика диссертационного исследования.

Результаты исследования, выносимые на защиту и составляющие научную новизну:

1. Определены подходы к анализу классических теорий корпоративизма и неокорпоративизма в рамках проблематики настоящего исследования. Монистический тип корпоративизма, отмечаемый Ф. Шмиттером и Г. Алмондом, является избыточным, поскольку в значительной степени дублирует характеристики государственного типа корпоративизма. Анализ корпоративной модели представительства интересов показал необходимость в первую очередь принять во внимание характеристику групп интересов, исходя из степени их институционализации и направленности интересов. Эти факторы представляются имеющими большое значение, поскольку, исходя из специфики объекта исследования, основной акцент исследования сфокусирован на институциональных группах интересов.

2. Установлено, что процесс представительства корпоративных интересов в современном отечественном политическом процессе носит противоречивый характер: с одной стороны, он складывается в условиях существующих

формальных институтов представительства – парламентских структур, общественных и профессиональных объединений, а с другой стороны, значительная часть механизмов представительства корпоративных интересов носит неинституционализированный характер. Именно эти обстоятельства, в первую очередь, обуславливают эффективность представительства и обеспечения корпоративных интересов.

Показано, что анализ корпоративной модели представительства интересов в диссертации опирается на ряд положений теории представительства интересов, в частности на модель представительства по типу «принципал-агента»; концепции государственно-бюрократического капитализма. Синтез данных теоретических подходов позволяет решить основную задачу исследования – представить дескриптивную характеристику корпоративной модели представительства интересов в условиях современного отечественного политического процесса.

3. Уточнены специфические черты современного российского корпоративизма. Они включают в себя: особенности сложившегося политического режима, государственный характер ряда субъектов корпоративных интересов, симбиоз государственных корпораций и власти, взаимный процесс транзита бюрократии и корпоративных элит.

Политический режим во многом обуславливает эволюцию российского корпоративизма в сторону усиления государствоцентрической модели корпоративизма.

Государственный характер как определяющая черта российского корпоративизма проявляется в силу следующих обстоятельств:

- государство является стейкхолдером корпораций;
- государство формирует институциональную среду функционирования корпораций;
- существенная часть отечественных государственных корпораций по своему типу являются «квази-министерствами».

4. Показана и обоснована специфика лоббирования как политического механизма обеспечения корпоративных интересов. Выделенный личностный фактор лоббирования как непосредственное воздействие руководителей государственных корпораций на лиц, принимающих решения, является специфической чертой лоббирования интересов как в российском политическом пространстве, так и за рубежом. Также важное практическое значение в реальных условиях современной России имеют особенности судебных процедур как косвенный метод лоббирования корпоративных интересов. Наряду с остальными особенностями выделен непубличный характер лоббистской деятельности российских государственных корпораций, проявляющийся в отсутствии информации о подобной деятельности в отчетах и в СМИ.

5. На основе институционального подхода и кейс-стади определены особенности обеспечения корпоративных интересов в рамках проектов государственно-частного партнерства на опыте Санкт-Петербурга. Осуществленный анализ взаимодействия государства и государственных корпораций в рамках таких проектов, как «Западный скоростной диаметр», аэропорт «Пулково», а также скоростной трамвай по маршруту «станция метро «Купчино» – пос. Шушары – Славянка» подтвердил актуальность и эффективность применения государственно-частного партнерства как механизма обеспечения корпоративных интересов. Показано, что обеспечение корпоративных и публичных интересов во многом обусловлено успешным опытом законодательного регулирования на региональном уровне. В данном контексте опыт Санкт-Петербурга имеет не только региональное, но и федеральное значение.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в рамках преподавательской деятельности таких дисциплин как «Политология» «Лидерство и лоббизм» и спецкурсов политологической направленности; при разработке учебных пособий, а также научных трудов, посвященных вопросу представительства интересов. Сформулированные в исследовании выводы могут

быть использованы при совершенствовании законодательного регулирования деятельности корпоративных структур, а также институциональной среды, способствующей развитию взаимоотношений между корпоративными структурами и государством в российском политическом пространстве.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы исследования апробированы на следующих российских и международных научно-практических конференциях и форумах: Петербургский Международный Молодежный Форум 3.0 (СПб, 2015г.), Петербургский Международный Молодежный Форум 4.0 (СПб, 2016г.); гражданский форум «Петербургский полилог: эффективность и ответственность» (СПб, 2016г.); Корпоративная социальная ответственность: практики российских регионов (СПб, Ведомости конференции, 2017г.); Таврические чтения (СПб, 2017г.); Корпоративная социальная ответственность: практики российских регионов (СПб, Ведомости конференции, 2018г.); IV Ежегодная научная конференция «Государственно-частное партнерство в сфере транспорта: модели и опыт» (СПб, ВШМ СПбГУ, 2018г.)

По теме диссертации имеется восемь публикаций, четыре из которых опубликованы в периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура диссертационной работы состоит из Введения, трех глав, Заключение и Списка литературы.

Глава 1. Теоретико-методологические аспекты исследования корпоративной модели представительства интересов

1.1 Сущность и специфические черты корпоративной модели представительства интересов

Представительство интересов является политическим инструментом, позволяющим индивидам и организованным группам оказывать влияние на существенные вопросы в процессе артикуляции, представительства и продвижения интересов.

Интерес является сложным явлением, для которого свойственны свои ступени движения. Н. Чернецова выделяет шесть фаз движения интересов: зарождение, становление, проявление, реализация, коррекция и институционализация. По мнению автора, данными фазами обеспечивается инструментализация такого понятия как «интерес».³⁶ На наш взгляд, этапы развития интересов, предложенные Н. Чернецовой, схожи с основными функциями менеджмента: планированием, организацией, мотивацией и контролем. Однако процесс продвижения интересов в политической деятельности представляется нам более сложным, поскольку предполагает постоянное взаимодействие с институтами власти. Данные фазы отражают процессы артикуляции и реализации интересов, что способствует выявлению требований групп для понимания политических событий, использования в прикладных дисциплинах в таких, как теория управления, менеджмент, принятие управленческих решений, а также для оценки деятельности и роли GR (Government Relations), PR (Public Relations) и лоббистских структур.

Существует множество понятий групп интересов в политическом пространстве. Так, например, в Новейшем политологическом словаре под группами интересов понимаются «неправительственные и непартийные общественные объединения, которые выражают интересы определенных

³⁶ См. подробнее: Чернецова Н. С. Теория и методология исследования экономических интересов. — М.: МИЭМ, УЧЛИТВУЗ, 2001. — 256с.

социальных групп в отношениях с политическими институтами и организациями, а также с другими социальными группами». ³⁷ Однако данное понятие представляется некорректным, поскольку такие критерии политических акторов как связь с правительством и/или политической партией могут проявляться в специфической деятельности групп интересов или создания таковых властными структурами. На наш взгляд, наиболее полным является следующее понятие группы интересов: «объединения индивидов на основе общих интересов, стремящиеся оказать влияние на политические институты в целях обеспечения принятия наиболее благоприятных и выгодных для себя решений». ³⁸ Несмотря на достаточную широту данного понятия, следует отметить его значимость, поскольку оно учитывает наличие разных групп интересантов и отражает направленность в действии групп, а именно оказание влияния на субъектов политических решений.

Классический американский исследователь политических систем и политической культуры Г. Алмонд, рассматривая процесс артикуляции интересов, выделяет следующие виды групп интересов:

- неупорядоченные группы
- неассоциативные группы
- институциональные группы
- ассоциативные группы. ³⁹

В данной концепции выделяются группы интересов исходя из степени институционализированности, а также узконаправленности интересов. Эти факторы представляются имеющими большое значение, поскольку, исходя из специфики объекта нашего исследования – взаимодействия групп интересов, основной акцент следует сфокусировать на институциональных группах интересов. Подобная особенность вызвана, главным образом, тем, что подобные

³⁷ Новейший политологический словарь/ авт.-сост. Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. - Ростов н/Д : Феникс, 2010. – С. 77

³⁸ Политология: Словарь-справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. – 328 с.

³⁹ Алмонд Г., Пауэлл Дж. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: АспектПресс, 2002. — С. 129-135.

группы интересов наиболее выявляемы. К институциональным группам интересов Г. Алмонд относит политические партии, бизнес-корпорации, законодательные органы, вооруженные силы, бюрократию и церковь.⁴⁰ Иными словами, помимо властных структур (законодательной и исполнительной ветвей власти), Г. Алмонд отмечает также общественно-политические, религиозные и бизнес группы интересов. Однако отечественные исследователи И. Семененко⁴¹ и С. Перегудов⁴² сами отмечают, что рассматривают группы интересов в широком смысле, а именно как «организации, сообщества и движения непартийного характера, функционирующие на всех основных уровнях политического процесса, начиная с локального и кончая глобальным».⁴³ Данный тезис, который также охватывает институционализированные группы интересов, вызывает неоднозначное отношение в связи с тем, что подобный подход позиционируется авторами как широкий. С одной стороны, группы интересов могут обладать непартийным характером. С другой стороны, данный подход сложно обозначить как широкий, поскольку группы интересов могут трансформироваться в политическую партию и артикулировать свои интересы на качественно новом уровне. Так, например, группы интересов, объединенные целью охраны окружающей среды, могут образовать партию «зеленых» и участвовать в политических процессах, что достаточно распространено в странах Европы. Таким образом, подход Г. Алмонда представляется нам более корректным. Указанный перечень групп интересов можно дополнить и другими объединениями, участвующими в политическом процессе, необходимо обратить внимание на характер перечисленных выше групп, при этом данные группы интересов можно охарактеризовать как связанные с государством. Они либо находятся в зависимом положении от государства, либо создаются непосредственно им.

⁴⁰ Алмонд Г., Пауэлл Дж. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: АспектПресс, 2002. — С.132

⁴¹ Перегудов С.П., Семененко И.С. Группы интересов и российское государство. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — С. 21.

⁴² Перегудов С.П. Партии и группы интересов: к новой модели взаимодействия // Полис. Политические исследования. — 2014. — № 1. — С. 46

⁴³ Там же С. 46

Несмотря на различия групп по целевой направленности интересов и степени институционализированности, на наш взгляд, главным «двигателем» подобных групп является, прежде всего, категория интереса, то есть набор определенных потребностей, имеющих значение для групп, деятельность которых направлена на их достижение.

Вместе с тем, существует необходимость в понимании характеристик корпоративизма, которые позволяли бы его выделить в теоретическом плане. Во взаимодействии государства и групп интересов существуют две основных и, на первый взгляд, альтернативных модели представительства интересов – плюралистическая и корпоративная. Для наиболее точного понимания сущности корпоративной модели представительства интересов, на наш взгляд, необходимо рассмотреть важнейшие особенности плюралистической модели.

Следует отметить, что некоторые основы плюралистической модели можно усмотреть в труде «Два трактата о правлении» Дж. Локка, одного из сторонников договорной теории происхождения государства. Дж. Локк, рассматривая вопрос политических обществ, отмечает: «Все, кто из естественного состояния объединяется в сообщество, отказываются в пользу большинства этого сообщества от всякой власти, необходимой для осуществления тех целей, ради которых они объединились в общество, если только они не договорились совершенно определенно о каком-либо числе, превышающем простое большинство».⁴⁴ Дж. Локк рассматривает политические общества как основу происхождения государства, в которых люди, являясь по своей природе свободными, равными и независимыми, то есть наделенными с рождения естественными правами, добровольно отчуждают часть этих прав при заключении своего рода договора о вступлении в гражданское общество. Целью создания политического сообщества или даже государства по Дж. Локку является «удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей

⁴⁴ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – М: Мысль, 1988. – С. 319.

безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества».⁴⁵ По сути, Дж. Локк описывает демократическую модель общества, в котором во главу угла ставятся интересы большинства как определенного целого. На первый взгляд форма, предложенная Дж. Локком, близка к плюралистической модели представительства интересов, исходя из того, что сам интерес на создание политического пространства возникает со стороны отдельных лиц и идет в разрез с властью. Однако идеи, выдвигаемые Дж. Локком, представляются более глобальными – создание государства на базе политического общества, плюрализм же, на наш взгляд, предоставляет группам модель продвижения различных интересов в действующем политическом пространстве, в рамках государства и текущих институционализированных структур.

Как справедливо отмечает отечественный исследователь А. Павроз: «плюралистическая теория опирается на принципы классического либерализма».⁴⁶ Действительно, сама возможность артикулировать интересы неограниченному кругу лиц представляется выражением одного из базовых постулатов либерализма – свободы слова.

Однако важнейшим остается вопрос – если плюралистическая модель представительства интересов исходит из свободы образования и деятельности политических акторов (в данном случае групп интересов), то в чем заключается роль государства в рамках данной модели? Важнейшие аспекты плюралистической модели представительства интересов, а также роль государства в подобном обществе отражены в концепции Г. Ласки, сформулированной им в 1919 году. Г. Ласки рассматривает плюрализм как одну из форм построения общества. При этом он выделяет следующие особенности взаимоотношений плюралистического общества и государства:

- отрицает единство общества и государства;

⁴⁵ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – М: Мысль, 1988. – С. 317.

⁴⁶ Павроз А.В. Группы интересов в политике. – СПб.: Издательство РХГА, 2015. – С. 48.

- ничего не известно о государственной цели, пока она не будет декларирована;
- человек является существом, желающим осознавать себя как члена общества;
- плюралистическое общество ссылается на каждое действие человека, основанное на совести;
- «высшим арбитром» общества выступает совокупность совести;
- не отрицается влияние тысяч ассоциаций на индивидуума, с которыми он контактирует, но он (индивидуум) не понимает, что поглощен ассоциациями;
- общество рассматривается как единое в целях, однако цели могут быть по-разному интерпретированы и реализованы более чем одним методом;
- государство выступает одной из многих форм человеческой ассоциации;
- в плюралистическом обществе есть отношения, контролируемые государством, но данное обстоятельство не делает их низшими по отношению к государству.⁴⁷

Как справедливо отмечает А. Сагалова, Г. Ласки был сторонником идеи «децентрализованного «плюралистического государства» (в противовес государству «монистическому»), которое основано на разделении суверенитета между многими институтами, представляющими интересы различных групп в обществе; задачи собственно государства он сводил к координации действий этих институтов».⁴⁸ Действительно, приведенные выше характеристики взаимоотношений государства и общества в рамках плюралистической модели, сформулированные Г. Ласки, можно свести к двум важнейшим особенностям — разделению общества и государства, а отношения, складывающиеся в рамках подобного общества, основываются на совести. Однако позиция Г. Ласки представляется нам спорной. Во-первых, моральная составляющая, выраженная в категории «совесть», может и не присутствовать как руководящий мотив

⁴⁷ Laski H. *Authority in the Modern State*: Batoche Books, 2000. — P.26

⁴⁸ Сагалова А.Л. Международная организация и плюралистическая демократия во взглядах г. Дж. Ласки // Власть. 2013. №8. С.161

деятельности групп, поскольку ключевым моментом является интерес, и может идти в разрез с моральной составляющей, что вызывает сомнения. Во-вторых, тезис об отсутствии единства между государством и обществом также является спорным, поскольку, на наш взгляд, государство и общество неразрывно связаны. Возможно, в контексте представительства интересов и роли государства в данных процессах, под разграничением общества и государства следует понимать именно незначительность контроля второго над первым. Следует отметить, что в концепции плюралистического общества Г. Ласки подобная особенность выражается в целях (наличии не только монопольных государственных целей, а возможность широкого спектра деятельности общества), а также разнообразии методов, направленных на их реализацию. Поэтому говорить о буквальном разделении общества и государства достаточно сложно.

Американский исследователь Ф. Шмиттер разработал концепцию плюралистической модели представительства интересов, под которой понимается «система представительства интересов, составные части которой организованы в неопределенное количество множественных, добровольных, конкурентных, иерархически неупорядоченных и самоопределяющихся (по типу или сфере интересов) групп, которые не имеют специальной лицензии, официально не признаются, не субсидируются, не создаются или каким-либо иным образом контролируются в выборе полномочий руководства или в процессе артикуляции интересов со стороны государства, и которые не осуществляют монопольную представительскую деятельность в своих соответствующих группах».⁴⁹ Иными словами, существенной особенностью плюралистической модели представительства интересов является широкий спектр возможностей для артикуляции, выражающийся в отсутствии монополизма.

Схожие признаки плюралистической модели приводит и Г. Алмонд:

⁴⁹ Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World. / F. Pike and T. Stritch (eds.). London, 1974. P. 96

- представительство единого интереса может осуществляться разнообразными группами интересов;
- ограниченность и добровольность членства в группах;
- зачастую свободный или децентрализованный характер организационной структуры групп;
- четкое разделение групп интересов и правительства друг от друга.⁵⁰

Группы интересов в плюралистической модели представительства интересов находятся вне контроля со стороны государства, у них нет монопольного представителя в какой-либо отрасли интересов, а значит, существует разнообразие самих групп представительства, конкурирующих и взаимодействующих между собой. Таким образом, можно предварительно заключить, что плюралистическая модель представительства интересов в значительной степени независима от властных структур.

Похожие характеристики плюралистической модели во взаимодействии между государством и бизнесом выделяют А. Шохин и Е. Королёв - неограниченная численность групп, конкурентность групп и отсутствие государственного контроля.⁵¹

Однако, несмотря на добровольность членства, многосубъектность акторов и дистанцированность от государства в рамках плюралистической модели представительства интересов, на наш взгляд, не стоит умалять роль государства. Подобная позиция связана с тем, что государство разрабатывает законодательную и иную институциональную базу, позволяющую группам интересов действовать по установленным «правилам». Также государство и процесс принятия политических решений, могут выступать объектами деятельности групп интересов.

Рассматривая корпоративную модель представительства интересов, необходимо определить, что представляет собой корпоративизм (иногда

⁵⁰ Алмонд Г., Пауэлл Дж. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002. — С.132.

⁵¹ Шохин, А. Н. Взаимодействие бизнеса и власти в Европейском Союзе [Текст] / А. Н. Шохин, Е. А. Королёв ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — С. 216

именуемый корпоратизмом) как политическое явление. Одним из первых понятие корпоративизма сформулировал Ф. Шмиттер. Однако заметим, что им было приведено несколько понятий корпоративизма. Согласно первому, корпоративизм рассматривается как «система интересов и/или представительства интересов, отношения конкретного модельного или идеального типичного институционального механизма для соединения ассоциативных организованных интересов гражданского общества со структурами принятия решений государства».⁵² Однако, данное понятие представляется достаточно избыточным и приведенные характеристики охватывают рассмотренную выше плюралистическую модель представительства интересов, что препятствует, по нашему мнению, ясному представлению о корпоративной модели представительства интересов. На наш взгляд, единственной отсылкой, отчасти раскрывающей в данном понятии сущность корпоративизма, является институциональный характер системы, а также соединение с властными структурами. Вместе с тем, группы интересов в плюралистической модели могут быть институционализированы, что несколько не влияет на «слабую» иерархизированность, а также обособленность от властных структур. Отметим, что существенным противоречием представляется попытка связать корпоративизм с интересами гражданского общества. Для разрешения подобного противоречия уточним понятие гражданского общества. Существует множество определений гражданского общества. Мы отметим два, представляющие, на наш взгляд, интерес в рамках рассматриваемого вопроса. Г. Гегель не дает четкого определения гражданского общества, отмечая его как «дифференцию, которая выступает между семьей и государством».⁵³ Но профессор, академик РАН В. Нерсисянц во вступительной статье и примечаниях к изданию «Философии права» объединяет основные тезисы Г. Гегеля в части гражданского общества и формулирует

⁵² Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World. / F. Pike and T. Stritch (eds.). London, 1974. P. 86

⁵³ Гегель Г. В. Ф Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц.- М.: Мысль, 1990.- С. 228.

определение, согласно которому «гражданское общество в трактовке Гегеля – это опосредствованная трудом система потребностей, покоящаяся на господстве частной собственности и всеобщем формальном равенстве людей».⁵⁴ Также важно отметить, что одним из элементов гражданского общества по Г. Гегелю является: «...забота о предотвращении остающейся в этих системах случайности и внимание к особенному интересу как к общему с помощью полиции и корпораций».⁵⁵ Подчеркнем, что Гегель указывает на необходимость покровительства особенных, то есть индивидуальных интересов при помощи корпораций в рамках гражданского общества. Несмотря на то, что мы допускаем возможность сопряжения корпоративной модели представительства интересов и гражданского общества, тем не менее отметим, что на наш взгляд, корпоративные (ассоциативные) интересы не стоит отождествлять с интересами гражданского общества по причине разных масштабов – корпорации имеют лишь интересы в рамках отрасли деятельности, интересы гражданского общества охватывают различные сферы.

Второе определение гражданского общества сформулировано на уровне ООН, а именно: «Гражданское общество является «третьим сектором» общества наряду с государством и бизнесом. Оно включает в себя организации гражданского общества и неправительственные организации».⁵⁶ Определение ООН не раскрывает сущности гражданского общества, а лишь акцентирует внимание на институциональных проявлениях гражданского общества. Подобная специфика обусловлена универсальным характером международного права, поскольку достаточно сложно при помощи дефиниции охватить в полной мере все возможные проявления гражданского общества во всех государствах-членах ООН.

Анализируя приведенные понятия гражданского общества и корпоративизма, можно заключить, что включение гражданского общества как элемента системы представительства интересов также соотносится с

⁵⁴ Гегель Г. В. Ф. Философия права - М.: Мысль, 1990.- С. 22.

⁵⁵ Там же С. 233.

⁵⁶ Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sections/resources/civil-society/index.html> (дата обращения 30.04.2017)

характеристиками ранее рассмотренной плюралистической модели представительства интересов, что может привести к ошибочному отнесению группы интересов к корпоративной, хотя она может таковой и не являться. По причине неотчетливости подобного понятия корпоративизма, оперировать им в настоящей работе, на наш взгляд, не представляется возможным.

Наиболее точным, по нашему мнению, является второе определение корпоративизма, сформулированное Ф. Шмиттером, в соответствии с которым корпоративизм представляет собой «систему представительства интересов, в которой составные элементы организованы в ограниченное число исключительных, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных и функционально дифференцированных групп, признаваемых или лицензированных *(в случае, если они создаются самим государством)* государством с предоставлением возможности целенаправленной представительной монополии в их соответствующих категориях в обмен на соблюдение определенных мер контроля над выбором их лидеров, а также за артикуляцией требований и поддержкой».⁵⁷ Таким образом, существенными чертами корпоративизма в соответствии со вторым определением корпоративизма Ф. Шмиттера являются: системность, организованность, количественная ограниченность, исключительность в сфере, принудительный характер, отсутствие конкуренции, санкционирование государством, представительный монополизм, контроль над деятельностью со стороны государства.

Заслуживает также внимания понятие, сформулированное позже Г.Лембрухом, который определяет корпоративизм как: «институциональный паттерн формирования политики, согласно которому крупные группы интересов сотрудничают друг с другом и властью не только в сфере артикуляции и агрегации интересов, но также и во властном перераспределении ресурсов и в проведении

⁵⁷ Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World. / F. Pike and T. Stritch (eds.). London, 1974. P. 93-94

соответствующей политики».⁵⁸ В данном определении раскрывается тесный характер взаимодействия государства и корпоративных групп интересов, а также одна из функций политики – аккумуляция и перераспределение ресурсов, что указывает на не только экономический характер корпоративных акторов, но и на политический. Е. Потапова отмечает, что данное понятие не отражает институционализированность корпоративных групп интересов, а лишь демонстрирует договорные начала в отношениях государство – группы интересов.⁵⁹

А. Коусон, главным образом, рассматривает корпоративизм, как модель представительства интересов, которая противоположна марксизму и плюрализму.⁶⁰ Отличительной особенностью и преимуществом корпоративной модели представительства интересов над марксизмом и плюралистической моделью представительства интересов, по мнению А. Коусона, является то, что корпоративная модель отражает процессы по приданию государством форм для групповых интересов.⁶¹ Безусловно, концепция А. Коусона создавалась на определенном этапе общественно-политического развития и отражала характерные особенности представительства интересов своего времени, поэтому ее включение в другие исторические, социальные, политические, культурные условия различных стран требует особого внимания. Несмотря на изменения в политическом пространстве отметим, что в контексте данной работы нас интересует исключительно корпоративная, а также плюралистическая модели представительства интересов. В силу данного обстоятельства, рассуждения А. Коусона, на наш взгляд, являются верными – важнейшей составляющей деятельности групп интересов в рамках плюралистической модели является множественность и разность данных групп, в корпоративистской модели

⁵⁸ Lehmbruch G. Concluding remarks: problems for research on corporatist intermediation and policy making // Trends towards corporatist intermediation and policy making / P. Schmitter, G. Lehmbruch (eds.). Beverly Hills, CA: Sage, 1979.

⁵⁹ Потапова Е.Б. Неокорпоративизм в Западной Европе как объект теоретического осмысления: проверенные гипотезы и новые взгляды // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2010. №4 С.166

⁶⁰ Cawson A. Corporatism and Political Theory. Oxford: Backwell Publishers, 1986. P.213

⁶¹ Там же.

представительства интересов правила взаимодействия с группами формируются самим государством на принципах ограниченности, монопольности, а также определении приоритетных сфер деятельности.

Институциональный характер групп интересов находит свое отражение в понятии С. Перегудова, который понимает под корпоративизмом «особый вид взаимодействия между группами интересов (главными из которых являются организации, представляющие бизнес и профсоюзы) и государством, при котором его участники вырабатывают согласованные рекомендации и решения и участвуют в их реализации».⁶² Данное понятие раскрывает взаимодействие государства и групп интересов, но не отражает характер самих корпоративных структур в рамках модели. При этом относительно альтернативности двух моделей представительства интересов С. Перегудов утверждает, что обе модели могут существовать на одном и том же поле, что объясняет конфликт «плюралистов» и «корпоративистов».⁶³

Следует отметить, что выживание корпоративной структуры в современном мире связано с ее функционированием. Действительно, экономический интерес имеет различные выражения, определенные в текущих, среднесрочных и стратегических целях, которые могут быть направлены на различные сферы деятельности, например техническое перевооружение, расширение рынка сбыта, экономический рост, сохранение рабочих мест и т.д. При этом не стоит сводить данное условие лишь к такому критерию как прибыльность, выражающемуся в превышении доходов над расходами, где цель корпоративной структуры состоит в максимизации прибыли. Данная характеристика, главным образом, сводится к пониманию корпорации как субъекта экономической деятельности. В нашем же исследовании важным представляется возможность корпоративной структуры влиять на процессы, в том числе политические, тем самым наращивать нематериальный капитал. Подобная деятельность корпоративных структур связана с необходимостью защищенности интересов и продвижения их путем достижения

⁶² Перегудов С.П. Крупная корпорация как субъект публичной политики. – М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2006. С.74

⁶³ Перегудов, С. П. Крупная корпорация как субъект публичной политики [Текст] : учеб. пособие для вузов / С. П. Перегудов ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М. : Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. — С. 76.

различного рода договоренностей со властными структурами. В связи с чем, понимание корпоративизма находит свое отражение и в работах отечественных исследователей. Как отмечает А. Галкин, корпорация в политологическом смысле представляет собой «структурированное представительство групп интересов, выходящее на уровень политических институтов».⁶⁴ Также А. Галкиным приводится понятие корпоративизма, под которым понимается: «такая организация общественной жизни, при которой отношения между группами интересов и политической системой реализуются главным образом через корпорации».⁶⁵ Отмеченное понимание корпораций А. Галкиным представляется не совсем точным в части разграничения групп интересов и корпораций. Возможно, подобная распознающая интерпретация данного утверждения покажется неверной, но на наш взгляд, автор исходит из того, что корпорация является своего рода институционализированным посредником между группами интересов и политической системой. В связи с чем представляется, что существует необходимость в уточнении – группы интересов и корпорации являются одним и тем же субъектом, то есть группа интересантов, являясь членами корпорации, имеет корпоративные интересы, которые они непосредственно продвигают.

Корпорация, которая является основным элементом – субъектом корпоративных отношений, выражена в виде иерархической системы, отношения в которой построены на принципе лояльности руководству, представленному узкой элитной группой. Как справедливо отмечает С. Перегудов, корпорации в политическом пространстве являются не просто участниками политической жизни общества как субъекты общественных отношений, но и выступают в качестве института «во многом предопределяющего характер прямых и обратных связей государства и общества».⁶⁶ Необходимо отметить, что при рассмотрении

⁶⁴ Галкин А. А. Корпоративизм как форма отношений между государством и обществом: пределы опасности. – Полис. Политические исследования. 2000. № 6. С. 147-158.

⁶⁵ Галкин А. А. Корпоративизм как форма отношений между государством и обществом: пределы опасности. – Полис. Политические исследования. 2000. № 6. С. 147-158.

⁶⁶ Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений / С.П. Перегудов. – М.: Наука, 2003. – С.23

корпоративной структуры с точки зрения политического актора, ее выявление, безусловно, является процессом субъективным, так как определить строгие параметры достаточно сложно, но тем не менее, необходимо осуществить попытку операционализации понятия. На наш взгляд, под корпоративным интересом следует понимать интерес, артикулируемый высшим руководством группы, находящимся наверху иерархически упорядоченной структуры, являющейся, как правило, монопольным представителем в своей сфере.

В рамках корпоративной модели представительства интересов, корпоративная структура потенциально может достичь своих интересов в обмен на определенную политическую лояльность по отношению к власти. Представляется, что санкционирование государством подобных структур отражает элитарный характер групп интересов. Большим преимуществом данного понятия является то, что оно не связывает корпоративизм с корпорациями, представляющими собой объединение работодателей и работников (то есть своего рода крупные профессиональные союзы), а также законодательной властью, где существует представительство узконаправленных групп интересов, объединенных по профессиональным признакам (например, различные трудовые партии). Отметим, что не стоит сводить указанное разграничение с профессиональным (кадровым) видом партий, членами которых являются профессиональные политики.

Несмотря на то, что в данной работе мы указываем две модели представительства интересов, ряд политологов, таких как Ф. Шмиттер и Г. Алмонд, выделяют третью – управляемую (монистическую). Агрегируя приведенные авторами характеристики указанной модели, их можно свести к следующим:

- фиксированное число единичных, монопольных иерархизированных и неконкурентных представителей в секторах;
- принудительное членство;
- отбор по идеологическим критериям;
- группы создаются, отбираются, лицензируются и контролируются государством;

- определенный контроль над выбором лидеров, артикуляцией требований и мобилизацией поддержки.^{67 68}

Сравнивая приведенные характеристики корпоративной и управляемой моделей представительства интересов, можно отметить, что четких критериев разграничения указанных моделей нет. Управляемая модель представительства интересов в большой степени схожа с государственным типом корпоративизма, который будет далее рассмотрен в настоящем параграфе. С нашей точки зрения, единственное отличие заключается лишь в идеологическом отборе государством групп интересов в управляемой модели представительства интересов. Однако, необходимо отметить, что данная модель связывается с советским опытом структурирования групп интересов, где идеологическая составляющая представляется важнейшей. На наш взгляд, разграничивать корпоративную и монистическую модели представительства интересов, основываясь лишь на данном критерии, является непродуктивным. Таким образом, выделение двух моделей представительства интересов – корпоративной и плюралистической представляется обоснованным.

Как мы уже ранее отмечали, на первый взгляд две основных модели представительства интересов являются альтернативными. Ф. Шмиттер приводит следующие характеристики разграничения корпоративной и плюралистической моделей представительства интересов:

- возрастающее значение формализованных групп представительства интересов;
- дифференцированность и потенциальная противоречивость интересов;
- увеличение роли постоянного действующего административного штата, специализированной информации, а также укоренившейся олигархии;
- снижение роли территориального и пристрастного представительства;

⁶⁷ Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World. / F. Pike and T. Stritch (eds.). London, 1974. P. 97

⁶⁸ Алмонд Г., Пауэлл Дж. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: АспектПресс, 2002. — С.140

- долгосрочная тенденция к расширению сферы государственной политики и взаимопроникновения частных и публичных арен принятия решений.⁶⁹

Указанные характеристики, на наш взгляд, не раскрывают в полной мере различия между моделями представительства интересов. Тем не менее, отличительные черты двух рассматриваемых моделей представительства интересов можно отметить в самих понятиях, сформулированных Ф. Шмиттером и рассмотренных ранее. Более того, они практически представляют собой набор противоположностей по рассматриваемому предмету. Так, С. Перегудов связывает широкое понимание корпоративизма Ф. Шмиттером как раз с альтернативным восприятием плюралистической и корпоративной моделей.⁷⁰

Схожие характеристики разграничения корпоративной и плюралистической моделей представительства интересов находят свое отражение у И. Ветренко и Е. Седашова (см. табл. 1).

Табл. 1 Интересы в плюралистической и корпоративной моделях представительства.⁷¹

№	Параметр сравнения	Модели	
		плюралистическая	корпоративистская
1	Характер представительства интересов	Представительство различных интересов множеством социальных групп, где существует взаимодействие между членами	Монополизм в представительстве интересов по принципу – одним социальный интерес – одна социальная группа.
2	Характер взаимодействия между группами	Возможность свободного взаимодействия между членами других групп	Межгрупповое взаимодействие осуществляется представителями верхних уровней в иерархии групп

⁶⁹ Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World. / F. Pike and T. Stritch (eds.). London, 1974. P. 85 – 131

⁷⁰ Перегудов С. П. Ренессанс корпоративизма? // Куда идет Россия?. Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под ред. Т. И. Заславской. М., 1998. С. 135

⁷¹ Ветренко И. А. Седашов Е. А. Интерес как фактор устойчивости в системах корпоративного и плюралистического взаимодействия // Вестн. Ом. ун-та. 2011. № 3. С. 292–295.

3	Уровень иерархичности группы	Не всегда в группах присутствует четкая иерархия	Строгая иерархия уровней в группах
4	Отношения, складывающиеся по поводу власти	Власть не представляет собой главный и единственный интерес для группы	Важнейший принцип существования корпоративистских групп – стремление войти во властную элиту

Существенным достоинством подобной классификации является то, что она исходит из различий в интересах и способах их продвижения. Классическая шмиттеровская концепция в качестве основания разграничения рассматривает, главным образом, институциональные аспекты моделей. На наш взгляд, необходимо совместное применение обеих концепций при изучении акторов в рамках корпоративной модели представительства интересов. Совместное применение концепций позволит учитывать как процесс артикуляции интересов, так и особенности взаимодействия с властью.

М. Дубняк рассматривает корпоративизм как «ограниченный плюрализм». В качестве обоснования своей позиции автор, сравнивая концепции корпоративной демократии и плюралистической демократии, отмечает, что «плюрализм взглядов сохраняется (при корпоративизме – А.Э.), хотя репрезентируется избранными. Влиятельные объединения могут не конкурировать между собой, а сотрудничать под контролем государства».⁷² Однако, на наш взгляд, данная позиция представляется не совсем корректной и противоречивой. Во-первых, как справедливо отмечает автор, представительство интересов осуществляется избранными структурами, при этом наличие плюрализма взглядов не тождественно их артикулированию как конечного интереса. Именно конечный интерес, который продвигается корпоративной структурой, играет существенную роль, поскольку указывает на обладание данной корпоративной структурой политической субъектностью. Во-вторых, наличие ряда влиятельных, неконкурирующих, но

⁷² Дубняк М. А. Концепции неокорпоративистского дискурса как проблема политической науки и практики / М. А. Дубняк // Научный диалог. – 2013. – № 12 (24) : Общественные науки. – С. 125–135.

сотрудничающих между собой объединений возможно, но подобные характеристики отражают корпоративизм «в чистом виде» (неконкурентность, монополизм, санкционирование государством и др.), а не плюрализм. Поэтому приведенные М. Дубняком характеристики не позволяют квалифицировать корпоративизм как «ограниченный плюрализм».

Содержательные черты корпоративизма, отраженные в понятии Ф. Шмиттера, а также позиционирование корпоративизма как альтернативы плюрализму, могут составить искаженное восприятие корпоративизма как модели, исключающей возможность деятельности институтов демократического государства. Но это не так, поскольку важнейшей особенностью корпоративной модели представительства интересов является наличие двух видов – социального (или либерального) и государственного, чего нет в плюралистической модели. Существует также классификация группы российских исследователей, которые выделяют три типа корпоративизма по степени участия государства: авторитарный, либеральный, социетальный.⁷³ Учитывая ранее приведенные в понятии корпоративизма общие характеристики, которые характерны для двух видов, и исходя из названия типов, можно отметить, что при государственном типе корпоративизма роль государства практически монополизирована, что также косвенно ставит под сомнение выделение управляемой (монистической) модели представительства интересов.

Концепция либерального типа корпоративизма принадлежит Г. Лембруху, который понимает под ним «особый тип участия крупных организованных социальных групп в общественном, особенно экономическом, политическом процессе, отличительной чертой которого является высокая степень сотрудничества между этими группами в формировании государственной политики».⁷⁴ Достаточно сложно отнести подобное определение к приведенным

⁷³ Крицкая А.А., Амадаев А.А., Исакиева З.С., Дзиабаева Г.С. Корпоративная политика и политика корпораций // Инновационная наука. 2016. № 6. С. 272

⁷⁴ Lembruch G. Consociational democracy, class conflict and the new corporatism // Trends Toward Corporatist Intermediation / Ed. by G. Lembruch, P. Schmitter. London: SAGE Publications, 1979. P. 53-61.

ранее общим характеристикам корпоративизма. Концепцию Г. Лембруха можно отнести в равной степени и к плюрализму, поскольку сотрудничество групп интересов, вне зависимости от их размеров соотносится с характеристикой плюрализма, приведенной Г. Алмондом – представительство единого интереса может осуществляться разнообразными группами интересов. В связи с этим, разделение на государственный и социетальный типы представляется наиболее корректным. В рассматриваемой концепции следует обратить внимание на само название – либеральный корпоративизм. Отметим, что данное название не соответствует важнейшему экономическому принципу либерализма – свободный капитализм без участия государства, а в рассматриваемой концепции экономика сильно взаимосвязана с политикой. В рамках научной статьи, посвященной истории корпоративизма, мы уже отмечали, что взгляды Г. Лембруха относительно групп интересов допускают возможность социальной власти групп-олигополистов, при этом базовым элементом корпоративизма является монопольное представительство интересов в занимаемой сфере.⁷⁵

Среди оснований, разделяющих государственный и социальный типы корпоративизма, Ф. Шмиттером выделяются следующие:

1) Ограниченность числа участников. При этом подобные меры могут достигаться различными способами, как путем договоренностей между структурами, так и заградительными действиями со стороны властных структур с целью недопуска «сторонних игроков».

2) Способы достижения исключительности в представляемой сфере. Достигается путем самопополнения, конкурентного устранения сильными структурами (в социальном типе) или оказанием влияния со стороны государственных структур (в государственном типе) для искоренения множественных или параллельных ассоциаций.

⁷⁵ Костин А.Э. Исторические и концептуальные основания корпоративной модели представительства интересов // Вестник современных исследований. 2018. № 5-1 (20). С. 259 – 262.

3) Обязательность исполнения решений. В социальном типе достигается путем социального давления, оказания услуг на основании договорных отношений. В государственном типе – наделением специальными полномочиями официальным законодательным актом.

4) Создание неконкурентного положения иных групп интересов. В социальном типе – внешними и внутренними договорными олигархическими тенденциями; добровольными соглашениями ассоциаций. В государственном типе – путем непрерывного вмешательства со стороны государства (посредничество, арбитраж и репрессивные меры).

5) Иерархизированность групп интересов. В социальном типе при помощи внутренних бюрократических и консолидационных процессов. В государственном типе – в результате властных распоряжений и нахождения в административно зависимом положении.

6) Функциональная дифференцированность. В социальном типе – путем заключения соглашений о разделе сфере интересов. В государственном типе границы возможных сфер устанавливаются государством.

7) Государственное признание. В социальном типе – «снизу-вверх» (исходит от групп к государству). В государственном типе – «сверху-вниз» (государство предоставляет право осуществлять деятельность).

8) Монополия на представительство. В социальном типе – право завоевывается. В государственном типе – право предоставляется.

9) Контроль над лидерами и артикуляцией интересов. В социальном типе – путем консенсуса по процессуальным вопросам. В государственном типе – применением монопольными представителями мер законного принуждения.⁷⁶

Однако важно подчеркнуть отсутствие понятий, позволяющих идентифицировать соответствующий тип корпоративной модели представительства интересов, даже несмотря на наличие субъективной

⁷⁶ Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World. / F. Pike and T. Stritch (eds.). London, 1974. P. 85 – 131.

составляющей данного процесса. По сути, основным критерием разграничения данных типов корпоративизма является степень влияния государства и его структур на отношения государство – группы интересов. В данной связи существует потребность в выработке точного определения государственного типа корпоративизма с целью его последующего применения в данном исследовании. На наш взгляд, государственный тип корпоративизма представляет собой тип представительства групповых интересов, при котором роль государства во взаимоотношениях с группами интересов является определяющей и может выражаться в создании, санкционировании, упразднении корпоративных структур, определении их компетенции, контроле и оказании влияния на их деятельность, а также в потенциальной возможности продвижения государственных интересов посредством данных структур.

Социальный тип корпоративизма, на наш взгляд, представляет собой тип представительства групповых интересов, при котором достижение интересов осуществляется непосредственно группами с целью монопольного удержания сферы интересов, при этом роль государства в данных процессах, главным образом, регулятивная. Социальный тип является близким к плюралистической модели, но тем не менее, основную роль играют не свободные группы, а корпоративные структуры. Основным же критерием разграничения социального и государственного типов корпоративизма являются пределы деятельности государства в делах корпораций.

Необходимо отметить, что в «чистом виде» ни одна из рассматриваемых моделей не присутствует в политическом поле государств, что также значительно усложняет понимание корпоративной природы групп интересов. На наш взгляд, является возможным наличие механизмов и деятельности институтов, характерных как для плюралистической, так и для корпоративной моделей представительства интересов. К тому же, безусловное применение общественно-политической концепции без учета специфических черт политической системы отдельно взятой страны является некорректным.

Долгое время существовали определенные предубеждения относительно корпоративной модели представительства интересов, а именно: невозможность применения корпоративной модели в демократических политических режимах. Ф. Шмиттер, отмечая данную проблему и осознавая погружение данной концепции в рамки идеологических парадигм, указывал на то, что попытка связать корпоративизм с какой-то определенной географической областью, политической культурой или же политическим режимом являются непродуктивными.⁷⁷ Данный вопрос, на наш взгляд, является спорным, поскольку с одной стороны научная концепция должна быть универсальной, с другой стороны, национальные политические особенности могут создавать «концептные натяжки» корпоративизма. В данной связи отметим, что мы разделяем взгляды Ф. Шмиттера о непродуктивности изучения корпоративной модели представительства интересов, исходя из конкретной географической области, даже с учетом того, что существует ряд государств, выбравших именно корпоративный путь развития.⁷⁸ Что же касается политического режима, на наш взгляд политический режим является важнейшим из факторов, влияющих на форму корпоративных взаимоотношений. Политический режим, как один из элементов формы государства, «отвечает» на вопрос «как?». То есть отражает способы осуществления власти, а значит, указывает на организацию взаимоотношений власти и групп интересов. Безусловно, существуют разные подходы к типам политических режимов и режимы с одним и тем же названием на практике могут сильно отличаться и быть своеобразными «ярлыками». Однако, на наш взгляд, способы осуществления власти демонстрируют формат взаимоотношений между государством и группами интересов и, следовательно, позволяют определить тип корпоративизма в конкретном государстве.

⁷⁷ См. подробнее Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World. / F. Pike and T. Stritch (eds.). London, 1974. P. 86, 89, 90.

⁷⁸ Исаев М.А., Чеканский А.Н., Шишкин В.Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, 2000. — 279 с.

Таким образом, представительство интересов является сложным, многогранным явлением в политическом пространстве. Вид, тип и особенности характера модели представительства интересов раскрывают специфику взаимоотношений между государством и группами интересов, их роли, способы и пределы деятельности в данных процессах, институциональную базу для возможности артикуляции и продвижения интересов. Вследствие этих процессов, корпоративная структура наполняется не только экономическим, но и политическим содержанием, а также демонстрирует ее политическую субъектность, позволяет оценить используемые ей механизмы для устойчивого положения и особенности используемой модели представительства интересов.

1.2 Эволюция теоретических представлений о корпоративной модели представительства интересов.

В предыдущем параграфе были рассмотрена сущность корпоративной модели представительства интересов. Однако представляется, что для полноценного изучения корпоративных интересов является важным процесс развития взглядов на данную модель.

Необходимо отметить, что своеобразным началом – первым этапом эволюции корпоративного строительства являются древнеримские и средневековые корпорации. Древнеримская корпорация представляет собой группу граждан, интересы которых заключаются в особенностях их общей профессиональной деятельности. Как отмечает В. Гусельников, деятельность древнеримской корпорации сводилась не только к осуществлению управленческих вопросов и представительству интересов, а к институциональной базе как механизма достижения власти, что позволяло стремиться к господству и контролю определенного объема ресурсов». ⁷⁹

⁷⁹ Гусельников В.В. Институциональные версии корпоративизма [Электронный ресурс]: политические науки// архив статей // сайт «Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов». - Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2008/polit49.html> (дата обращения: 14.05.2016).

Следует отметить, что периодом полноценного становления корпоративизма как институционального общественно-политического явления, по мнению ряда авторов, можно считать Средние века в Европе. Данный временной период является сложным с точки зрения структурирования общества и отношений в обществе ввиду строгой иерархизации, патриархального устройства, где индивид, как системный элемент общества, занимает определенное положение. Социальные функции имели существенное значение и одним из способов выхода индивида в общество является своего рода коллаборация с социальными группами. Определенное положение в обществе формирует необходимость к объединению индивидов в институционализированные структуры.⁸⁰

С точки зрения формальной составляющей типов средневековых корпоративных структур можно выделить цеха и гильдии. Необходимо отметить, что единообразной позиции, четких критериев по вопросу разграничения одного типа структуры от другого нет. На наш взгляд, основное отличие данных структур друг от друга заключается в предметной деятельности лиц, объединенных в рамках корпорации. Если цех объединял ремесленников одной и той же профессии, то гильдии могли иметь широкий круг аспектов, но, как правило, связанный с торговой деятельностью.⁸¹

Процесс институционализации структур способствует приобретению более значимой субъектности, а значит, расширению возможностей для артикуляции и продвижения корпоративных интересов. При этом процесс формализации и обретение субъектности не означает единого торгового монополиста в какой-либо сфере деятельности. Как справедливо отмечает С. Аштаева «торговые гильдии не являлись целостными хозяйственными единицами, поскольку им была присуща только солидарная ответственность участников, основанная на общих условиях совместной деятельности».⁸² Институционализация средневековых корпоративных

⁸⁰ См. подробнее Сванидзе, А.А. Средневековые корпорации Текст. / Аделаида Сванидзе // Неприкосновенный запас. - М., - 2006. - № 4-5, - С. 55-68.

⁸¹ Там же

⁸² Аштаева, С.С. История корпораций / С.С. Аштаева // Проблемы модернизации гражданского законодательства Российской Федерации : материалы научно-практической конференции. - Элиста, 2012. - С. 25-28.

структур отражается в процессе формализации, которая выражается как в правовом аспекте (например, принятие учредительных документов) ⁸³, так и в организационно-культурном (построение иерархической структуры, разработка внутрикорпоративных правил, членства и особенной корпоративной культуры, действие которой распространяется на членов).⁸⁴

Большой интерес в рамках корпоративной культуры данных структур представляют ее особенности, а именно процесс формирования культуры «снизу-вверх», возникающий путем принятия данных норм, признания и распространения их действия на членов структуры. Как отмечает Е. Арнаутова, подобные особенности, которые возникают именно в рамках средневековой парадигмы «следует рассматривать как первый опыт решения проблемы конструктивного преодоления конфликтов - проблемы, обретшей особое значение в современном плюралистическом обществе».⁸⁵ Однако подобные особенности позволяют нам говорить не только о современном плюралистическом обществе, а формируют в целом вопрос – являются ли средневековые корпоративные структуры таковыми с точки зрения теории корпоративизма. Сопоставляя подобные особенности формирования средневековых групп с приведенными в предыдущем параграфе понятиями и характеристиками плюралистической и корпоративной моделей представительства интересов, необходимо отметить, что на наш взгляд, характер этих групп в большей степени соответствует плюралистической модели представительства интересов. Несмотря на то, что существовала определенная зависимость групп от церкви, данное обстоятельство, на наш взгляд, не отражает роль властных структур, как одного из ключевых факторов разграничения моделей представительства интересов. Таким образом, говорить о полной «корпоративности» с позиции политической теории не представляется возможным.

⁸³ Сванидзе, А.А. Средневековые корпорации Текст. / Аделаида Сванидзе // Неприкосновенный запас. - М., - 2006. - № 4-5, - С. 55-68.

⁸⁴ Арнаутова Е. Средневековые истоки современной культуры // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 48-49. – С. 69–76.

⁸⁵ Там же.

Гильдии в средние века представляли собой объединения купцов или ремесленников, защищавшие интересы своих членов.⁸⁶ Таким образом, одной из существенных функций данных структур было продвижение корпоративных интересов в определенной сфере.

Однако в процессе эволюции гильдий их функциональная направленность также расширялась и не ограничивалась лишь представительством интересов. Как отмечает А. Павроз, помимо представительства интересов гильдии осуществляли «регламентацию профессиональной деятельности, устроение религиозной и общественной жизни и социальное страхование».⁸⁷ Также А. Павроз, рассматривая эволюционирование гильдий, указывает на расширение профессиональных сфер, охватываемых корпорациями. Изначально корпорации включали торговую и ремесленную сферу, однако затем сфера деятельности подобных структур расширялась, охватывая и «регулируя большое число аспектов социальной жизни».⁸⁸ Необходимо отметить, что роль корпоративных структур как политического актора усиливалась, что позволяло оказывать влияние на политические процессы.

Важно также отметить значительную роль института церкви в политическом пространстве. Взаимоотношения церковных и корпоративных структур можно охарактеризовать как своеобразный симбиоз. С одной стороны, церковь, обладая большим влиянием на общественную жизнь в тот период времени, одобряла процесс объединения индивидов в гильдии, поскольку вхождение в гильдию дополнительным образом упорядочивало место человека в обществе. С другой стороны, сама церковь обладает признаками, в соответствии с которыми ее можно идентифицировать как замкнутую корпоративную структуру⁸⁹, что выражается в наличии следующих особенностей: членства, иерархической структуризации, общекорпоративных интересов и корпоративной культуры. Также важно

⁸⁶ Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – С.201

⁸⁷ Павроз А.В. Группы интересов в политике. – СПб.: Издательство РХГА, 2015. – С.72

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Сванидзе, А.А. Средневековые корпорации Текст. / Аделаида Сванидзе // Неприкосновенный запас. - М., - 2006. - № 4-5. - С. 55-68.

подчеркнуть, что гильдии оказывали содействие церкви, занимались благотворительностью, в том числе и в духовной сфере жизни общества. Таким образом, с увеличением численности субъектов корпоративных интересов, у церкви появлялось больше возможностей для осуществления деятельности. Можно отметить, что пространство для возникновения антиклерикальных корпораций было существенно сужено. В данной связи можно отметить пример, приведенный группой авторов, рассматривающих вопросы интеллектуальных субкультур в средние века, а именно представление Церкви об интеллектуальном труде как проявлении сокровенной благодати, в которой отвергаются все социальные требования корпорации магистров.⁹⁰

Следующий этап развития корпоративизма связан с важными социально-политическими и экономическими изменениями в развитых странах в период Нового времени. Отметим три ключевых, на наш взгляд, стимуляторов изменений в корпоративизме: буржуазные революции, обозначившие переход от феодализма к капитализму, создание Ост-Индских компаний, а также промышленные революции.

В XVI-XIX вв. в таких странах как Нидерланды, Англия, Франция и других произошли революции, оказавшие серьезное влияние на корпоративизм. Данные революции усилили роль стран-колонизаторов, сформировали новый уклад в экономических отношениях, а также политическом представительстве интересов. Л. Яремчук, рассматривая деятельность дворянства по сохранению привилегий до Французской буржуазной революции, отмечает: «Эти действия дворянства привели к тому, что в XVIII в. привилегированные сословия окончательно превратились в узкую изолированную корпорацию, интересы которой существенно разошлись с интересами непривилегированного третьего сословия, буржуазии».⁹¹ Несмотря на то, что революции и, в первую очередь, французская буржуазная, существенным образом расширили и утвердили права человека и

⁹⁰ См. подробнее: Бондаренко Е.А., Борисов С.Н., Римский В.П. Интеллектуальные субкультуры в средние века и эпоху Возрождения // Наука. Искусство. Культура. 2014. №4. С. 185.

⁹¹ Веремчук Л.П. Алексис де Токвиль: концепция аристократии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. №342. С.107.

гражданина, а также возможности для артикуляции интересов в рамках плюралистической модели представительства, корпоративные интересы не потеряли своего значения. Подобная особенность вызвана тем, что ряд государств перешел к республиканской форме правления, государство перестало быть конечным арбитром в экономических отношениях⁹², возросло значение парламента. Увеличение корпоративных групп интересов обусловило необходимость усиления их акторности, то есть деятельности по продвижению корпоративных интересов в политическом пространстве. Данные обстоятельства во многом способствовали развитию лоббизма как механизма представительства корпоративных интересов в Палате общин, а затем и в Конгрессе США.

Важное значение с точки зрения корпоративных интересов, имеет процесс возникновения США. Данное государство изначально создавалось в результате соглашения между пилигримами и Вирджинской компанией, которую можно отнести к корпоративной группе интересов на территории, входящей в сферу торговых интересов данной группы. Несмотря на провозглашение независимости, английский колониализм серьезным образом повлиял на корпоративную модель представительства в США. Важнейшей, на наш взгляд, чертой, отразившейся в американской корпоративной модели, является особый тип правовой системы. Правовая система США основана на англо-саксонской (прецедентной) правовой системе, но предполагает и кодификацию на федеральном уровне, свойственную романо-германской правовой системе. Представляется, что подобный симбиоз в значительной степени может способствовать обеспечению корпоративных интересов. Корпоративные группы интересов могут влиять на конгрессменов на высшем уровне и продвигать интересы, базируясь на судебных прецедентах, на уровнях ниже. Таким образом, буржуазные революции в европейских странах и США в значительной степени оказали влияние на корпоративную модель представительства интересов.

⁹² Ефимов В.М. О двух типах социальных порядков (Часть 1. Окончание - в №2 ВТЭ) // ВТЭ. 2018. №1 (2). С. 9.

Вторым важнейшим моментом данного этапа развития корпоративной модели представительства интересов является возникновение Ост-Индских компаний, как нового формата корпоративных структур. Ост-Индские компании представляют собой не просто объединения каких-либо профессиональных групп как в предыдущем этапе, а групп, стремящихся к продвижению интересов вне национального политического и экономического пространств. Так, С. Аштаева, рассматривая Нидерландскую Ост-Индскую компанию, отмечает: «...разрозненные купеческие гильдии и морские товарищества, объединенные одной целью, образовали колониальную компанию».⁹³ Более того, А. Сапунцов отмечает, что Ост-индские компании, исходя из современного экономического понимания, можно охарактеризовать как первые транснациональные корпорации.⁹⁴ Соглашаясь с данными позициями, отметим применительно к корпоративной модели представительства интересов, что Ост-Индские компании в европейских странах демонстрируют признаки корпоративных групп, что выражается в продвижении торговых интересов и расширении сфер влияния.

На развитие корпоративизма существенно повлияла промышленная революция. При этом важнейшие изменения коснулись не только технологий и экономики, но и институциональной среды. Дж. Мокир выделяет три институциональных группы, препятствующих изменениям, обусловленным промышленной революцией, – институты, препятствующие обмену; институты, не стремящиеся к увеличению производительности; институты, препятствующие технологическому прогрессу.⁹⁵ Тем не менее, обобщая рассуждения Дж. Мокира относительно развития экономических отношений в результате промышленной революции, следует отметить ряд моментов, имеющих важнейшее значение для эволюции корпоративизма, а именно: либерализация торговли; снижение роли

⁹³ Аштаева, С.С. История корпораций / С.С. Аштаева // Проблемы модернизации гражданского законодательства Российской Федерации : материалы научно-практической конференции. - Элиста, 2012. - С. 26.

⁹⁴ Сапунцов А.Л. Эволюционный подход в экономических исследованиях деятельности транснациональных корпораций // Вестник МИЭП. 2011. №4 (5). С.42.

⁹⁵ Мокир Дж. Меркантилизм, Просвещение и Промышленная революция // Пространство экономики. 2006. №1. С. 11.

гильдий, претендующих на привилегии, извлекающих ренту и препятствующих реформам; переход от рентоориентированного общества к стремящемуся к конкуренции; усиление роли патентов; гарантия прав собственности, предпринимательской и инновационной деятельности.⁹⁶ Таким образом, промышленная революция отразилась на корпоративизме не только с точки зрения технологического развития, но и институциональных изменений, повлиявших на взаимоотношения государства с группами интересов и групп интересов между собой.

Следующий эволюционный этап институционализации корпоративной модели представительства интересов можно отметить в конце XIX – начале XX вв. Безусловно, церковь уже не имела столь обширного влияния как в средневековый период, тем не менее, вся корпоративная модель построения общества ею поддерживалась. Доктринальные церковные документы имеют важнейшее значение, поскольку их толкование общественно-политических процессов и взгляды позволяют уяснить корпоративную природу, несмотря на светский характер общества. Именно в данный период были заложены принципы корпоративизма как основы достижения возможного компромисса в обществе. Этот период был ознаменован принятием в 1891 году доктринального документа, содержащего принципы корпоративного общества - энциклики папы римского Льва XIII. В энциклике «*Rerum Novarum*»,⁹⁷ Папа фокусирует внимание на взаимозависимость сфер общественного сектора, в связи с чем возможны социальные конфликты, избежать которых можно путем классового соединения. Структурно данный документ разделяется по субъектам: церковь, государство и профессиональные союзы. Также отмечается, что вопрос прав и обязанностей как богатых, так и бедных является предметом политических провокаций, которые могут привести к потрясениям, что обуславливает необходимость построения общества, основанного на ряде принципов.

⁹⁶ См. подробнее Мокир Дж. Меркантилизм, Просвещение и Промышленная революция // Пространство экономики. 2006. №1. С.7-31.

⁹⁷ «*Rerum Novarum*» может переводиться по-разному – «Новые веяния» или «Политические изменения».

В общем и целом, можно выделить следующие ключевые постулаты доктрины Льва XIII:

1) Равенство приводит всех на уровень нищеты и бесчестия, в связи с чем социалистическая парадигма является неверным путем.

2) Свободная конкуренция недопустима – «...разъединенные и беззащитные⁹⁸, бессердечию хозяев и жестокости ничем не сдерживаемой конкуренции».⁹⁹ В значительной степени признается и роль торговцев в жизни общества и государства: «Те, кто занимается торговлей и ремеслами, содействуют благосостоянию иным путем, но и они, хотя и не так непосредственно, оказывают народу в высшей степени важные услуги». ¹⁰⁰ Указанная энциклика содержит также призыв к «добродетельной жизни». Следует отметить, что данный призыв, по сути, фиксирует взгляды Фомы Аквинского, характерные для рассмотренного ранее средневекового периода. Конкуренция и в тоже время монополизация путем удержания ряда отраслей хозяйства отдельными группами лиц приводит к еще большему расслоению богатых и бедных. Также введение в деловой оборот договорной практики приводит к созданию кабальных условий, усугубляющих и без того тяжелое положение незащищенных слоев населения.

3) Частная собственность естественна человеческой природе и принадлежит именно человеку, осуществляющему труд как вознаграждение. Важной особенностью частной собственности является не только владение, но еще и распоряжение, что можно охарактеризовать как практически полное право собственности.¹⁰¹ Однако существенной чертой является пользование как элемент частной собственности, поскольку Церковь как один из описываемых субъектов отношений выражает необходимое одобрение, которое достигается путем послушания владельцам Церкви и ассоциациям, но отзывается при создании конкуренции. – «Справедливо ли, чтобы плодами чьего-то тяжелого труда

⁹⁸ В данном контексте речь идет о рабочих

⁹⁹ Рерум Новарум. Окружное послание Папы Льва XIII [Электронный ресурс] // Сайт «Twirpx.com.Все для студента». - Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/469275/grant/> (дата обращения: 20.04.2017).

¹⁰⁰ Там же

¹⁰¹ Право собственности складывается из трех элементов – владения, пользования и распоряжения.

пользовался другой? Достигнутое трудом принадлежит трудившемуся, они связаны как причина и следствие. Поэтому человечество мало поддается влиянию тех немногих, кто думает иначе. Оно справедливо находит, что изучение природы и ее законов позволяет закрепить за каждым его надел, а практика всех веков освящает принцип частной собственности, согласный человеческой природе и ведущий самым верным путем к миру и спокойствию в человеческой жизни.»

4) Возможность объединения граждан в союзы. Церковь не только допускает, но и поощряет вступление граждан в союзы. При этом интересным представляется разграничение интересов. С одной стороны государство и гражданское общество представляют общественный интерес, с другой стороны союзные группы интересов представляют собственные интересы, важно, чтобы деятельность подобных структур охватывалась благими, по мнению Церкви, целями.¹⁰² Важно подчеркнуть, что значительная роль отводится именно христианским корпоративным структурам, то есть отражает желаемую Церковью идеологическую направленность, что, на наш взгляд, указывает именно на корпоративный характер подобных союзов. Как отмечает Г. Вермишев, создание подобных католических профессиональных союзов имело своей целью повышение физического, духовного и экономического благосостояния членов.¹⁰³ Таким образом, Церковь одобряет деятельность корпоративных структур, которые не раскалывают общество, соответствуют христианским догмам и относятся лояльно к Церкви.

Взаимозависимость различных общественных и иных групп, классов друг от друга определяет необходимость в координации их действий. Таким образом, обретают важность общественные организации, объединяющие лиц одного профиля, что приводит к усилению роли профсоюзных организаций.¹⁰⁴

¹⁰² Рерум Новарум. Окружное послание Папы Льва XIII [Электронный ресурс] // Сайт «Twirpx.com. Все для студента». - Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/469275/grant/> (дата обращения: 14.05.2016).

¹⁰³ Вермишев Г.А. Религия в европейском идеологическом дискурсе 20-30 годов XX века : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.14 / Вермишев Георгий Андреевич; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2014. - С.46

¹⁰⁴ Дубняк М. А. Концепции неокорпоративистского дискурса как проблема политической науки и практики / М. А. Дубняк // Научный диалог. - 2013. - № 12 (24) : Общественные науки. - С. 125–135.

Операционализируя постулаты доктрины, с точки зрения общеполитических направлений, необходимо отметить, что доктрина не придерживается однозначно какой-либо стороны (богатых или бедных), что не делает ее «правой». Признание частной собственности как неотъемлемой составляющей общественно-экономического уклада может указывать на некоторую правую направленность, но в тоже время энциклика указывает на неприятие социалистической модели общественных отношений, при этом конкуренция является недопустимой. Характер данных взглядов не позволяет их отнести ни к «правым», ни к «левым» течениям, а указывает на некоторую промежуточность. На наш взгляд, рассматриваемые постулаты можно отнести к центристской политической направленности, а предлагаемый в послании характер структур представляется соответствующим теоретическим аспектам корпоративизма, рассмотренным в предыдущем параграфе.

«*Rerum Novarum*» стал важной доктриной построения общества и отразил видение церкви на проблемы, вызовы, стоящие перед общественностью и предлагаемые меры по их разрешению. К сорокалетию с момента опубликования «*Rerum Novarum*» в мае 1931 года вышла новая энциклика папы римского Пия XI «*Quadragesimo Anno*» («Сороковой год»). Важно отметить, что «*Rerum Novarum*» оказал настолько существенное влияние, что позиция церкви оставалась неизменной не только на протяжении сорока лет, но и после — новая энциклика не входила в противоречие со старой, она, по сути, дополняла и развивала постулаты предыдущей доктрины с учетом изменившихся общественных отношений. При этом основная проблема предыдущей доктрины также была сохранена — увеличение разрыва между богатыми и бедными. Что же касается самой доктрины, то мы лишь обратим внимание на существенные отличительные черты, позволяющие нам говорить об «огосударствливании» модели корпоративного устройства общества:

- помимо частной собственности, внимание которой было уделено в «*Rerum Novarum*», Пий XI отмечает и общественную. Оба этих вида собственности

необходимо равно уважать и разграничивать с целью недопущения ухода в крайние формы – индивидуализма и коллективизма. Как и в предыдущей энциклике сохраняется морально-нравственная составляющая пользования правом собственности, определять пределы данной составляющей должны властные структуры.

- создание корпоративных структур по-прежнему поощряется, но их роль рассматривается как средство достижения общественного консенсуса и порядка. При этом выделяется ряд требований к подобным структурам: деятельность должна сводиться к благу для государства, выполнение не только групповых интересов, но и социальных задач корпоративными структурами возможно в случае выполнения взятых на себя обязательств. Важным тезисом доктрины является создание профессиональных корпораций, состоящих из лиц, делегируемых от синдикатов. Деятельность профессиональных корпораций подобна органам государственной власти, то есть осуществление властно-распорядительных полномочий. Иными словами, концепция предусматривает добровольную передачу государством части своих функций на уровни ниже, что указывает на дополнительную структуризацию и нахождение данных корпоративных структур в ведении государственного аппарата.¹⁰⁵

Рассматривая эти два доктринальных документа, можно отметить определенную преемственность изложенных взглядов с духом корпоративизма средневекового периода, а также последовательность позиций католической церкви, стремящейся артикулировать свою позицию об общественном устройстве. Отметим, что на наш взгляд, энциклика Пия XI, несмотря на определенные схожести с энцикликой «*Regum Novarum*» и утверждения ряда ее постулатов, имеет ряд существенных отличий и специфических черт. В отличие от предшествующей доктрины она способствует корпоративному строительству как всеобъемлющему общественному явлению, где корпорации либо дублируют, либо полностью

¹⁰⁵ «*Quadragesimo Anno*» [Электронный ресурс] // Сайт Традиция Русская энциклопедия. - Режим доступа: https://traditio.wiki/Quadragesimo_Anno (дата обращения 1 мая 2017 г.)

осуществляют власть на основании санкционирования государством. При этом в энциклике указывается на необходимость усиления регулятивной и контрольной роли государства. Подобное усиление, а также наличие общественного и государственного интересов, как наиболее значимых в обществе, достигается путем корпоративных групп интересов, что также отражено в затрагиваемом вопросе реализации права на частную собственность. Представляется, что важность и необходимость опубликования «*Quadragesimo Anno*» была также вызвана практической реализацией социалистической модели экономики и общества в тот момент времени в ряде государств с последующей перспективой перехода к коммунистической, как например СССР. Поскольку данные концепции наполнены негативным восприятием социалистического устройства, то на наш взгляд, необходимость избежать реализации данной модели в Западной Европе также отражает значение принятия доктрины.

Значительным этапом развития корпоративной модели представительства интересов является фашистский корпоративизм. Данная специфическая форма корпоративной модели возникла, получила институциональное оформление и развивалась в период правления Бенито Муссолини, начиная с 20-х гг. XX в. На корпоративную форму общественного устройства возлагались большие надежды и некоторые фашисты, как например М. Манолеску, даже предрекали двадцатое столетие веком корпоративизма, отмечая при этом век девятнадцатый веком либерализма.¹⁰⁶

Важно отметить взаимосвязь фашистских идей и описанных выше доктрин. Многие положения были заимствованы из посланий Льва XIII, а послание Пия XI как раз было сформулировано в 30-е гг. XX века. В связи с чем мы допускаем принятие корпоративной модели представительства интересов с широким участием государства как попытку итальянских политических деятелей того периода осуществления построения общества согласно описанным в доктринах

¹⁰⁶ Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World. / F. Pike and T. Stritch (eds.). London, 1974. P. C.85

образам. Как отмечает Ю. Майка «фашистские движения, представляющие собой, как оказалось, серьезную опасность для Церкви и христианства вообще, а для «социального католичества» в особенности».¹⁰⁷ Данная позиция представляется нам не совсем корректной. С одной стороны, если рассматривать фашистский корпоративизм с точки зрения энциклики «*Rerum Novarum*», то действительно можно отметить ряд расхождений в рамках реализации политики представителями властных структур того периода. С другой стороны, если исходить из положений энциклики «*Quadragesimo Anno*», дух которой можно считать государственным, то, на наш взгляд, существенных расхождений не отмечается. В связи с чем говорить об опасности для христианства представляется достаточно сложным.

Ко времени прихода к власти фашистской политической элиты в стране действовали профсоюзы как группы представительства интересов, однако их было решено заменить камерами, функциональная деятельность которых не сильно отличалась от первых. Исходя из политического и идеологического курса, властями создавались различные корпорации, схожие по роду деятельности с современными министерствами, таких направлений: корпорации промышленного, сельскохозяйственного и торгового цикла; корпорации промышленного и торгового цикла, а также корпорации по производству услуг.¹⁰⁸ Целью создаваемых корпоративных структур представляется аккумуляция ресурсов в лице конечного стейкхолдера – государства для всестороннего контроля, а также проведения широкомасштабной модернизации.

Рассматривая официальные властные структуры, позволяющие говорить об институционализированном государственном характере, можно выделить три органа государственной власти, являвшихся «надструктурами» и осуществлявших координационную и контрольную деятельность - Национальный совет корпораций

¹⁰⁷ Майка Ю. Социальное учение Католической Церкви / Ю. Майка. -Рим-Люблин: Изд. Святого Креста, 1994. – С.330

¹⁰⁸ Простаков И. В. Фашистский корпоративизм и государственно-монополистическое регулирование промышленного производства в Италии 30-х гг. XX в. // Проблемы экономической теории капитализма : сб. обзоров и ст. М. : Акад. наук СССР, 1989, С.207

(учрежден в 1926 г.), Палата фасций и корпораций (действовала в 1939 г.), по сути институционально заменившая собой парламент и выборное представительство в законодательной власти¹⁰⁹, а также Министерство корпораций (учреждено в 1926 г.). Таким образом, законодательная и исполнительная власти оказались под влиянием корпоративизма.

Министерство корпораций являлось структурным элементом правительства. Как отмечает И. Шапкин, деятельность Министерства корпораций заключалась в том, чтобы «мирными средствами регулировать социальные конфликты и способствовать продвижению страны по корпоративному пути.»¹¹⁰ Несмотря на достаточно «общий» взгляд на деятельность данного министерства, подобная позиция представляется верной, поскольку политическую составляющую деятельности данных властных структур, на наш взгляд, необходимо рассматривать неразрывно с идеологической составляющей, а тезис о «продвижении страны по корпоративному пути» демонстрирует данную составляющую.

Национальный совет корпораций (далее – НСК) представлял собой коллегиальный совещательный орган. Его основной целью было выработка социально-экономической политики итальянского государства. Как отмечает И. Простаков, деятельность НСК реализовывалась по следующим направлениям:

- 1) регламентирование деятельности по оказанию помощи официально признанным санкционированным корпоративным структурам;
- 2) регламентирование трудовых отношений и иных нормативных аспектов в рамках деятельности корпораций;

¹⁰⁹ Иванова М.И. Корпоративность как фактор формирования российской политической элиты // Государственная служба, 2016, №6 (104), С. 16-20.

¹¹⁰ Шапкин И.Н. Корпоративистская практика 1920-1930-х гг. Опыт создания «Корпоративной» экономики в Италии, Австрии, Испании, Португалии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №3 (27). С. 46

3) регламентирование экономических производственных связей между официально санкционированными союзами корпоративных структур.¹¹¹

Таким образом, деятельность НСК по законодательному регулированию, официальному признанию отражают элитарный характер рассматриваемых групп интересов. Регламентирование государством иных нормативных аспектов деятельности корпораций указывает на непосредственное участие во внутренних делах корпораций.

Определенной схожестью со средневековыми корпоративными структурами можно считать общественный уклад с отведением определенной роли и занимаемого места, что выражается в потребности корпоративного фашистского режима в «специалистах-технократах узкого профиля, которые не поднимались бы в своих изысканиях до уровня политических обобщений. Они должны были осуществлять сугубо эмпирические исследования».¹¹² Иными словами, фашистское государство нуждалось в полной и достоверной информации о происходящих процессах для возможности их корректирования в своих интересах. На наш взгляд, необходимость в подобных узкопрофильных специалистах вызвана, прежде всего, опасениями государства о целостности идеологической составляющей корпоративного фашистского общества в случае, если государство утратит свое монопольное право на информацию. Данный интерес государства указывает на направленность к всеобъемлющему контролю не только групп представительства, но и других аспектов общественной и политической систем, что говорит о сложившемся авторитарном политическом режиме Италии 30-х гг. XX века. Что же касается отличий от средневековых корпоративных структур, например гильдий, то, на наш взгляд, интересы средневековых гильдий главным образом имели экономический характер, корпорации при фашистском политическом режиме стремились также и к политическому влиянию.

¹¹¹ Простаков И. В. Фашистский корпоративизм и государственно-монополистическое регулирование промышленного производства в Италии 30-х гг. XX в. // Проблемы экономической теории капитализма : сб. обзоров и ст. М. : Акад. наук СССР, 1989, С.200

¹¹² Белоусов А.С. Режим Муссолини и массы. - М.: Изд-во МГУ, 2000. – С.32

При этом процесс корпоративизации и интерес в нем исходил не от корпоративных структур или рабочих, а со стороны государства, стремившегося сформировать новую парадигму отношений. В связи с данной особенностью представляется сложным назвать этот процесс закономерным, отражающим общественную необходимость. Однако, как отмечает Л. Белоусов, попытки интеграции рабочих в созданные корпоративные структуры, а также формирование среди рабочего класса корпоративистских идей не увенчались успехом, что существенным образом усложнило проведение мобилизационных мероприятий «сверху», и единственным возможным путем разрешения обостряющегося «рабочего вопроса» стало оказание властного давления.¹¹³ Наиболее точная характеристика фашистского политического устройства Италии, на наш взгляд, выражена у советского исследователя Г. Филатова, который отмечает: «Фашизм покончил с видимостью выборности, которая до тех пор сохранялась при формировании высших законодательных органов. Новое устройство отвергало «предрассудок», согласно которому представительство обязательно должно основываться на выборности».¹¹⁴ Таким образом, можно отметить авторитарный характер политического режима фашистской Италии, при этом он проявляется не только в рамках исполнительной власти (в лице правительства), но и законодательной, что указывает на контроль государством широкого спектра общественно-политической жизни. Однако, представляется, что данное утверждение Г. Филатова является небесспорным, поскольку советское восприятие образа корпоративистской организации представительства интересов и общества в фашистской Италии 30-х гг. XX в. характеризуется как «реакционная, фашистская форма буржуазной диктатуры».¹¹⁵

¹¹³ Там же С. 28

¹¹⁴ История фашизма в Западной Европе [Текст] / Ин-т всеобщей истории АН СССР ; отв. ред. Г. С. Филатов. - М. : Наука, 1978. - С.99.

¹¹⁵ Шабров О.Ф. Корпоративизм в отношениях государства и бизнеса // Государство, НКО и бизнес: процесс взаимодействия / Материалы Международной научно-практической конференции. М.: МГОФ «Знание», 2007, с. 225-231.

А. Павроз отмечает важность идеологического значения фашистского корпоративизма как модели, противостоящей советской коммунистической и либеральной американской.¹¹⁶ На наш взгляд, А. Павроз прав относительно «состязательности» данных моделей, поскольку подобная корпоративная организация управления государством, направленная на концентрацию ресурсов и кооперацию производственных сил, в частности имела своей целью нивелировать последствия произошедшей в тот момент Великой депрессии, обнажившей миру несовершенства капиталистической модели, а также шанс продемонстрировать совершенство фашистской корпоративной модели над проводимой в тот момент советской индустриализацией. К тому же не только пример фашистского корпоративизма иллюстрирует деятельность по минимизации негативных последствий от Великой депрессии – с подобной проблемой столкнулись скандинавские страны, в политической системе которых корпоративизм занимал не последнее место. Например, в Швеции вопросы сельского хозяйства курировала корпоративная структура Sveriges Lantbruksförbund (Шведская сельскохозяйственная ассоциация), деятельность которой была направлена на организацию кооперации свободных крестьянских хозяйств и решение проблемы обеспеченности жильем посредством создания жилищных кооперативов.¹¹⁷ Но, тем не менее, особенности, приведенные Г. Филатовым, и, главным образом – отсутствие выборности, являются полезными, поскольку позволяют нам в полной мере говорить именно о корпоративной модели представительства интересов, причем государственного типа, и констатировать отсутствие плюралистической.

Окончание Второй мировой войны, ознаменовавшееся разгромом фашизма, сформировало устойчивое ассоциирование корпоративизма с фашистским политическим режимом Италии, в связи с чем корпоративизм как общественно-

¹¹⁶ Павроз А.В. Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 4. С. 54

¹¹⁷ Исаев М.А., Чеканский А.Н., Шишкин В.Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, 2000. — С.58

политическая модель представительства интересов была дискредитирована. Однако подобное восприятие не отменяет существования данной модели.

Существование феномена корпоративизма сформировало необходимость в переосмыслении и операционализации данной модели представительства интересов, но с позиции институционального подхода без идеологических особенностей для понимания типовых элементов современного корпоративизма. Подобная задача была реализована во второй половине XX века Ф. Шмиттером, Г. Лембрухом и А. Коусоном, концепции которых были рассмотрены в предыдущем параграфе. Возможно, нас упрекнули в частом цитировании Ф. Шмиттера, однако, на наш взгляд, данный исследователь заложил основу теоретического переосмысления корпоративизма, а потому представляется невозможным изучение данной темы без упоминания его взглядов.

Основные элементы сущности корпоративизма в понимании Ф. Шмиттера ранее были рассмотрены, в связи с чем наиболее целесообразным представляется рассмотреть значение подобного восприятия корпоративизма, которое позволяет говорить о теоретических аспектах эволюционирования данной модели. Так, в 1974 году Ф. Шмиттером был сформулирован неокорпоративистский подход, который помимо идеологических компонентов не учитывает также географические особенности, особенности политического режима, рассматривая их как предрассудки о корпоративизме, ограничивающие понимание сущности корпоративизма, что требует переосмысления данного политического явления. Мы уже выражали несогласие о независимости корпоративизма от особенностей политического режима в предыдущем параграфе, а также упомянутый в данном параграфе пример особенного скандинавского корпоративизма. Однако, подобный подход, при котором не учитываются особенности политического режима, на наш взгляд, вызван своего рода «усреднением» корпоративизма, то есть выделением наиболее ярко выраженных его аспектов, даже несмотря на эмпирический характер исследования институциональных практик в политических системах различных государств. Ф. Шмиттер предостерегает от изучения корпоративизма, исходя из

мотивов и целей субъектов или их сторонников, поскольку это может лишь запутать и отвести внимание от реальной корпоративистской практики подобно идеологической этикетке, затрудняющей понимание реальной сущности данного явления.¹¹⁸ Действительно, политические программы и заявления деятелей отличаются от практической деятельности, к тому же заявления могут носить популистский характер и имеют особенность отвлекать от политической действительности. Что также указывает, на наш взгляд, на взаимосвязь корпоративизма с фактическим политическим режимом государства, поскольку де-юре может декларироваться иная форма осуществления власти.

Важно отметить, что по прошествии двадцати трех лет с момента опубликования теории неокорпоративизма, Ф. Шмиттер выделил ряд тенденций, которые отражают процесс трансформации корпоративной модели представительства:

- постепенное снижение роли переговорных процессов в качестве основного параметра в вопросе достижения конкурентных преимуществ на национальном уровне, то есть выработка решений, основанных, в частности, на переговорах может, наоборот, нанести вред отрасли или сектору, что впоследствии делает принимаемое решение контрпродуктивным;

- снижение роли контрагентов по вопросам представительства интересов, главным образом профсоюзных и отраслевых объединений, так как формируется новая повестка, а значит прежние формы представительства интересов менее устаревают, в связи с чем в современных условиях возникает потребность в новых, более гибких механизмах по артикуляции интересов;

- наблюдается расширение и в тоже время фрагментация конфликтов интересов, которые охватывают не только производственно-модернизационные вопросы, но и общественные, такие как: гендерная политика, экология, защита прав потребителей и др.;

¹¹⁸ Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World. / F. Pike and T. Stritch (eds.). London, 1974. P. 85 – 131.

- переход занятости от традиционного производства в сферу услуг, что привело к изменению состава групп интересов, которые охватывают не только рабочие интересы, но и индивидуализированные запросы представителей сферы обслуживания, что увеличивает их роль в политическом процессе;

- социальные компромиссы как предмет артикуляции корпоративных интересов (заработные платы, социальные гарантии и др.) в настоящее время перестают играть существенную роль в политическом процессе;

- процесс цифровизации, развития и внедрения современных технологий оказывают влияние на динамическую трансформацию политического процесса, во многом определяя современную повестку как предмет переговорного процесса. Иными словами, технологическая среда влияет на трудовые процессы, снижая при этом значимость человеческих трудовых ресурсов, что влечет существенное снижение роли традиционных для корпоративизма институтов, например профессиональных союзов, что умаляет возможности подобным структурам артикулировать интересы.¹¹⁹

Также важно отметить ключевой результат влияния на корпоративизм, проявившийся в результате описанных выше тенденций. По утверждению Ф. Шмиттера, подобные тенденции обуславливают процесс перемещения корпоративистских структур с макроуровня на мезоуровень.¹²⁰ Как отмечает Е. Потапова, различие макрокорпоративизма и мезокорпоративизма заключается в уровне, на котором происходит организация интересов корпоративных структур, при этом мезокорпоративизм характерен для государств, где высока традиционность плюрализма, где корпоративные структуры, главным образом конкурируют между собой и не представляют собой единого субъекта, артикулирующего интересы всей отрасли.¹²¹

¹¹⁹ Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Политология: хрестоматия / Сост. М. А. Василик, М. С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 304 - 318.

¹²⁰ Шмиттер Ф. Неокорпоратизм. – «Полис» («Политические исследования»). – 1997. – № 2. – С. 14-22.

¹²¹ Потапова Е.Б. Неокорпоративизм в Западной Европе как объект теоретического осмысления: проверенные гипотезы и новые взгляды // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2010. №4 С.168.

На наш взгляд, большинство тенденций в трансформации корпоративизма, выделенных Ф. Шмиттером, имеют место в современном мире, где присутствует корпоративизм. Если ранее корпорации характеризовали политические системы отдельных стран, как, например, средневековые или в период фашистской диктатуры в Италии, то в настоящее время субъектность корпоративных структур не ограничивается рамками государств.

Описанные тенденции отражают общие веяния и представляется, что они отражают типичные для глобализации черты, где корпоративными группами интересов зачастую выступают транснациональные корпорации (далее – ТНК), то есть акторы, осуществляющие продвижение корпоративных интересов в международном масштабе. Поэтому, отмеченное Ф. Шмиттером следствие перехода корпоративных структур с макроуровня на мезоуровень, на наш взгляд, являются неверными. Скорее наоборот, корпоративные структуры, развиваясь, ощущают необходимость в продвижении своих интересов в другом государстве, что способствует взаимодействию корпоративных структур с государственными институтами. Такая же необходимость существует и во взаимодействии с наднациональными структурами, например ЕС, поскольку ряд важнейших экономических и политических вопросов находится в пределах именно их компетенции. Среди факторов, способствующих этим процессам, можно отметить и усиливающуюся конкуренцию, которая, в свою очередь, оказывает воздействие на политическую конкуренцию и необходимость вынесения на обсуждение определенных интересов.

Множественность интересов в условиях нарастающей конкуренции может повлечь за собой непоследовательную политику в области преференций под влиянием общественных групп с различным политическим потенциалом. При этом наблюдается и обратное стремление обобщить интересы на международном уровне, примером чему могут служить попытки создания всеобщих обязательных норм вроде европейского коллективного трудового договора, что опять же

указывает на важность взаимодействия корпоративных структур с наднациональными структурами, их должностными лицами.

Корпоративные группы интересов «прошли длинный путь» от древнеримских и средневековых гильдий до крупнейших ТНК. Несмотря на то, что уже прошло достаточно много лет с теоретического осмысления институциональных особенностей корпоративных структур, тем не менее представляется, что основополагающие моменты концепций классиков - Ф. Шмиттера, Г. Лембруха и А. Коусона актуальны и на сегодняшний день – корпоративизм не исчез из политического пространства и процесс эволюционирования данной модели представительства интересов еще не завершен.

Подводя итоги данного параграфа, мы можем отметить разность форм корпоративных групп интересов и их особенностей с течением времени, что позволяет говорить об их динамизме. Средневековые корпоративные структуры сложно считать корпоративистскими, исходя из характеристик, рассмотренных в предыдущем параграфе, но при этом они сыграли существенную роль в агрегировании индивидов ради общих целей, заложили основу институционализации групп интересов, нормативного регулирования, а также внутрикорпоративных особенностей. Христианские доктрины, сформулированные римскими папами, сыграли немаловажную роль – сформировали модель построения общества, где корпорация рассматривается как неотъемлемый инструмент достижения обозначенных постулатов и как позитивный институт, также доктрины обозначили функциональную роль государства в данных процессах.

Рассмотренный фашистский корпоративизм позволяет говорить об особенной природе корпоративных структур Италии в 20-30-е гг. XX века. Несмотря на то, что корпоративные структуры при фашистском режиме использовали положения христианских доктрин, их практическое воплощение представляется достаточно гипертрофированным в части роли государства по отношению к корпоративным структурам. Характер данных групп указывает на

сильную зависимость от властных структур и их определяющую роль, особенности сформировавшегося политического режима, идеологии и, как следствие, политической системы, что представляется важным для операционализации государственного типа корпоративизма.

Изучение тенденций современного корпоративизма, сформулированных Ф. Шмиттером, позволило выявить характер ТНК, как современного корпоративного политического актора, действующего на различных институциональных уровнях. Основываясь на сущности корпоративизма, рассмотренной в предыдущем параграфе и рассматривая эволюцию корпоративных структур в данном параграфе, можно также отметить зависимость корпоративизма от особенностей политического режима.

Глава 2. Становление корпоративизма государственного типа в современной России

2.1 Субъекты государственных корпоративных интересов в российском политическом пространстве

Важно отметить, что в рамках данной работы ключевым для нас является государственный характер корпоративных интересов, поскольку, на наш взгляд, он является ключевым на сегодняшний день в российском политическом пространстве и представляет собой основную область научного интереса в данной работе. По нашему мнению, интересы, в том числе и корпоративные, можно рассматривать с позиции декларируемых государством приоритетов, выраженных в законодательстве, а также с позиции институциональных структур в политическом пространстве. Важнейшей особенностью является то, что интересы в российском политическом пространстве отражаются, главным образом, институциональными структурами и политическими решениями, в меньшей же степени законодательством. Если рассматривать законодательство как фактор, который может отражать приоритеты интересов, то, на наш взгляд, российское законодательство не закрепляет политический курс, а скорее демонстрируют обратное. Например, если рассматривать особенные части уголовного законодательства РСФСР и РФ, а также задачи данных документов, которые формируется по приоритету охраняемых объектов, то можно отметить, что Уголовный кодекс РСФСР, отражающий советскую парадигму приоритета интересов, первостепенное место отводит интересам государства, затем личности и общества.¹²² Уголовный кодекс РФ, как государства де-юре являющимся демократическим, предусматривает иной порядок интересов: личность-общество-государство¹²³. Однако, уже рассмотренный ранее характер политического режима

¹²² Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. - № 40, ст. 591.

¹²³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №25. – ст. 2954.

в Российской Федерации демонстрирует нам декларативный характер приоритетов, отраженных в законодательстве.

Существует также позиция, согласно которой корпорации в России рассматриваются в широком значении как объединения, и под таковыми подразумеваются: общественные объединения, политические партии, некоммерческие организации, профессиональные союзы и др.¹²⁴ Однако, на наш взгляд, данная позиция представляется некорректной в виду ее широты и рассматривает корпорации в первоначальном значении – как объединения и союзы, и поэтому существенным образом искажает реальное понимание современных субъектов корпоративизма в российском политическом пространстве. Подобное широкое понимание раскрывает социальный тип корпоративной модели представительства интересов и в меньшей степени государственный. При этом, как мы уже отмечали, роль профсоюзных организаций, которые имеют значение для корпоративизма, в данной работе сознательно не рассматривается в виду их недостаточно существенной, на наш взгляд, роли как корпоративной группы представительства интересов в нынешнем российском политическом пространстве.

Для понимания специфических черт российского корпоративизма и, главным образом, интересов в рамках данной модели представительства интересов возникает необходимость в определении субъектов госкорпоративных интересов, во многом отражающих подобную специфику. В этой связи наблюдается разность в определении форм субъектов корпоративных интересов в российском политическом пространстве. С. Перегудов выделяет следующие корпоративные структуры: интегрированные бизнес-группы (далее - ИБГ), финансово-промышленные группы (далее - ФПГ), а также холдинги.¹²⁵ Схожей позиции придерживается и отечественный исследователь Я. Паппэ, типологизируя

¹²⁴ Дружинин Г.В. Правовое регулирование деятельности корпораций как средство воздействия на процесс консолидации общества. - Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы IV всерос. науч.-практ. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. – С. 106-111.

¹²⁵ Перегудов С.П. Крупная корпорация как субъект публичной политики. – М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2006. – С. 13

российские корпоративные структуры следующим образом: ИБГ, компании и независимые предприятия.¹²⁶

Основными субъектами корпоративных отношений в период первой половины 1990-х гг. являлись ФПГ, началом деятельности которых является законодательное урегулирование Указом Президента РФ от 05.12.1993 № 2096 "О создании финансово - промышленных групп в Российской Федерации".¹²⁷ В преамбуле данного Указа содержится обоснование его принятия, которое заключается в «структурной перестройке российской экономики, ускорения научно-технического прогресса, повышения экспортного потенциала и конкурентоспособности российских предприятий, повышения управляемости народного хозяйства и проведения активной промышленной политики в условиях приватизации».¹²⁸ Принятый позже Федеральный закон от 30.11.1995 № 190-ФЗ "О финансово-промышленных группах" закрепил понятие ФПГ, а именно: «совокупность юридических лиц, действующих как основное и дочерние общества либо полностью или частично объединивших свои материальные и нематериальные активы (система участия) на основе договора о создании финансово-промышленной группы в целях технологической или экономической интеграции для реализации инвестиционных и иных проектов и программ, направленных на повышение конкурентоспособности и расширение рынков сбыта товаров и услуг, повышение эффективности производства, создание новых рабочих мест».¹²⁹ В дальнейшем многие крупные предприятия при помощи указов Президента РФ обрели статус ФПГ – «АвтоВАЗ», «КамАЗ», «Российский авиационный консорциум», «ИНТЕРРОС» и другие. На наш взгляд, данная мера не способствовала декларируемым целям, а лишь усугубляла положение. Как

¹²⁶ Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993-2008 г. – М.: Издат. Дом ГУ ВШЭ, 2009. – С.9-10.

¹²⁷ Указ Президента РФ от 05.12.1993 № 2096 "О создании финансово-промышленных групп в Российской Федерации" (утратил силу) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 06.12.1993. № 49. Ст. 4766.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Федеральный закон "О финансово-промышленных группах" от 30.11.1995 N 190-ФЗ (утратил силу) ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. - № 49, ст. 4697.

справедливо отмечает С. Перегудов, подобная мера способствовала монополизму промышленных групп, а не развитию конкурентных преимуществ.¹³⁰

Как организационная форма ФПГ утратила свою силу в июне 2007 года. Важно отметить, что закон обратной силы не имел, а значит, не отменял уже созданные в такой форме корпоративные структуры. В качестве обоснования упразднения подобной формы отмечалось то, что она уже не отражает реалии и законодательное регулирование. Более того, отмечается переход к холдинговым типам компаний.¹³¹ Однако некоторые исследователи-экономисты рассматривают современные корпоративные структуры в качестве ФПГ (например, «Лукойл»)¹³² Данная позиция представляется некорректной для изучения корпоративных структур с точки зрения политологии, поскольку данный тип корпоративной структуры, на наш взгляд, не отражает политологически значимые особенности корпоративизма в современном российском политическом пространстве, а также не является отображающим сформировавшийся государственный характер. В данном исследовании мы сочли лишним акцентировать внимание на подобной форме корпоративных структур.

Аналогичная ситуация складывается и с концепцией ИБГ. Как следует из ранее приведенных классификаций, оба автора отмечают ИБГ как форму корпоративных структур в современной России. Так, Я. Паппэ указывает на разделение формальных и реальных ФПГ¹³³, поскольку некоторые корпоративные структуры не «вписывались» в законодательную дефиницию, в связи с чем именно Я. Паппе вводит в научный оборот понятие «ИБГ», в качестве которой рассматривает «совокупность предприятий из разных отраслей и секторов, которые в силу сложившихся между ними связей регулярно выступают в некоторых важных

¹³⁰ Перегудов С. П. Организованные интересы и государство: смена парадигм. – Полис. Политические исследования. 1994. № 2. С. 76–87.

¹³¹ Федеральный закон от 22 июня 2007 г. №115-ФЗ «О признании утратившим силу Федерального закона «О финансово-промышленных группах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. - № 26, ст. 3088.

¹³² Алехин С.В. Финансово-промышленные группы в российской экономике: характеристика и виды // Вестник ВУиТ. 2014. №1 (30). С.8.

¹³³ Паппэ Я. Ш. «Олигархи»: Экономическая хроника, 1992—2000. — М.: ГУ-ВШЭ, 2000. — 232 с.

аспектах как единый экономический агент и в которой можно выделить некоторый центральный элемент».¹³⁴ То есть, важнейшей характеристикой ИБГ является осуществление деятельности по различным направлениям при помощи инкорпорированных юридических лиц. Как отмечает С. Перегудов, ИБГ отражает практически все формы корпоративных структур, в частности и ФПГ. Данная позиция проявляется в том, что рассматривает, например, компанию «Лукойл» как ИБГ,¹³⁵ что противоположно отображенному выше экономическому подходу в изучении корпоративных структур. Но важно также отметить и разность подходов к ИБГ. Я. Паппэ указывает на то, что одним из основных факторов, не позволяющих поставить знак равенства между холдинговыми структурами и ИБГ, является формальная структура собственности.¹³⁶ При этом характеристики ИБГ являются достаточно пространными: организационно-правовая форма составных единиц, отражающая коммерческую направленность деятельности; наличие тесных связей между элементами структур; наличие центра принятия решений.¹³⁷ Подобные характеристики можно отнести и к холдинговым корпоративным структурам, поскольку они не раскрывают вопрос разграничения собственности. Возможно, разрешение данного вопроса состоит в типе интегрирующего механизма ИБГ, то есть те цели и обстоятельства, в соответствии с которыми создается группа, но, сопоставляя с законодательным определением ФПГ, следует отметить, что существенных отличий между ними нет.

Поскольку ИБГ как корпоративная система представляет собой совокупность взаимосвязанных юридических лиц, то данная особенность предполагает наличие связей между ними, при этом механизмы, определяющие данные связи, могут быть различными. Так, в ИБГ выделяется два вида интегрирующих механизма –

¹³⁴ Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993-2008 г. – М.: Издат. Дом ГУ ВШЭ, 2009. – С.16.

¹³⁵ Перегудов С.П. Крупная корпорация как субъект публичной политики. – М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2006. – С.13.

¹³⁶ Паппэ Я.Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: особенности становления и современного этапа развития // Проблемы прогнозирования. 2002. №1. С. 83-97.

¹³⁷ Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993-2008 г. – М.: Издат. Дом ГУ ВШЭ, 2009. – С.15-16.

управленческого и имущественного.¹³⁸ Сущность управленческих механизмов заключается, главным образом, в менеджировании данной структуры, обеспечении финансовой деятельности, разработки и реализации различных GR и PR механизмов, позволяющих осуществлять взаимодействие с органами государственной власти и должностными лицами, в частности, для артикуляции корпоративных интересов. По сути, данный механизм схож с различными структурами, осуществляющими аутсорсинговые услуги, однако современные ИБГ могут осуществлять данные функции непосредственно. Имущественные механизмы возникают в результате отношений, складывающихся из права собственности, то есть «вершина пирамиды» ИБГ, являясь стейкхолдером и обладая необходимым спектром подобных прав, имеет возможность осуществлять контроль и принимать консолидированные решения от своего лица в рамках полномочий. Концепция ИБГ была представлена в 2000 году, и с того времени общественно-экономические отношения изменились, что, на наш взгляд, отразилось и на самих ИБГ. Обладание финансовыми ресурсами, позволяющими приобретать новые ресурсы, тем самым наращивать свой потенциал, а также расширять управленческий аппарат, позволяющий удерживать группы, формировать единую сеть и продвигать корпоративные интересы при помощи входящих в структуру департаментов, не вписывается в рамки финансового или управленческого интегрирующих механизмов. В связи с подобной трансформацией возникает необходимость введения «серединного» механизма, который бы указывал как на управленческие интегрирующие механизмы, так и имущественные. Рассматривая ранее кейс АО «Газпром-Медиа Холдинг», как ИБГ, мы отмечали подобную неточность, а также указывали на то, что наличие всего лишь двух интегрирующих механизмов для корпоративных структур в современной России – имущественного и управленческого, является недостаточным. В связи с данным пробелом в концепции, предлагалось ввести третий интегрирующий механизм – смешанный,

¹³⁸ Там же С.28.

который объединяет как финансовую составляющую, так и возможность оказывать влияние на входящие в группу структуры.¹³⁹

Применяя характеристики ИБГ, приведенные Я. Паппэ, следует отметить, что из государственных корпораций к таковым можно отнести, пожалуй, лишь ГК «Ростех» и в определенной степени ГК «Росатом». При этом ГК «Ростех» относит к ИБГ и сам Я. Паппэ¹⁴⁰, но не указывает, относится ли ГК «Росатом» к ИБГ или же к компаниям.¹⁴¹ Многие государственные корпорации как субъекты корпоративных интересов, которые будут рассмотрены далее в данном параграфе, сложно отнести к ИБГ. Данное обстоятельство обусловлено тем, что государственные корпорации, как правило, осуществляют деятельность в конкретной сфере и не всегда имеют структурные элементы коммерческой направленности. Существенным достоинством данной концепции, на наш взгляд, является то, что она отражает субъектность корпоративных структур, в том числе и политическую с учетом интегрирующих механизмов, что также нами уже рассматривалось.¹⁴² Однако представляется, что применение данной концепции в рамках данной работы является не совсем корректным, ввиду ее «широты» и некоторой расплывчатости в характеристиках ИБГ, что порождает, на наш взгляд, серьезные трудности определения и классифицирования корпоративных структур. К тому же концепция не лишена изрядного субъективизма в выделении подобных структур, что также отмечается и самим Я. Паппэ: «Выделение ИБГ и установление их границ часто представляет собой нетривиальную исследовательскую задачу, при решении которой неизбежен определенный субъективизм».¹⁴³ Данное обстоятельство вызвано тем, что Я. Паппэ экономист и, представляется, что

¹³⁹ См. подробнее: Костин А.Э. Интегрированная бизнес-группа как субъект публичной политики: кейс АО «Газпром-Медиа Холдинг» // Управленческое консультирование. 2018. №3. С.132-139.

¹⁴⁰ Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993-2008 г. – М.: Издат. Дом ГУ ВШЭ, 2009. – С.152

¹⁴¹ См. подробнее Паппэ Я.Ш., Антоненко Н. С. Изменение соотношения между частным и государственным секторами в российском крупном бизнесе в 2000–2013 гг.: субъектный подход // Проблемы прогнозирования. 2014. № 3 (144). С. 32–45.

¹⁴² См. подробнее: Костин А.Э. Интегрированная бизнес-группа как субъект публичной политики: кейс АО «Газпром-Медиа Холдинг» // Управленческое консультирование. 2018. №3. С.139.

¹⁴³ Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993-2008 г. – М.: Издат. Дом ГУ ВШЭ, 2009. – С.16.

политическая составляющая не охватывалась предметом и задачами его исследования в рамках выделяемых им корпоративных структурах. Таким образом, концепция ИБГ Я. Паппэ отражает корпоративную модель представительства интересов, но очень незначительно, в связи с чем ее применение затруднено.

Поскольку в дальнейшем мы будем рассматривать специфические черты сформировавшегося государственного типа корпоративной модели представительства интересов, то, на наш взгляд, корректным является исследовать в данной работе те субъекты корпоративных интересов, которые в наибольшей степени отражают подобный сформировавшийся тип. Исходя из специфики сложившегося российского корпоративизма государственного типа, что будет рассмотрено в следующем параграфе, под корпоративными структурами в данной работе понимаются государственные корпорации, государственные компании, а также коммерческие организации, часть которых прямо или косвенно (через дочерние структуры) принадлежит государству.

С середины 2000-х гг. в России активно возникают новые корпоративные структуры, именуемые государственными корпорациями и государственными компаниями. Уже сам характер подобных структур отражает государственную сущность и государство как стейкхолдера. Проявляется подобный характер в том, что государство выработало форму государственной корпорации и компании, закрепило их в законодательстве, а также обладает компетенцией на создание данных корпоративных структур по интересующим направлениям деятельности. Иными словами, важнейшим компонентом, который выражает госкорпоративный интерес, является наличие политической воли. Представляется, что без наличия политической воли, процесс трансформации корпоративных структур в государственные не был бы осуществлен. Подобная политическая воля выражается посредством инициирования создания закона, направленного на регуляцию конкретных государственных корпораций, поскольку их создание происходит по принципу каждая конкретная государственная корпорация – отдельный федеральный закон.

Рассматривая периоды форм корпоративизма в России, мы не случайно отметили началом третьего периода 1999 год¹⁴⁴, а не 2000 год, как начальный в деятельности нового Президента РФ В. Путина. Данное обстоятельство вызвано тем, что именно в 1999 году была закреплена государственная корпорация как форма некоммерческой организации, что позволило государству через создаваемые структуры осуществлять деятельность по различным направлениям.

Государственная корпорация как форма корпоративной структуры является особенной и не вписывается в рамки ФПГ, поскольку может не обладать финансовыми инструментами и обладать промышленной составляющей. Также данный тип корпоративных структур не отражает характеристики ИБГ, поскольку государственная корпорация осуществляет свою деятельность, как правило, в узкоопределенной сфере, в соответствии с целями создания, ИБГ же осуществляет деятельность в различных сферах (за исключением описанных выше государственных корпораций). Данное обстоятельство указывает на необходимость выделения государственной корпорации как третьей формы субъекта корпоративных интересов в современном российском политическом пространстве.

Согласно понятию, сформулированному законодателем в Федеральном законе от 12.01.1996 N 7-ФЗ "О некоммерческих организациях» (Далее – ФЗ №7) государственная корпорация – это «не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций».¹⁴⁵ Таким образом, важно отметить, что именно государственный характер влияет на отнесение данной формы к некоммерческим организациям, то есть извлечение прибыли не является заведомой целью в данной форме корпоративных структур.

¹⁴⁴ См. 2.2 «Специфические черты российского государственного корпоративизма как фактор определяющий особенности обеспечения интересов»

¹⁴⁵ Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ "О некоммерческих организациях" (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. - № 3, ст. 145.

Анализируя пояснительную записку, обосновывающую необходимость введения формы государственной корпорации, можно отметить, что она вводилась под абсолютно конкретную структуру. Принятие закона было направлено лишь на преобразование организационно-правовой формы из открытого акционерного общества в некоммерческую организацию «Агентство по реструктуризации кредитных организаций»¹⁴⁶, что и было отражено в данной пояснительной записке. Интересным также представляется и один из инициаторов законопроекта, отраженный в Паспорте проекта Федерального закона – Г.И. Лунтовский,¹⁴⁷ который в том же году был назначен заместителем председателя Центрального банка России. Поскольку характер данной структуры предполагает широкий спектр взаимодействия с Банком России, то представляется вполне возможным, что подобное переформатирование структуры могло быть вызвано интересом со стороны Банка России.

Данная структура в 2004 году прекратила свою деятельность, поскольку одним из мотивов ее создания являлось преодоление негативных явлений экономического кризиса 1998 года, но, тем не менее, стала имущественным и организационным базисом для создаваемого в тот же период Агентства по страхованию вкладов, при этом также обладающего статусом государственной корпорации.

Таким образом, говорить о том, что изначальный процесс создания государственных корпоративных структур охватывался замыслом широкого применения подобной формы, не представляется возможным.

Представляется, что ФПГ как форма корпоративных структур ушла и в связи с введением института государственных корпораций. Аргументом в пользу данной позиции является то, что в ГК «Ростех» входят некоторые структуры,

¹⁴⁶ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении дополнения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=2116&rnd=9396B31CB63D7312C676DA85CC1DF5A7#046208548802845373> (дата обращения: 10.02.2017)

¹⁴⁷ Паспорт проекта Федерального закона N 99062966-2 «О внесении дополнения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=7819&rnd=9396B31CB63D7312C676DA85CC1DF5A7#09193997203117128> (дата обращения: 10.02.2018)

рассмотренные выше, которые ранее являлись ФПГ, такие как: «АвтоВАЗ», «КамАЗ».¹⁴⁸

О реальном широкомасштабном применении формы государственной корпорации по существу можно говорить лишь по прошествии восьми лет с момента закрепления в законодательстве. Несмотря на то, что еще в 2004 году создавалось Агентство по страхованию вкладов как государственная корпорация, однако, именно в 2007 году был принят ряд федеральных законов, учреждающих ряд важнейших государственных корпораций, таких как: «Внешэкономбанк»¹⁴⁹ (далее - ВЭБ); «Олимпстрой» (упразднен в 2014 году по причине достижения установленных законом целей); «Росатом», представляющий собой реорганизацию Федерального агентства по атомной энергии; «Роснано» (впоследствии была реорганизована и изменила организационно-правовую форму на акционерное общество); «Ростехнологии» (позже переименован в «Ростех» по причине сформировавшегося маркетингового бренда), а также «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» (далее – Фонд ЖКХ). Таким образом, лишь за один год было создано шесть корпоративных структур государственного характера – госкорпорации. В 2015 году список государственных корпораций пополнил «Роскосмос».

При этом возникает необходимость обратиться к паспортам проектов федеральных законов по созданию вышеупомянутых структур для понимания инициаторов проектов. Президентом РФ были инициированы создание следующих корпораций - «Росатом», «Ростех» и «Роскосмос»; Правительством РФ были инициированы – АСВ и ВЭБ; депутатами Государственной Думы Федерального Собрания РФ (Далее - ГД ФС РФ) – «Олимпстрой» и Фонд ЖКХ. Таким образом, можно отметить разность субъектов, артикулировавших интерес о создании данных структур. При этом совершенно ясным представляется наличие стадий интереса, указанных в первом параграфе, от зарождения (в данном случае

¹⁴⁸ Ключевые компании. Холдинги и организации «Ростеха» [Электронный ресурс]. // Официальный сайт ГК «Ростех». - Режим доступа: <https://rostec.ru/about/companies/html> (дата обращения: 07.03.2018).

¹⁴⁹ С 03 декабря 2018 года «Внешэкономбанк» переименован в «ВЭБ.РФ».

законодательной инициативы) до институционализации – создания корпоративной структуры.

Однако возникает закономерный вопрос – какова была мотивация данных субъектов, помимо целей, официально декларируемых в пояснительной записке? Например, позицию В. Путина можно рассмотреть в его статье 2012 года в «Ведомостях». В данной статье он изложил свои взгляды на будущее России, при этом подводя итоги проделанной работы. Он отмечает следующее: «Приоритетами промышленной политики были продиктованы наши действия по созданию крупных госкорпораций и вертикально-интегрированных холдингов – от «Ростехнологий» и «Росатома» до Объединенной авиастроительной корпорации и Объединенной судостроительной корпорации. Цель была – остановить развал интеллектуальных отраслей нашей промышленности, сохранить научный и производственный потенциал за счет консолидации ресурсов и централизации управления. Эта цель может считаться достигнутой». Относительно успешности госкорпораций В. Путин отмечает следующее: «...большинство интегрированных структур не стали ни глобально конкурентоспособными, ни высококапитализированными, ни даже устойчиво прибыльными...Сегодня им необходим топ-менеджмент с высокими компетенциями в инновационном бизнесе».¹⁵⁰

Корпорации, инициированные правительством М. Фрадкова, представляют также существенный интерес. Например, в ВЭБе, являющимся таковым, долгое время Первым заместителем председателя являлся сын М. Фрадкова – П. Фрадков, а затем П. Фрадков возглавлял структурное подразделение ВЭБа - АО «Российский экспортный центр». Подобная особенность, на наш взгляд, косвенно отражает протекционистский компонент в сущности российских государственных корпоративных структур.

¹⁵⁰ Путин В.В. Нам нужна новая экономика [Электронный ресурс] // Официальный сайт газеты «Ведомости». – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (дата обращения: 07.03.2018).

Что же касается корпоративных структур, инициированных депутатами ГД ФС РФ, то в данном случае сложно установить наличие у данных представителей интереса на создание корпоративных структур. В данной связи можно отметить трех депутатов, инициировавших создание «Олимпстроя», «Роснано» и Фонда ЖКХ - Ю. Медведева, Е. Панину и Ю. Барзыкина. Анализируя подобную деятельность, можно лишь отметить, что Ю. Медведев являлся первым заместителем председателя комитета ГД ФС РФ по экономической политике, предпринимательству и туризму, а Ю. Барзыкин - заместителем председателя Комитета ГД ФС РФ по экономической политике, предпринимательству и туризму, а незадолго до полномочий депутата ГД ФС РФ генеральным директором департамента комплексного развития Азово-Черноморского побережья. Подобная сфера деятельности данных лиц лишь косвенно указывает на наличие интереса у данных лиц на создание ГК «Олимпстрой». Относительно «Роснано» следует отметить определенные противоречия – несмотря на то, что законодательная инициатива по созданию данной государственной корпорации принадлежит указанным выше депутатам ГД ФС РФ, во время Прямой линии с Президентом РФ В. Путиным в 2013 году на вопрос об эффективности руководства «Роснано», им был дан следующий комментарий: « ... не скрою, это одна из моих инициатив в своё время была – создать эту компанию, потому что нанотехнологии – это один из генеральных путей развития науки, техники, технологий».¹⁵¹ Таким образом, не всегда официальная артикуляция интереса на создание корпоративной структуры отражает действительного интересанта в российском политическом пространстве.

Тем не менее, важно подчеркнуть интерес именно политической элиты в создании института государственных корпораций, что указывает на государственный характер в процессе инициирования и создания института государственных корпораций. Ярким примером, демонстрирующим подобный характер в политическом пространстве, является инициатива депутатов ГД ФС РФ

¹⁵¹ Прямая линия с Владимиром Путиным 25 апреля 2013 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. - Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/17976> (дата обращения 8 апреля 2017 г.)

от партии «Справедливая Россия» Д. Гудкова и В. Зубова по созданию частных структур в космической сфере. Иными словами, реализация подобной инициативы позволила бы создавать и эксплуатировать космические корабли, станции и стартовые площадки частными структурами, при этом сокращается перечень видов деятельности, подлежащих лицензированию (в соответствии со ст. 9 Закона РФ от 20 августа 1993 года N5663-1 «О космической деятельности»)¹⁵². В данном случае мы не рассматриваем технические, организационные аспекты, вопросы безопасности, а также в целом необходимость допуска частных структур в космической отрасли в РФ. Мы лишь отметим реакцию власти в части возможных вызовов для института государственных корпораций. Как отмечается в заключении Правительства РФ на данный законопроект – уменьшение лицензируемых видов деятельности, предлагаемое в законопроекте, приведет к снижению доходов в бюджет, поскольку данная деятельность осуществляется ГК «Роскосмос».¹⁵³ Следует отметить, что в описанном выше примере имеет место не только экономический прагматизм, но и защита корпоративных интересов, в данном случае государственной корпорации, от потенциальной конкуренции в сфере деятельности.

Рассматривая теоретико-практические аспекты российских государственных корпораций, важно отметить, что существует типология государственных корпораций, разработанная Ю. Симачевым и М. Кузыком. Данные авторы выделяют несколько видов государственных корпораций, где в качестве критериев их разграничения используются функциональные особенности и владение производственными активами, а именно следующие виды: институты развития (Роснано, ВЭБ), «операторы» (Фонд ЖКХ, Олимпстрой), «квазихолдинги»

¹⁵² Законопроект № 973592-6 «О внесении изменений в статью 9 Закона Российской Федерации "О космической деятельности"» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности РФ. - Режим доступа: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/973592-6> (дата обращения 8 апреля 2017 г.)

¹⁵³ Заключение Правительства РФ на Проект федерального закона "О внесении изменений в статью 9 Закона Российской Федерации "О космической деятельности"» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности РФ. - Режим доступа: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/973592-6> (дата обращения 8 апреля 2017 г.)

(Ростех), «квазимиинистерства» (Росатом).¹⁵⁴ К сожалению, данные авторы не раскрывают особенности каждой категории, в связи с чем мы интерпретируем: группу операторов как осуществляющих обслуживание и управление в определенной сфере; квазихолдинги как совокупность организаций с высоким государственным участием, осуществляющих деятельность по различным направлениям; квазимиинистерства как отраслевые организации, схожие с федеральным министерством, но не являющиеся органом государственной власти. Схожей типологии придерживается и А. Бархота, однако в ней отсутствует группа «операторов», а корпорации, входящие в эту группу у Ю. Симачева и М. Кузыка, относятся к «квазимиинистерствам». ¹⁵⁵ В данном случае наиболее верной представляется позиция А. Бархоты, поскольку ГК «Олимпстрой» и Фонд ЖКХ по своему характеру схожи с Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, но задачи данных корпоративных структур уже.

Государственная компания также является важнейшей корпоративной структурой и отражает процесс становления корпоративных интересов государственного характера в России. С 2009 года и по сегодняшний день существует одна корпоративная структура в форме государственной компании - государственная компания «Российские автомобильные дороги» (далее – ГК «Автодор»), инициатива создания которой принадлежит депутатам ГД ФС РФ. Говоря в целом о форме государственной компании, следует отметить, что существенных отличий от государственной корпорации она не имеет. Так, например, Н. Бандурина, рассматривая законодательство, отмечает схожие черты государственной компании, которыми обладает и государственная корпорация, то есть государственная компания (при этом название статьи является некорректным,

¹⁵⁴ Симачев Ю., Кузык М. Создание и развитие государственных корпораций: институциональные проблемы и новые возможности. – Материалы X-ой международной научно-практической конференции «Public Sector Transition: Improving Service Delivery», Высшая школа менеджмента СПбГУ, ASPE 31 октября – 1 ноября 2008 года, Санкт-Петербург [Электронный ресурс] // Сайт Межведомственного аналитического центра. - Режим доступа: <http://www.iacenter.ru/publication-files/30/29.pdf> (дата обращения 17 апреля 2017 г.)

¹⁵⁵ Бархота А. В., Федюкин А. В. Основные сценарии развития государственных корпораций в России до 2015 г. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2013. №5 (31). С. 7.

поскольку название структуры перепутано с федеральным агентством): некоммерческая организация, не имеет членства, создается Российской Федерацией отдельным законом на основе имущественных взносов.¹⁵⁶ Однако, отличительной особенностью являются цели создания и деятельности – государственная компания создается для оказания государственных услуг, но при этом, помимо имущественного вноса, имеет возможность получения в доверительное управление объектов деятельности, а государственная корпорация – для социальных, управленческих, или иных общественно полезных функций и лишь благодаря имущественным взносам. Вполне возможно возникновение вопроса о дублировании функций ГК «Автодор» существующего в системе Правительства РФ Федерального дорожного агентства Росавтодор, осуществляющего управление дорожным хозяйством. Но поскольку управление, как мы уже указали, характерно для государственной корпорации, в таком случае подобная форма корпоративной структуры является неприемлемой. Однако, на наш взгляд, имеет место определенное противоречие, поскольку по своей сути государственная компания получает доход именно от управления государственным имуществом, получаемым в доверительное управление, то есть осуществляет управленческие функции. Если же исходить из расширительной формулировки «иные функции», установленной законодателем в ст. 7.2 ФЗ №7, то в таком случае между государственной корпорацией и государственной компанией, помимо имущественных особенностей, нет существенных отличий. Существенной особенностью, отражающей широкий спектр полномочий ГК «Автодор», является возможность оказания государственных услуг, даже несмотря на организационную обособленность от государства. Понятие «государственная услуга» является официальным и подразумевает реализацию функций органов государственной

¹⁵⁶ Бандурина Н. В. К вопросу о правовом положении государственной компании «Росавтодор» // ТДР. 2011. №3. С. 10.

власти.¹⁵⁷ В случае с конкретной корпоративной структурой - ГК Автодором, на наш взгляд, под оказанием государственных услуг следует понимать взимание платы за пользование переданными государством в доверительное управление имуществом, что также является сходным с осуществлением управленческих функций. При этом заключение концессионных соглашений также можно охарактеризовать как управленческую функцию. Представляется, что возможность оказания государственных услуг данной корпоративной структурой отражает ее «квазимиистерский» характер, поскольку предполагает реализацию функции органов государственной власти, таковым не являясь.

Рассматривая в целом государственную компанию как корпоративную структуру, следует отметить, что нет однозначного ответа на вопрос о необходимости выделения данной формы. Именно дуализм, выражающийся в оказании государственных услуг, а также осуществлении управленческих и иных функций, вызвал необходимость в создании нового типа корпоративной структуры. Однако, подобная практика представляется излишней, поскольку в рамках ФЗ №7 предусматривается возможность для государственных корпораций оказывать государственные услуги, если это предусматривают цели, в соответствии с которыми они создаются.

Отмечая также особенности института государственных корпораций и государственных компаний, следует отметить два ключевых аспекта. Во-первых, само по себе отнесение данных структур к некоммерческим организациям, а также их монопольное положение определяет особенность, при которой у государственной корпорации может не быть мотивации на реализацию успешных проектов и, соответственно, извлечение прибыли. То есть сама форма, законодательные особенности и определенная зависимость от политической элиты и неповоротливость закладывают сомнения относительно эффективности подобной структуры при осуществлении деятельности. Однако, подобная форма

¹⁵⁷ См. подробнее Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг" (ред. от 01.04.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. - № 31, ст. 4179.

усиливает возможности для продвижения интересов при тесной связи с бюрократией. Во-вторых, особенность создания государственной корпорации и государственной компании сопровождается внесением имущественных взносов, которые впоследствии становятся фактически отдельным видом собственности, при этом внесение данных взносов также обеспечивает определенную автономию государственной корпоративной структуре, поскольку ни государство, ни государственная корпорация/государственная компания не отвечают по обязательствам друг друга.

Следует отметить следующий тип организаций, который мы относим к корпоративным структурам, а именно коммерческие организации, часть которых прямо или косвенно принадлежит государству. К таковым можно отнести: ОАО РАО «ЕЭС России» (до 2008 года), ПАО «Газпром», ПАО «НК "Роснефть"» (далее – Роснефть), ПАО «РусГидро», ПАО «Сбербанк» и другие.

Важно отметить, что не все корпоративные структуры, частично или полностью принадлежащие государству, осуществляют деятельность по продвижению корпоративных интересов, или данная деятельность трудновывявляема. Однако, на наш взгляд, именно наличие государства как собственника, или одного из собственников, указывает на его существенную роль. То есть государство является одним из «внутренних» стейкхолдеров в данных корпоративных структурах¹⁵⁸, поскольку учредители (участники), в том числе и государство, обладают правом участия (членства) в корпоративных структурах и формируют их высший орган.¹⁵⁹

Однако, каким образом данные структуры соотносятся с государственным типом корпоративной модели представительства интересов? Во-первых, как мы уже отметили, несмотря на то, что подобные структуры являются коммерческими, в отличие от государственных корпораций и государственных компаний, тем не менее представляется, что государство-стейкхолдер важнейший инструмент в

¹⁵⁸ Перегудов С.П., Семенов И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – С.36.

¹⁵⁹ См. подробнее Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

формировании руководства данных структур, что отражает уже рассмотренную ранее характеристику корпоративизма, выражающуюся в определенном контроле за выбором лидеров, артикуляцией требований и мобилизацией поддержки. Во-вторых, многие из данных структур создавались самим государством или же выкупались, что наращивало присутствие государства в различных сферах посредством деятельности данных структур. Подобная особенность, на наш взгляд, отражает государственно-распорядительную централизацию, что указывает на иерархическую упорядоченность – одну из характеристик корпоративизма.

2.2 Специфические черты российского государственного корпоративизма как фактор, определяющий особенности обеспечения интересов

В настоящей работе уже отмечалось, что позиция, в соответствии с которой рассматривать корпоративизм необходимо отдельно от политического режима и политической культуры, представляется не совсем корректной. На наш взгляд, специфика российского корпоративизма как модели представительства интересов в большой степени связана именно с особенностями политического режима и с существенной ролью политической элиты. Данные особенности существенно трансформировались за период современной России, что обуславливает, на наш взгляд, необходимость раскрыть основные этапы становления корпоративной модели.

Несмотря на то, что с момента распада СССР прошло лишь двадцать семь лет и демократическая Россия является достаточно молодым государством, корпоративизм как политическое явление также не был представлен в полном смысле слова в политическом пространстве страны. При этом корпоративизм не обошел стороной Россию и ряд его компонентов включились в отечественную политическую систему. Даже за относительно небольшой период, который прошла современная Россия, можно отметить трансформацию форм корпоративной модели представительства интересов, а также проявление корпоративных интересов

государственного характера, позволяющих говорить о специфических чертах отечественного корпоративизма.

Советская модель корпоративизма, которая предшествовала российской, характеризуется С. Перегудовым как «бюрократический корпоративизм», «ядром» которой является административно-командный тип управления.¹⁶⁰ Рассматривая отношения современного российского государства и корпоративных структур, можно отметить разные позиции по вопросу этапов подобных отношений. На наш взгляд, будет верным отметить три ключевых временных этапа, характеризующих трансформационные процессы в отношениях корпоративных структур и государства, а также отразить особенности данных процессов.

Первый этап – с 1991 по 1995 гг. отражает зарождение корпоративизма после распада СССР. Окончание советской парадигмы, кардинальная смена политического строя и возникновение института частной собственности способствовали учреждению или видоизменению (в случае приватизационных процессов) корпоративных структур как самостоятельных субъектов без осуществления значительного контроля или влияния со стороны государства. Роль государства в данный период сводится к формированию законодательной и институциональной базы, обеспечивающей процесс корпоративного строительства, исходя из нового формата усложнившихся общественных отношений. Важно подчеркнуть, что именно в этот момент произошел так называемый «транзит демократии», то есть принятие Россией установленных образцов общественных отношений демократических государств, в том числе и представительства интересов, что нашло свое отражение в принятой в декабре 1993 года Конституции Российской Федерации. Основным документ закрепил права, свободы, обязанности, а также важнейшие государственные и общественные институты, способствующие артикуляции интересов с обозначением границы

¹⁶⁰ Перегудов С. П. Организованные интересы и государство: смена парадигм. – Полис. Политические исследования. 1994. № 2. С. 76–87.

пределов власти.¹⁶¹ На наш взгляд, данный период можно охарактеризовать в большей степени плюралистическим, чем корпоративистским. Данное обстоятельство вызвано тем, что плюралистические институты в большей степени были сформированы, а корпоративные структуры лишь начинали свое формирование как политические акторы, при этом конкурируя между собой.

Второй этап – с 1995 по 1999 гг. отмечается усилением политической акторности новообразованных корпоративных структур, где одним из основных корпоративных интересов является возможность оказывать влияние на политические институты и процессы принятия решений, направленные на удовлетворение узкокорпоративных интересов.

Так, например, С. Перегудов в 1997 году обозначает новую форму сложившихся корпоративных отношений как кланово-бюрократическую, где доля монопольных структур существенна, отмечая при этом зарождение трипартизма.¹⁶² Данная позиция представляется не совсем корректной. Во-первых, действительно можно отметить клановость в российском политическом пространстве и бюрократическую составляющую, доставшуюся от советской модели, однако к тому времени сформировалась олигархическая парадигма, началом которой можно считать принятие решения группой олигархов в 1995 году на Давосском экономическом форуме оказать финансовую, организационную и иную поддержку¹⁶³ кандидату Б. Ельцину на предстоящих президентских выборах 1996 года с целью недопуска реставрации коммунистической модели и возможной опасности пересмотра результатов приватизационных мероприятий. Говоря об олигархии, в данной работе мы исходим из классического понятия, сформулированного Платоном, а именно: «строй, основывающийся на

¹⁶¹ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. - 25 декабря 1993г. - №237.

¹⁶² Перегудов С. П. Новый российский корпоратизм: демократический или бюрократический?. – Полис. Политические исследования. 1997. № 2. С. 25

¹⁶³ Байчик А. В. Российские медиахолдинги: особенности становления // Век информации. 2015. № 1 (S1). С. 358.

имущественном цензе; у власти стоят там богатые, а бедняки не участвуют в правлении».¹⁶⁴

Представляется, что выделенная С. Перегудовым форма отражает, скорее, предыдущий этап. Однако оговоримся, что уже в 1998 году С. Перегудов рассматривает представительство интересов через призму олигархического политического устройства, именуя олигархическим корпоративизмом, где значимыми политическими акторами выступают финансово-олигархические группы¹⁶⁵, обладающие существенным капиталом, причем не только материальным, но и политическим. При этом возможно совмещение демократических и олигархических особенностей, то есть своеобразная полития – в данной связи античный философ Аристотель отмечал: «Государственный строй в его целом является не демократией и не олигархией, но средним между ними – тем, что называется политией; полноправны при ней только те, кто носит тяжелое вооружение».¹⁶⁶ Во-вторых, говорить о трипартизме как системе в тот период представляется достаточно сложным, поскольку нет представления о подобном системном характере трипартизма в тот период даже в незначительном количестве. Также важнейшей особенностью трипартизма как формы взаимодействия, складывающейся по поводу трудовых и экономических отношений, является участие профсоюзной стороны. Однако говорить о существенной роли данной стороны как в тот период времени, так и на сегодняшний день также достаточно сложно.

Таким образом, в политической системе России, помимо сформированной уже властной институциональной структуры, существенная роль отводилась созданию неформальных коммуникаций руководителей корпоративных структур, обладающих политической субъектностью, с представителями органов

¹⁶⁴ Платон Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. — С.395

¹⁶⁵ Перегудов С. П. Ренессанс корпоративизма? // Куда идет Россия?. Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под ред. Т. И. Заславской. М., 1998. С. 135-136

¹⁶⁶ Аристотель Политика/ Аристотель ; пер. с др. – гр. С.А. Жебелева. – СПб.: Азбука, Азбука Аттикус, 2016. – С.57

государственной власти и должностными лицами, обладающими компетенциями в сфере интересов данных бизнес-групп. Подобная практика также обеспечивала устойчивое положение новообразованных политических элит. Однако достижение корпоративных интересов достигалось не только при помощи процесса оказания влияния на должностных лиц, но и путем вступления в должности в публичных органах власти. В этой связи представляется точной позиция А. Васецкого, который, отмечая тенденцию широкого присутствия данных лиц в законодательных и исполнительных органах государственной власти, акцентирует внимание на изменении механизма принятия решений, а именно: «влияние на политические процессы и установление «правил игры» определяется уже не только через «своих» представителей в органах власти и управления, но и при непосредственном участии самих первых лиц корпоративных образований».¹⁶⁷

Третий этап корпоративизма - с 1999 года по настоящее время. В самом начале данного этапа наблюдается сохранение плюрализма и по-прежнему роль олигархической элиты велика, в частности возникновение новой угрозы для собственности и власти в связи с рядом факторов: предстоящим окончанием президентских полномочий Б. Ельцина, концентрацией региональных элит в партии «Отечество — Вся Россия», парламентским большинством коммунистов на выборах в ГД ФС РФ 1999 года. В связи с чем у данных групп возникает повторная необходимость оказания поддержки на президентских выборах 2000 года.

Затем роль подобных структур снижалась и начался процесс трансформации представительства интересов в российском политическом пространстве в сторону корпоративной модели. По мнению А. Павроза, реформы начала 2000-х гг., сопровождающиеся усилением исключительности института президентства в сфере принятия решений, построением вертикали власти и сформировали корпоративную модель представительства интересов.¹⁶⁸ Подобные политические

¹⁶⁷ Васецкий А. А. Корпоративизм и политическая составляющая его развития // Управленческое консультирование. 2007. №4 С.44-58.

¹⁶⁸ Павроз А.В. Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 4. С. 59.

процессы существенным образом снизили возможности плюралистической модели в политическом пространстве. Важнейшим шагом в укреплении власти стало значительное увеличение числа государственных корпораций и закрепление их как одной из основных форм корпоративных структур в современной России. Данное обстоятельство, на наш взгляд, указывает на процесс перехода к государственному типу корпоративизма. Данный кардинальный переход к государственному типу корпоративизма может объясняться циклообразностью корпоративизма – феномена «Сизифа корпоративизма», сформулированного Ф. Шмиттером и Ю. Гроته как отражающего разные формы корпоративизма, где циклом прохождения формы составляет примерно двадцать пять лет.¹⁶⁹ Поскольку современная Россия, как уже отмечалось, молодое государство, то представляется, что подобный интервал может сокращаться. Поэтому обретение государственного типа корпоративной модели представительства интересов является вполне закономерным процессом.

Определив основные этапы, необходимо выделить специфические черты российского корпоративизма в настоящее время.

Отношения государства и корпоративных структур с точки зрения концептуализации могут рассматриваться по-разному. Например, как патрон-клиентские отношения, либо принципал-агентские. Данные концепции действительно очень схожи, поскольку предусматривают отношения предоставления благ за определенную модель поведения. Действительно, подобные концепции применимы к рассматриваемой нами теме. Например, патрон-клиентская модель указывает на получение ренты с государственных постов элитой.¹⁷⁰ Что же касается принципал-агентской, то М. Сакаева рассматривает и государственные корпорации как агентов в данных отношениях, представители которых могут являться как экономической, так и политической

¹⁶⁹ Schmitter, P.C., Grote, J.R. The Corporatist Sisyphus: Past, Present and Future, European University Institute Working Paper SPS, No. 97/4, 1997, P. 12

¹⁷⁰ Гилев А.В. Введение. Черные кошки в темных комнатах: исследования политического патронажа в общественных и гуманитарных науках // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 19

элитой¹⁷¹, что представляется не совсем корректным. Представляется, что в данных концепциях одна из сторон – клиент (агент) является внешним, то есть не находящимся непосредственно во власти на момент возникновения отношений, даже если он представитель экономической или политической элиты, что и является одним из его побудительных мотивов во вступление в отношения с патроном (принципал).

Некоторые аспекты государственного и элитарного характеров в рамках корпоративизма просматривается у отечественного исследователя А. Фурсова. Несмотря на то, что концепция А. Фурсова рассматривает в целом формы государственного устройства, а не только Россию, некоторые ее положения являются полезными при изучении особенностей российского корпоративизма. Так, А. Фурсов рассматривает три вида государств: корпорация-государство, нация-государство, государство-бандит. В рамках данной работы больший интерес представляют характеристики корпорации-государства, поскольку нация-государство и государство-бандит представляют собой либо организацию общества с целью его консолидации, либо отклонение от закона на государственном уровне соответственно. Под корпорацией-государством А. Фурсов понимает «форму государственного устройства, цели функционирования которой имеют прежде всего экономический характер, т.е. направлены на снижение издержек, а следовательно, требуют сведения к минимуму политических и социальных издержек по обеспечению «территории прописки» – от сведения к минимуму социальных обязательств, характерных для государства, до избавления от экономически лишнего, нерентабельного с экономической (корпорационно-государственной) точки зрения населения (от отсечения от «общественного пирога» до фактического исключения из реальной жизни)».¹⁷² Корпорация в данной концепции принимает на себя ряд функций государства, но в меньшей

¹⁷¹ Сакаева М.М. Крупный бизнес и государство при Путине (трансформация агентских отношений) // Полития. - 2013. - № 4. - С. 95-96.

¹⁷² Фурсов А.И. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними. Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью // De futuro, или история будущего / ред. Д.А. Андреев, В.Б. Прозоров. – М.: Политический класс, АИРО, 2008, С. 279-280.

степени общественно значимые. При этом А. Фурсов указывает на обусловленность национальных интересов от корпоративных.¹⁷³ Несмотря на то, что определение корпорации-государства, приведенного А. Фурсовым во многом соответствует рассматриваемой теме, однако некоторые характеристики корпорации-государства сложно применить к российским государственным корпорациям. Во-первых, представляется, что государственные корпорации в России нельзя в полной мере охарактеризовать как самостоятельные и играющие определяющую роль - трансформация корпоративизма в разные временные этапы, рассмотренная ранее, это демонстрирует. Если в 90-е гг. XX в. в России действительно можно говорить о сращивании корпоративных структур и их представителей с государственными институтами посредством существенного влияния самих корпоративных структур на политические процессы, то в настоящее время государство, является основным инициатором деятельности подконтрольных структур. Во-вторых, важным расхождением современного российского корпоративизма от концепции корпорация-государство, на наш взгляд, является то, что существенная часть властных функций и, безусловно, власти-насилия, которую отмечает А. Фурсов, закреплены за государством. Ряд функций переданы государственным корпорациям, что было рассмотрено в предыдущем параграфе. Несмотря на то, что автор отмечает процессы формирования корпорации-государства и в России, но, тем не менее, говорить о полноценном применении концепции корпорации-государства в России, на наш взгляд, достаточно сложно. Данное обстоятельство вызвано тем, что концепция рассматривает транснациональные корпорации (ТНК), а российские государственные корпорации, на наш взгляд, сложно считать таковыми, даже с учетом их внешней деятельности. Авторское понятие корпорации-государства А. Харина, который развивает концепцию корпорации-государства, также сложно

¹⁷³ Там же

применить к российскому политическому пространству, поскольку корпорации не подминают под себя органы государственного управления.¹⁷⁴

В рамках данной работы наиболее точной представляется концепция корпоративно организованного государственно-бюрократического капитализма Ю. Красина (далее – ГБК), несмотря на то, что им не дается определение ГБК, но отражаются характеристики этого политического явления. Среди ключевых характеристик он выделяет частный интерес власть имущих, сращивание бюрократии и крупного капитала при государственных традициях, где формой данных отношений являются корпорации «(государственные, государственно-частные, частные под эгидой государства)», где подобные авторитарные тенденции выливаются в протестные настроения.¹⁷⁵ Иными словами, Ю. Красин отмечает процессы корпоративизации с ведущей ролью государственных корпораций, при этом его понимание субъектов корпоративных интересов схоже с применяемым в настоящей работе, что также указывает на возможность использования данной концепции.

Вопросы взаимосвязи политического режима и групп интересов подробно рассматриваются у А. Павроза. Так, А. Павроз, в контексте рассматриваемого вопроса, выделяет три фактора классификации политических режимов – модели политического взаимодействия, свобода группового участия, а также способность групп использовать государство как инструмент извлечения ренты.¹⁷⁶

Однако, не совсем понятным является разграничение первого и второго факторов. Первый фактор определяет режимы, исходя из одноименных моделей представительства интересов с применением их понятий, то есть выделяя плюралистический и корпоративный режимы, критерии разграничения которых

¹⁷⁴ Харин А.Н. Корпорация-государство как альтернатива современному государству // Власть. 2012. №9. С. 76.

¹⁷⁵ Красин Ю.А. Горячее лето 2014: «Украинский кризис» сквозь призму политологической мысли/ Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва, 21–22 ноября 2014 г. – М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. – С.268-269.

¹⁷⁶ Павроз А.В. Группы интересов и политические режимы: неинституциональный анализ современной России : автореферат дис. ... доктора политических наук : 23.00.02 / Павроз Александр Васильевич; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2013. – С.16-17

мы рассматривали в предыдущей главе. Тем не менее, следует обратить внимание на критерии первого фактора, такие как ограниченность (или неограниченность) числа групп интересов и их зависимость (или независимость) от государства. Практически аналогичные критерии приводятся и в рамках второго фактора – свобода группового участия, а именно отсутствие ограничений группового участия в демократическом, или подавление политического участия в авторитарном. Несмотря на то, что А. Паврозов данные факторы разграничены, тем не менее представляется, что ключевым критерием первого и второго фактора является наличие или отсутствие ограничений в деятельности групп интересов. По этой причине, на наш взгляд, выделение данных двух факторов, как политических режимов, представляется излишним.

Третий фактор – способность групп интересов использовать государство как инструмент извлечения ренты, а именно, выделение фракционного режима, справедливо указывает на то, что «концентрация ренты ведет к элитизации и авторитаризации политических режимов».¹⁷⁷ Несмотря на то, что мы во многом разделяем исследовательские взгляды А. Паврозова, тем не менее, существует ряд оговорок, которые необходимо отметить применительно к рассматриваемой теме. Во-первых, как мы уже отметили, первый и второй факторы политического режима исходят из возможных ограничений в продвижении групп интересов, что усложняет их разграничение. Во-вторых, выделенные А. Паврозов факторы обладают существенной широтой, поскольку отражают групповые интересы как в рамках плюралистической, так и корпоративной моделей представительства интересов. В-третьих, на наш взгляд, универсальный характер и отмеченная широта не отражают в полной мере специфические черты именно российского корпоративизма.

Принимая во внимание концепцию ГБК Ю. Красина, а также исследование А. Паврозова, можно выделить три, на наш взгляд, специфические черты, отражающие современный российский корпоративизм государственного типа, а

¹⁷⁷ Там же. С. 18.

именно: политический режим, государственный характер и обеспечение власти, существенная роль элитарной составляющей корпоративизма. Безусловно, данные элементы составляют категорию политического режима, которая включает в себя и особенности деятельности политической элиты и степень вовлеченности государства в политические процессы. Тем не менее, поскольку нами предлагаются собственная классификация специфических черт российского корпоративизма, считаем необходимым рассмотреть указанные черты по отдельности.

Так, отечественный политолог Б. Макаренко отмечает ряд особенностей российского корпоративизма в сравнении с имеющими место моделями в странах Западной Европы. Важнейшей особенностью этот автор считает существенную концентрацию контрольных функций в руках исполнительной ветви власти, ее главенствующую роль по сравнению с другими ветвями, а также над гражданским обществом, СМИ, местным самоуправлением и бизнесом.¹⁷⁸ Подобная позиция Б. Макаренко, по нашему мнению, отражает характеристику авторитарного политического режима.

Несмотря на то, что де-юре Россия является государством с демократическим политическим режимом, и мы отмечали в предыдущем параграфе декларируемую градацию интересов, характерную для демократического режима, тем не менее ряд отечественных исследователей отмечают переход к авторитарному режиму. Так, например Ю. Красин, характеризуя отношения между государством и гражданским обществом, отмечает авторитарный режим и «рентный конформизм» как одни из факторов «инерционной тенденции политического развития российского социума».¹⁷⁹ Схожей позиции придерживается и В. Гельман, рассматривая политический режим через призму характера реформ, проводимых властью с 2000-х гг., и обозначает ее «авторитарной модернизацией».¹⁸⁰ Мы уже ранее отмечали,

¹⁷⁸ Макаренко Б. И. Неокорпоративизм в современной России // Сравнительная политика. 2011. №2. С.92

¹⁷⁹ Красин Ю. А. Государство и общество: сдвиги во властном поле. – Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 57

¹⁸⁰ Гельман В.Я., Стародубцев А.В. Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов : Препринт М-37/14. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. — С.4-5.

что не согласны с утверждением Ф. Шмиттера о свободе корпоративизма от влияния политического режима, но представляется, что в российском политическом пространстве политический режим – одна из детерминант корпоративной модели представительства интересов. Безусловно, российский политический режим нельзя в полной мере отнести к авторитарному – это было бы некорректно, однако некоторые теоретические признаки авторитарного режима отражают подобный характер осуществления власти в настоящее время. Таким образом, возникает необходимость в сопоставлении основных элементов авторитарного государства и определении их проецировании в российской политической системе. Опираясь на некоторые характеристики авторитарного политического режима, приведенные Д. Дегтевой¹⁸¹, можно отметить:

- сужение принципа выборности населением должностных лиц и органов государственной власти. Примером проявления подобной характеристики является отмена выборов глав (мэров) городов в ряде субъектов РФ, например в Екатеринбурге;

- централизм в руководстве обществом. Данный признак характеризуется применением концепции «ручного управления», то есть широкого участия государства в различных сферах управления.

- командно-административные методы в руководстве и управлении обществом. Характер данного признака обусловлен выстроенной вертикалью власти и использованием упомянутой выше практики «ручного управления»

- доминирующая роль одной политической партии. ГД ФС третьего созыва оказалась последней на сегодняшний день, где был представлен широкий спектр политических сил. С 2003 года «Единая Россия» является партией власти, то есть имеет парламентское большинство.

¹⁸¹ Дегтева Д.И. Авторитарный и тоталитарный политические режимы // Вестник Московского Государственного Открытого Университета. Москва. Серия: Экономика И Право. — 2012. — Вып. 3. — С.61-63

- неправовой характер деятельности власти. Данный признак не применим к России, однако присутствуют такие факторы как часто меняющееся законодательство и разные подходы к толкованию и правоприменению.

- армия и полиция – важнейшая опора власти. Подобная особенность выражена в том, что расходы федерального бюджета на правоохранительные органы, аппарат чиновников и Вооруженные силы достаточно велики и долгое время росли. Несмотря на финансово-экономические трудности, с которыми столкнулась Россия после украинских событий 2014 года, доля расходов на данные цели по-прежнему высока и составляет 38% в бюджете на 2018-2020 гг.¹⁸²

- средства массовой информации находятся под государственным контролем. Подавляющее большинство российских СМИ либо принадлежит государству непосредственно, как например АО «Первый канал», либо через контролируемые государством структуры, где конечный стейкхолдер – государство.

Таким образом, применяя данные критерии, можно отметить, что российский политический режим стремится к авторитарному, а демократические институты утрачивают свое влияние. То есть российский политический режим нельзя однозначно охарактеризовать как авторитарный или демократический, именно по этой причине мы говорим о стремящемся к авторитарному.

Однако, может возникнуть вполне закономерный вопрос – как некоторые характеристики авторитарного политического режима, которые находят свое отражение в российском политическом пространстве, связаны с отечественной моделью корпоративизма? Так, например, В. Скоробогачкий, отмечая широкомасштабный процесс по созданию государственных корпораций в России и именуя подобный процесс «государством-корпорацией», указывает на применение российским руководством практики «ручного управления», отражающего

¹⁸² В бюджете 2018—2020 годов расходы на чиновников, армию и полицию составят 38% [Электронный ресурс // Сайт информационного агентства «Росбалт». – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/russia/2017/11/25/1663719.html> (дата обращения: 07.03.2018).

централизм в руководстве обществом и командно-административные методы.¹⁸³ Централизм в руководстве обществом также отмечает Л. Гудков, правда, в отличие от упомянутого выше В. Гельмана, указывает на отсутствие реформ: «Путинский режим стремится удержать образец «общества-государства», подавить любые попытки отделить государство от общества, правда, уже не из идеологических соображений, а в чисто корыстных групповых интересах».¹⁸⁴ Таким образом, Л. Гудков отмечает наличие групповых интересов при осуществлении политической деятельности. Поскольку олигархическая парадигма закончилась с приходом к власти В. Путина, а общественный интерес, по мнению автора, отделен, то логичным будет предположить то, что Л. Гудков подразумевает именно корпоративные интересы, которые продвигаются действующей политической элитой.

Важным аспектом, характеризующим сложившийся в России политический режим, является центристская политическая направленность в законодательной сфере, где присутствует монополизм политической партии «Единая Россия», то следует отметить, что глава исполнительной власти - Председатель Правительства РФ является ее лидером, что позволяет говорить о политической направленности в деятельности правительства. Если рассматривать общественно-политическое течение, которого придерживается «Единая Россия», то данную партию можно отнести скорее к центристской¹⁸⁵ или правоцентристской.¹⁸⁶ При этом, как отмечает Е. Мурашева, правоцентризм в российском парламентаризме не стоит связывать лишь с президентом и его политическим курсом, подобная приверженность является последовательным продолжением правоцентристской направленности «Наш дом – Россия», «Единства» и, впоследствии «Единой

¹⁸³ Скоробогачкий В.В. Институционализация государства-корпорации: постановка проблемы // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2012. № 1(18). С. 50-54.

¹⁸⁴ Гудков Л.Д. Абортивная модернизация/ Л.Д. Гудков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С.335

¹⁸⁵ Трофимова О.В. "Единая Россия" о российском федерализме: состояние и перспективы // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2008. №2. С. 117

¹⁸⁶ Сенцов А.Э. Концепт будущего в программах политических партий (на материале программ партий «Единая Россия» и «Патриоты России») // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2010. №3 (11). С. 55

России».¹⁸⁷ Ранее в работе мы уже отмечали, что корпоративизм как система идей не относится ни к «правым», ни к «левым» общественно-политическим течениям, а находится посередине. Иными словами, идеи корпоративизма сходны с центристской политической направленностью партии власти. Таким образом, взгляды «Единой России» не только не противоречат постулатам корпоративизма, а скорее наоборот - коррелируют с ними. Мы уже отмечали в предыдущем параграфе, что ряд государственных корпораций был инициирован депутатами ГД ФС РФ, представляющими партию власти, и эти законопроекты были подписаны Президентом РФ. Законодательные инициативы Президента РФ по созданию госкорпоративных структур также не сталкивались с препятствиями в парламенте. Соглашаясь с позицией Е. Мурашевой, все же отметим, что данное обстоятельство позволяет нам говорить о единообразных взглядах Президента РФ и российского парламента на институт государственных корпораций. Так, А. Кочетков, рассматривая корпоративную составляющую партийной системы в России, характеризует роль партии «Единая Россия» как «политической опоры существующей власти».¹⁸⁸ Представляется, что центристская и правоцентристская направленность действующей власти как одна из характеристик действующего политического режима, способствует деятельности института государственных корпораций, поскольку не входит в противоречие с политическими взглядами.

СМИ являются важнейшим инструментом в политической деятельности и позволяют формировать любую информационную повестку, в том числе заменять реальную на официальную.¹⁸⁹ СМИ – важнейший ресурс и находится в сфере корпоративных интересов, но поскольку освещение политических событий может идти вразрез с видением власти, поэтому в российском медиапространстве отмечается госкорпоративный интерес. Государство является собственником

¹⁸⁷ Мурашева Е.В. Центризм как общественно-политическое явление / Е.В. Мурашева. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С.297

¹⁸⁸ Кочетков А.П. Корпоративные элиты / А.П. Кочетков. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 101

¹⁸⁹ Колесников В.Н. Актуальная повестка дня в современной России: факторы формирования // Управленческое консультирование. 2017. №9 (105). С. 13

важнейших федеральных СМИ, например АО «Первый канал» и ФГУП «ВГТРК». Такая структура как АО «Газпром-Медиа Холдинг» (далее – Газпром Медиа) концентрирует множество разноплановых медиаресурсов. При этом Газпром-Медиа является дочерней структурой «Газпромбанка», в свою очередь принадлежащего ПАО «Газпром». Совет директоров замыкается на А. Миллере, возглавляющем также ПАО «Газпром». Данное обстоятельство демонстрирует участие государственных корпораций и самого государства в управлении медиаресурсами.

Таким образом, особенности российского политического режима во многом обуславливают характер корпоративизма, где существенную роль играют политические элиты, имеющие свои корпоративные интересы. Их участие в государственной деятельности, характер самих корпоративных структур подтверждают наш тезис о том, что в российском политическом пространстве присутствует государственный тип корпоративной модели представительства интересов, характеристики которого ранее рассматривались.

Второй существенной чертой российской модели корпоративизма, на наш взгляд, является ее государственный характер и обеспечение власти. Указанная черта уже косвенно нами рассматривалась в предыдущем параграфе, поскольку государственные корпорации являются важнейшими субъектами корпоративных интересов, к тому же само название – государственная корпорация указывает на подобный характер. Проявление государственного характера достаточно многогранно. Во-первых, мы уже подробным образом рассматривали субъектов корпоративных интересов, при этом отмечали, что существенная часть корпораций создавалась государством, или же государство имеет долю в данных структурах, то есть является создателем институциональной среды корпоративизма и стейкхолдером одновременно. При этом многие государственные корпорации по своему типу являются «квази-министерствами», представляют собой достаточно закрытые системы, как мы уже рассматривали в предыдущем параграфе. Существенную роль играет и законодательное регулирование – мы уже

затрагивали подобный аспект относительно правового закрепления деятельности государственных корпораций и государственных компаний. При этом следует отметить динамизм российского законодательства в целом. Во-вторых, государство как стейкхолдер, имеет институциональные механизмы, позволяющие оказывать влияние на процессы формирования руководства государственных корпораций, а также обладать информацией о текущей деятельности. В данной связи необходимо отметить, что государственные корпорации (в официальном смысле) с точки зрения законодательства являются унитарными юридическими лицами, а не корпоративными, то есть «учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства»¹⁹⁰. Тем не менее, государство имеет ряд возможностей для представительства своих интересов в данных структурах. Наблюдатели делегируются из различных государственных органов (например, Администрации Президента РФ, Правительства РФ) в наблюдательные советы или советы директоров государственных корпораций, что позволяет государству тесно взаимодействовать с данными структурами. Также ключевым фактором является возможность оказания влияния на состав руководства государственных корпораций, что осуществляется посредством назначения на основании указов Президента РФ или участия в избрании руководства. Следует отметить, что подобная практика прямо указывает на одну из черт государственного типа корпоративизма, выделенного Ф. Шмиттером, поскольку характеризует «соблюдение определенных мер контроля над выбором их лидеров».¹⁹¹

В-третьих, государственный характер выражается в бюрократических особенностях, отмечаемых в концепции ГБК Ю. Красиным. В данной связи нужно подчеркнуть, что руководители государственных корпораций и государственных компаний, являющихся некоммерческими организациями, в большей степени

¹⁹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994г. №51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. - №32. – Ст. 3301.

¹⁹¹ Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World. / F. Pike and T. Stritch (eds.). London , 1974. P. 93-94

подвержены бюрократическим чертам. Вызвано это, прежде всего тем, что они относятся к категории должностных лиц, то есть являются лицами «постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющими функции представителя власти либо выполняющими организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции».¹⁹² Также представляется, что государственный характер российского корпоративизма как его специфическая черта проявляется путем институциональных изменений – создания института государственных корпораций, большинство из которых по своему типу являются «квази-министерствами», являющимися достаточно закрытыми системами, как мы уже рассматривали в предыдущем параграфе. В-четвертых, важным обстоятельством является легитимность государственного характера российского корпоративизма, складывающаяся, на наш взгляд, из двух обстоятельств – легитимности самой по себе власти, а также легитимности корпоративных процессов. Оценивая индекс доверия В. Путину, проведенного ВЦИОМ в период с апреля по август 2018 года, следует отметить его значительное снижение с 46 до 31 пункта¹⁹³, однако по-прежнему является достаточно высоким относительно других российских политиков. Что же касается доверия россиян относительно самого процесса корпоративизации, то мы отмечали в статье парадоксальную ситуацию – несмотря на достаточно смутное представление граждан об институте государственных корпораций, тем не менее некоторые инициативы по созданию корпораций нашли одобрительное отношение в обществе.¹⁹⁴

Существует также позиция, согласно которой государственный характер сложившейся модели российского корпоративизма в значительной степени обусловлен патерналистскими чертами российской политической культуры. В этой

¹⁹² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №25. – ст. 2954.

¹⁹³ Доверие политикам [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. - Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam/ (дата обращения: 22.08. 2018).

¹⁹⁴ См. подробнее Костин А.Э. Политические особенности современной модели российского государственного корпоративизма: власть и корпоративные структуры // Управленческое консультирование. 2018. №7(115). С. 139-145. ; Предвыборные идеи Владимира Путина: оценки россиян. Опрос ВЦИОМ. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. - Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1382> (дата обращения: 22.08.2018).

связи представляется интересной, хоть и, с нашей точки зрения, неоднозначной позиция В. Любашиц и Н. Разуваева, которые, выдвигая концепцию корпоративной демократии, отмечают следующее: «Россия в гораздо большей степени предрасположена к государственной, патерналистски ориентированной модели экономической демократии, в том числе ее корпоративной составляющей».¹⁹⁵ С одной стороны, данная позиция представляется верной, поскольку отражает особенности характерного, на наш взгляд, государственничества для России как особенности национальной политической культуры. С другой стороны, данная формулировка представляется не совсем понятной. При этом авторы также указывают на то, что российские государственные институты «действуют активно по сравнению с любой другой цивилизованной страной», что действительно отражает корпоративную составляющую, однако порождает определенное противоречие. Противоречивость данной позиции, на наш взгляд, заключается в том, что авторы выдвигают концепцию корпоративной демократии, при этом отмечают активное вмешательство государства, в том числе и в экономические отношения. Подобная особенность отражает в большей степени недемократичный характер экономических отношений, чем политическую культуру. Ранее в работе мы уже применяли такое понятие как корпоративный интерес государственного характера, но не раскрывали должным образом. Отмечая в настоящем параграфе государственный характер как черту современного российского корпоративизма, следует уточнить, что под корпоративным интересом государственного характера понимается интерес, артикулируемый от лица государственной корпорации, как правило, высшим руководством государственной корпорации.

В рамках государственного характера как одной из черт российского корпоративизма следует отметить и обеспечение власти. Как мы уже отмечали, в выделенных нами первом и втором этапах корпоративизма сложилась олигархическая парадигма государственного управления, то есть произошла

¹⁹⁵ Любашиц В.Я., Разуваев Н.В. Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель : монография / В. Я. Любашиц, Н. В. Разуваев. - М. : РИОР : ИНФРА-М, 2018. – С.437

конвертация экономических ресурсов в политические.¹⁹⁶ Можно отметить, что первый президентский срок В. Путина примечателен именно окончанием олигархического устройства, а конец второго срока сопровождался созданием института государственных корпораций. Данная особенность связана как с политическим режимом, так и политической элитой. Представляется, что институт государственных корпораций развивался не только с целью сохранения ряда ключевых отраслей, но и для аккумуляции ресурсов. Именно сосредоточение ресурсов в руках государства посредством государственных корпораций, на наш взгляд, позволяет действующему политическому режиму избежать возможного оказания влияния на политические процессы со стороны групп интересов, имеющих финансовые возможности, характерного явления для первого и второго этапов российского корпоративизма.

Однако, важно подчеркнуть, что среди представителей действующей политической элиты существуют позиции о снижении роли государства и приватизации. Так, например глава корпоративной структуры государственного характера ПАО «Сбербанк» Г. Греф заявил о необходимости приватизации данного банка и в целом уменьшения в экономике государственного сектора, поскольку это снижает конкуренцию.¹⁹⁷ Однако, представляется, что государство не пойдет на такие меры, поскольку в условиях экономической нестабильности ему важно сохранить ресурсы для минимизации возможной политической нестабильности.

Обеспечение власти происходит также путем международной деятельности государственной корпорации и продвижения интересов, причем как корпоративных, так и государственных. Сами же политические механизмы, обеспечивающие корпоративные интересы будут рассматриваться в следующей главе.

¹⁹⁶ Костин А.Э. Политические особенности современной модели российского государственного корпоративизма: власть и корпоративные структуры // Управленческое консультирование. 2018. №7(115). С. 139-145

¹⁹⁷ Греф выступил за приватизацию Сбербанка [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства ТАСС. - Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/4556084> (дата обращения 20.09.2017)

Третьей специфической чертой российского корпоративизма является существенная роль политической элиты. Данная черта также взаимосвязана с политическим режимом. Наряду с уже отмеченными государственным характером корпоративизма и определенным совмещением интересов, важнейшей особенностью российского корпоративизма также является направленность на удовлетворение частных интересов лиц, составляющих политическую элиту. То есть происходит своеобразный разрыв в категориях интересов между обществом и государством.

Схожей с Ю. Красиным позиции в контексте ценностных установок концепции ГБК придерживается и А. Чернышов, указывая нежелание должностных лиц следовать демократическим ценностям, а не личным или узкогрупповым интересам: «...политик – он по манерам демократ, а по сути бюрократ, ибо дорвавшись до власти очень часто все силы бросает не на благо народа, а на удержание собственного могущества и продления времени властвования для своего окружения».¹⁹⁸

Государство как избранная институциональная форма, имеющая мандат от общества, должна отражать его интересы. В этой связи П. Каневский очень точно определяет проблему поляризации в политической культуре, то есть отличия в ценностных установках среди населения, а также элиты, то есть разрывы в горизонтальных и вертикальных субкультурах.¹⁹⁹ Также, П. Каневский отмечает разность интересов правящей политической и экономической элиты. Со стороны политической элиты, где политическое участие и возможности компетенции, в том числе при использовании административного ресурса, способствуют финансовому достатку. С другой стороны для экономической элиты интересом является удержание собственности для сохранения элитного положения.²⁰⁰ Данная позиция представляется интересной, однако в большей степени отражает олигархическую

¹⁹⁸ Чернышев А.Г. Власть как «вечный» двигатель: монография. – Москва: Проспект, 2018. – С. 127-128.

¹⁹⁹ Каневский П.С. Политическая стратификация в современной России: классы, элиты, группы интересов. – М.: Академический проект, 2014. – С.122

²⁰⁰ Там же С.49

модель корпоративизма во втором периоде. Текущий корпоративизм размывает границы между политической и экономической элитой в контексте политической субъектности.

Элитарная составляющая российского корпоративизма, на наш взгляд, во многом связана по своей сути с обеспечением власти, поскольку столь кардинальный разворот к государственным корпорациям вызван стремлением властных элит сконцентрировать ключевые стратегические ресурсы под своим непосредственным контролем в различных сферах деятельности, что позволит избежать сосредоточения крупного капитала в руках частных лиц, которые потенциально могут конвертировать экономический капитал в политический. То есть из экономической элиты стать политической, что приведет к пересечению интересов и минимизирует различия, отмечаемые П. Каневским. Таким образом, представляется, что действующая власть серьезным образом опасается ситуации второго этапа корпоративизма в России, при котором может потенциально утратить независимость в осуществлении проводимой политики и «дело «ЮКОСа», на наш взгляд, это демонстрирует. Данное обстоятельство стало побудительным мотивом для сближения бизнеса и государства, где одной из задач являлось обеспечение общих корпоративных интересов.²⁰¹

В контексте элитарной составляющей российского корпоративизма интересной представляется позиция П. Фельдмана, который определяет корпоративизм как «оптимальный политический инструмент мобилизации государственных и общественных ресурсов. Однако он эффективен, лишь когда у власти пребывает национально ориентированная элита, способная четко определять и внятно формулировать стратегические цели общественного развития».²⁰²

²⁰¹ Пепелов С.Т., Чернов А.И. Взаимодействие власти и бизнеса в современной России: начало формирования институциональных основ // Власть. - 2016. - № 3. - С. 91.

²⁰² Фельдман П. Я. Становление корпоративизма в современной России. Угрозы и возможности Свободная мысль, №1, 2018, С.19.

Государственные корпорации стали, по сути, инструментом размещения и ротации элит в руководстве. Подобные назначения на руководящие посты основываются не на профессиональных компетенциях в профильной сфере корпоративной структуры, а главным образом, исходя из необходимости разместить в руководстве структуры «своего» человека. Данную проблему как традиционную для России отмечает В. Макаренко, а именно: «Главный критерий экономической деятельности в России – наличие своих людей в аппарате власти. Такова специфика русского корпоративизма, лоббизма и тип управленца».²⁰³ При этом В. Макаренко указывает на отсутствие как такового российского национального интереса, а предлагает рассматривать данную категорию как «отражение интересов высших эшелонов политической, экономической и идеологической бюрократии современной России».²⁰⁴ Проблема подобного характера отношений между корпоративными группами интересов и властью является достаточно сложной. Однако, в целом она вытекает из профессиональных ценностей и установок действующей политической элиты. В этой связи уместным является обратиться к немецкому философу М. Веберу, который рассматривая отношения христианской церкви с мирянами, отмечает необходимость обладания определенными качествами для утверждения члена общины, а также необходимость их постоянно подтверждать, что сыграло значительную роль в становлении капитализма.²⁰⁵ Но, поскольку российские структуры имеют некоммерческий характер, а также элитарный характер, говорить о капиталистической направленности не представляется возможным. Так, например О. Митрошенков указывает на антропологическую (включающую в себя культурные и демографические факторы) и управленческую катастрофу, с которой

²⁰³ Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство, часть 1: монография/В.П.Макаренко. – Ростов-на-Дону, Изд-во Март, 2013 — С.220

²⁰⁴ Макаренко В.П. Государственные интересы в контексте бюрократического господства // Политическая концептология. Ростов н/Д, 2015. № 3. С. 12.

²⁰⁵ Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С.288

столкнулась Россия.²⁰⁶ То есть отечественный исследователь отмечает снижение уровня «эффективности и культуры управления страной, свойственные власти и управленческой элите».²⁰⁷

Несмотря на то, что сменяемость в органах государственной власти можно охарактеризовать как не очень динамичную, тем не менее, следует обратить внимание на ряд политических фигур, которые «направляются» в государственные корпорации – так, например А. Чубайс, возглавляющий государственную корпорацию АО «Роснано», уже не являющуюся государственной корпорацией в прямом смысле слова. Речь идет не просто о внедрении «своих» людей (практически все руководители действующих госкорпораций имеют опыт работы с Президентом РФ В.В. Путиным). Руководители таких структур являются выходцами из государственных органов. Например, В.С. Чemezov работал с президентом в период своего пребывания в ГДР в 1980-е гг., затем возглавлял ФГУП «Рособоронэкспорт», а затем и ГК «Ростех». Этим обусловлено стремление к некоторой закрытости деятельности. В результате, на сегодняшний день ГК «Ростех» пользуется поддержкой политических элит. Изменения в Правительстве РФ после выборов Президента 2018 года усилили подобную тенденцию, так два вице-премьера И. Шувалов и Д. Рогозин заняли посты в государственных корпорациях «ВЭБ» и «Роскосмос» соответственно. Переход также возможен и из государственных корпораций в государственные органы, например С. Кириенко, возглавлявший ГК «Росатом» с момента основания, в 2016 году стал Первым заместителем Руководителя Администрации Президента РФ. Таким образом, возможен транзит элит как из государственных органов в государственные корпорации, так и наоборот, что позволяет распределять политически лояльных лиц и впоследствии проводить выбранный политический курс с опорой на данные структуры.

²⁰⁶ Митрошенков О.А. Философия управления : учебник для бакалавриата и магистратуры / О.А. Митрошенков. – М. : Издательство Юрайт, 2017. – С.122-133

²⁰⁷ Митрошенков О.А. Некоторые особенности управленческой идентичности в России: к постановке проблемы // Вопросы социальной теории. 2010. № 4. С. 509

Элитарную составляющую российского корпоративизма можно отметить не только на федеральном, но и региональном уровне. В ряде субъектов РФ существуют структуры, именуемые корпорациями. Несмотря на то, что подобные организации не охватываются понятием государственных корпораций, применяемым в настоящей работе, тем не менее представляется важным о них упомянуть в контексте элитарного характера. Проявляется данная черта посредством учреждения юридического лица, цели которого сводятся, главным образом, к решению различных инфраструктурных задач, несмотря на наличие в региональных органах власти структурных подразделений, курирующих данные сферы деятельности. При этом состав подобных организаций включает как представителей органов государственной власти субъекта РФ, так и местное бизнес-сообщество. Представляется, что указанные организации являются агрегатором региональных элит, а также предоставляют возможность решать обозначенные задачи по региональному развитию при более тесном взаимодействии с заинтересованными в инвестиционной деятельности субъектами. В статье, посвященной политическим особенностям современной модели российского государственного корпоративизма, мы затрагивали подобную черту на примере Камчатского края.

Таким образом, государственные корпорации являются элементом распределения политической элиты, позволяя осуществлять транзит как непосредственно во властные структуры, так и в государственные корпорации, агрегирующие важнейшие для государства сферы. При этом данное распределение основано либо на непосредственных личных связях с первыми лицами государства, либо представительстве в органах государственной власти.

В рамках элитарного характера следует также отметить и положительную тенденцию. Например, государство провело беспрецедентный проект по обновлению элит как в органах государственной власти, так и в государственных корпорациях – «Лидеры России». Подобный конкурс можно охарактеризовать как публичный институт по обновлению социального капитала корпоративной

структуры, который, на наш взгляд, играет важную роль для формирования политического капитала, но и создает возможности для прихода профессионалов, поэтому представляется, что подобная практика должна быть сформирована на постоянной основе.

Рассматривая специфические черты российского государственного корпоративизма, следует отметить его взаимосвязь с особенностями российского политического режима, что позволяет говорить о применимости теории корпоративизма Ф. Шмиттера с оговорками при учете отечественной специфики.²⁰⁸ Подобная взаимосвязь прослеживается при изучении этапов корпоративизма в России, где характерной чертой является переход от социетального типа корпоративизма к государственному.

Представляется, что выделенные в данном параграфе специфические черты, а именно: непосредственно политический режим, государственный характер и обеспечение власти, существенная роль элитарной составляющей корпоративизма отражают сложившуюся особую форму российского корпоративизма.

²⁰⁸ Костин А.Э. К вопросу о применимости теории корпоративизма Ф. Шмиттера в современном российском политическом пространстве// Управленческое консультирование. 2018. №2. С.145-151.

Глава 3. Особенности политических механизмов обеспечения корпоративных интересов государственного характера в современной России

3.1 Отечественная специфика лоббирования корпоративных интересов: неоинституциональный подход

В рамках данной работы, на наш взгляд, необходима операционализация понятия политического механизма применительно к обеспечению корпоративных интересов. Операционализируя понятие политического механизма, сформулированного Г. Колобовой²⁰⁹, под политическими механизмами обеспечения корпоративных интересов в данном исследовании, понимается система взаимообусловленных политических институтов, действий, средств и способов, направленных на обеспечение корпоративных интересов. Одним из основных механизмов обеспечения корпоративных интересов является лоббизм. Существует множество различных понятий лоббизма, концепций, методик, работ, посвященных лоббизму корпоративных структур. Однако, в настоящей работе мы стремимся понять лишь специфические черты данного способа продвижения интересов российскими корпоративными структурами, представляющие на наш взгляд интерес, исходя из сформировавшейся модели государственного корпоративизма.

Важно отметить, что ввиду не институционализированного, а латентного характера, полная картина лоббистской деятельности в рамках корпоративных интересов трудновыявляема. В данной связи представляется точной позиция отечественного политолога П. Каневского, рассматривающего политическую систему современной России в контексте неформальных институтов власти: «Однако взаимодействие групп интересов с органами власти продолжает развиваться на фундаменте неформальных межличностных и межгрупповых связей, глубоко укорененных в моделях поведения и правилах игры».²¹⁰ При этом

²⁰⁹ Колобова Г.А. Политический механизм: анализ категории // Вестник Башкирск. ун-та. 2010. №4. С. 1230.

²¹⁰ Каневский П.С. Проблема концептуализации неформальных институтов власти на примере лоббизма. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2016.— №6 — С. 62.

автор связывает неформальный характер российского лоббизма с институциональной динамикой советского периода.²¹¹ Соглашаясь с позицией П. Каневского относительно распространенности неформальной практики российского лоббизма, в рамках данного исследования считаем необходимым обратить внимание как на неформальное взаимодействие государственных корпораций с органами государственной власти и должностными лицами, так и на формализованные институты.

Неформальный характер лоббизма в российском политическом пространстве во многом обуславливает применение в настоящем параграфе неоинституционального подхода. Институты, с точки зрения неоинституционализма, рассматриваются как «правила игры», сформулированные в обществе и способствующие человеческому взаимодействию.²¹² В рамках «правил игры» лоббизм является одним из важнейших средств изменения установленных правил в пользу отдельных лиц и групп. Обращаясь к параметрам «нового» институционализма, приведенным С. Патрушевым²¹³, можно отметить, что при изучении российского корпоративизма и лоббистской деятельности государственных корпораций возможно применение как институционального, так и неоинституционального подхода. Однако именно неформальный характер лоббизма и ряд характеристик указывают на необходимость применения второго подхода. Среди существенных, на наш взгляд, параметров можно отметить следующие: периферийное значение конфликта интересов, императив легитимности как источник инерции, сфера или общество как место институционализации, практическое действие — когнитивная основа порядка, неясность целей и другие.²¹⁴

²¹¹ Там же.

²¹² North D. Institutions, institutional change and economic performance // Cambridge University Press, Cambridge, 1990. P. 3,4.

²¹³ Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. Под редакцией С.В. Патрушева. - М.: ИСП РАН, 2006. – С. 16.

²¹⁴ Там же.

Анализируя понятия лоббизма, можно отметить его широкое и узкое понимание. Так, широкого понимания лоббизма придерживается П. Толстых, в рамках которого: «лоббизм – это любая деятельность граждан, ассоциаций бизнеса, партий и других организованных групп давления (в том числе и политических) по отстаиванию своих активных интересов».²¹⁵ В данной работе мы исходим из понятия лоббизма, сформулированного отечественным исследователем А. Паврозов, под которым он понимает «деятельность по представительству и отстаиванию интересов через воздействие на должностных лиц и органы публичной власти в целях влияния на формирование и осуществление государственной политики».²¹⁶ Понимание лоббизма А. Паврозов, на наш взгляд, является более удачным, поскольку полностью не раскрывая субъектов лоббистской деятельности, указывает на объект, в отношении которого осуществляется воздействие в рамках данной деятельности.

Рассматривая специфические черты лоббистской деятельности, следует отметить, что внутрилоббистская деятельность и внешнелоббистская деятельность российских государственных корпораций и, соответственно, механизмы обеспечения интересов, немного отличаются. Данная особенность обусловлена тем, что за рубежом российские корпоративные структуры вынуждены «играть по другим правилам». Именно по этой причине мы выделяем внутренний и внешний лоббизм в деятельности российских государственных корпораций. Важно подчеркнуть, что в значительной степени механизмы обеспечения корпоративных интересов обусловлены самой спецификой российского корпоративизма, рассмотренной в предыдущей главе – политическим режимом, государственным характером корпоративизма и существенной ролью элитарной составляющей.

В рамках изучения обеспечения корпоративных интересов представляется необходимым разработать классификацию, позволяющую разграничить специфические черты.

²¹⁵ Толстых П. А. GR. Практикум по лоббизму в России. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. С.19.

²¹⁶ Паврозов А.В. Лоббизм: институциональные основания и практики политического влияния в демократических обществах. – СПб.: Издательство РХГА, 2016. – С. 5.

Первой важнейшей специфической чертой лоббирования корпоративных интересов в России является обеспечение их путем непосредственного воздействия корпоративных групп. Ввиду государственного и элитарного характеров российского корпоративизма, «дистанция» между органами государственной власти и руководством государственных корпораций невелика. В данной связи представляется интересной позиция А. Кочеткова, который отмечает, что: «...система прямого представительства бизнеса используется также отраслями и фирмами, которые находятся в госсобственности и связаны с органами власти чисто административными узами».²¹⁷ Таким образом, можно отметить использование прямых методов воздействия на лиц, принимающих решения, главным образом, через информирование в соответствии с классификацией А. Павроза.²¹⁸ В рамках применения прямых методов при обеспечении корпоративных интересов, на наш взгляд, велика роль неформальных коммуникаций. Кейсом, демонстрирующим подобную практику является вопрос о создании системы взимания платы за проезд большегрузными транспортными средствами «Платон», где оператором в рамках концессионного соглашения является «РТ-Инвест Транспортные системы» (далее - РТИТС), принадлежащая И. Ротенбергу, а также ГК «Ростех».²¹⁹ Важно отметить, несмотря на то, что рассматриваемый кейс затрагивает проблематику концессионных соглашений, которая будет отражена в следующем параграфе, тем не менее, лоббистская составляющая как механизм обеспечения корпоративных интересов, в данном примере имеет большее значение. Как отмечает газета «Ведомости»: «изначально РТИТС принадлежала госкорпорации «Ростех» (50,01%) и «РТ-инвесту», 25,01% которого владеет тот же «Ростех».²²⁰ При этом отмечается, что изначально Правительство РФ планировало

²¹⁷ Кочетков А.П. Корпоративные элиты / А.П. Кочетков. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С.159

²¹⁸ См. подробнее: Павроз А.В. Лоббизм: институциональные основания и практики политического влияния в демократических обществах. – СПб.: Издательство РХГА, 2016. – 172 с.

²¹⁹ «РТ-Инвест». Кто мы [Электронный ресурс] // Сайт компании «РТ-Инвест». - Режим доступа: <http://rt-invest.com/info/> (дата обращения: 05 мая 2018 г.)

²²⁰ Лютова М. Игорь Ротенберг получит 50% оператора системы взимания платы с грузовиков [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Ведомости». – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/03/31/igor-rotenberg-poluchit-50-operatora-sistemi-vzimaniya-plati-s-gruzovikov> (дата обращения 20.05.2017).

отобрать оператора в рамках конкурса, однако после артикулированного Генеральным директором ГК «Ростех» С. Чемезовым интереса к данному проекту, конкурс был отменен поскольку: «в таком проекте нельзя было допустить возможности утечки из России очень чувствительной информации».²²¹ Артикуляция интереса в процессе принятия решения, на наш взгляд, отражает процесс информирования корпоративной группой интересов Правительства РФ (лицо, принимающее решение по данному вопросу). Также сама по себе артикуляция, вызвавшая изменения решения в пользу Ростеха, демонстрирует метод прямого влияния, основанного на персональных связях.²²² Подобная особенность обусловлена тем, что Ростех артикулировал корпоративный интерес к указанному выше проекту путем написания письма Президенту РФ²²³, а не Правительству РФ. Данное действие позволило Ростеху принять участие в проекте и обеспечить свои корпоративные интересы. Отмеченный в предыдущей главе элитарный характер российского корпоративизма в целом и, Ростеха в частности, находит свое отражение в данном кейсе. Таким образом, применение метода информирования, а также метода прямого влияния, основанного на персональных связях, во взаимосвязи с элитарной составляющей российского корпоративизма отражают одну из специфических черт обеспечения корпоративных интересов. Обеспечение интересов путем непосредственного взаимодействия государственных корпораций с властными структурами демонстрируют также прошения о привилегиях и различных стимулах, вытекающие из элитарного характера. Так, например, Роснефть артикулировала интерес на применение налоговых льгот Правительству РФ через Президента РФ.²²⁴ Несмотря на

²²¹ Темкин А., Ярош Ю. «В любую вакцину можно включить какой-нибудь вирус» [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «РБК». – Режим доступа <https://www.rbc.ru/society/21/12/2015/56bc89e39a7947299f72b737> (дата обращения 20.05.2017).

²²² Дембицкий С.Г. Институт лоббирования в системе функционального представительства групп экономических интересов. // Вестник МГОУ. – 2010.-№4. – С.22.

²²³ Лютова М. «Ростех» лучше иностранцев [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Ведомости». - Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/06/16/rosteh-luchshe-inostrancev> (дата обращения 20.05.2017).

²²⁴ Дзяков Т., Подобедова Л., Фадеева А. «Роснефть» добилаь налоговых льгот на 350 млрд руб. для Самотлора [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «РБК». - Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/06/10/2017/59d7b0889a7947de154ad136> (дата обращения 10.10.2017).

разногласия по данному вопросу в правительстве, руководитель Роснефти И. Сечин повторно обратился с аналогичным прошением к В. Путину.²²⁵ Таким образом, руководство данной государственной корпорации стремится обеспечить свои интересы, применяя неформальный характер взаимоотношений с руководством страны. Также к указанному механизму можно отнести и участие в формировании законодательства, например, выражающееся в деятельности «Газпрома», что будет далее рассмотрено.

Существует также и обратное взаимодействие, обусловленное элитарным характером и обеспечением власти. Как мы уже отмечали в предыдущей главе, власть агрегирует различные ресурсы посредством института государственных корпораций, поэтому удержание корпоративной элиты является важнейшей задачей власти. То есть политическим актором по обеспечению корпоративных интересов выступает не сколько государственные корпорации, а само государство в лице высших должностных лиц и органов государственной власти.

Несмотря на то, что субъектом обратного взаимодействия является государство и эту деятельность трудно охарактеризовать как лоббистскую, тем не менее, на наш взгляд, имеет место обеспечение интересов в рамках политической элиты. Представляется, что указанная деятельность по обеспечению корпоративных интересов существенным образом усложняется ввиду санкционной политики США и ряда государств ЕС после присоединения Крымского полуострова в состав РФ в 2014 году. Практически сразу после этих событий (в марте 2014 г.) были введены персональные, а затем и секторальные санкции, затрагивающие государственные корпорации, их руководителей наравне с представителями федеральных органов государственной власти. Для понимания указанной особенности считаем необходимым проанализировать ряд направлений санкционной политики США в части российских государственных корпораций. Важно отметить, что санкции вводятся отдельно в отношении руководства

²²⁵ Мордюшенко О., Козлов Д. «Роснефть» ищет новые стимулы [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Коммерсантъ». - Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3568407> (дата обращения 13.03.2018).

государственных корпораций и отдельно государственных корпораций с их дочерними структурами. В контексте рассматриваемого вопроса представляется точным выделение А. Булатовой и Н. Абелгузиным трех групп санкций – в отношении отдельных высокопоставленных лиц России, крупных стратегических российских компаний и в отношении крупных российских банков.²²⁶

Рассматривая введенные в 2014 году санкции, необходимо отметить, что они были направлены в большей степени против самих государственных корпораций, чем против их руководства. Однако при введении персональных санкций учитывался характер личных взаимоотношений руководства с В. Путиным.²²⁷ В 2018 году вектор санкционной политики США сместился с отраслевой к персональной. Так, в апреле 2018 года в санкционные списки попали руководители федеральных министерств и ведомств, представители крупного бизнеса и руководители ряда государственных корпораций.²²⁸ При этом управляемые ими государственные корпорации уже четыре года как находились под санкциями (с сентября 2014 г.). Представляется, что указание на взаимоотношения с Президентом РФ, а также рост числа персональных санкций по сравнению с секторальными указывают на стремление США к дестабилизации отношений в политической элите, а следовательно, умалению элитарного характера российского корпоративизма и обеспечения власти государственными корпорациями. Само по себе включение данных лиц в санкционные списки указывает на признание их политической субъектности. В силу указанных обстоятельств у власти возникает необходимость в защите интересов корпоративных групп, что обуславливает обратное взаимодействие. Несмотря на то, что прямые компенсации лицам, находящимся под санкциями, не были поддержаны ГД ФС РФ, тем не менее,

²²⁶ Булатова А.И., Абелгузин Н.Р. Влияние санкций на экономику России // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. №3 (35). С. 28.

²²⁷ Office of foreign assets control. Specially Designated Nationals OFAC's SDN List Update (28.04. 2014) [Электронный ресурс] // Сайт департамента казначейства США (U.S. Department of the treasury). - Режим доступа: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/OFAC-Enforcement/Pages/20140428.aspx> (дата обращения 10.02.2016).

²²⁸ Office of foreign assets control. Specially Designated Nationals OFAC's SDN List Update (06.04.2018) [Электронный ресурс] // Сайт департамента казначейства США (U.S. Department of the treasury). - Режим доступа: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/OFAC-Enforcement/Pages/20180406.aspx> (дата обращения 19.04.2018)

усилиями партии власти - «Единой России» был принят закон, предусматривающий налоговые послабления для указанных лиц.²²⁹ Исполнительной властью периодически артикулируются предложения по поддержке структур.²³⁰ Указанные меры направлены на поддержку частных структур, однако представляется вполне возможным распространение подобной инициативы и на государственные корпорации.

Как обеспечение корпоративных интересов путем непосредственного воздействия корпоративных групп, так и поддержка корпоративных интересов государством ввиду элитарного характера, на наш взгляд, основываются на сопряжении интересов. Иными словами, интересы переводятся из частной плоскости в общественную. С. Магнитов, рассматривая данную лоббистскую технологию, выделяет три стадии лоббирования в модели преобразования интереса из частного в общий:

- 1) поиск в личном общественного, а также установление союзников;
- 2) проведение доказательного процесса для обращения противников в союзников;
- 3) работа со властью совместно с группой союзников.²³¹

Соглашаясь с С. Магнитовым, отметим, что в случае с государственными корпорациями возможно обеспечение интересов в два этапа – первый и третий.

Таким образом, государственные корпорации и их руководство имеют определенные преимущества для обеспечения интересов. В частности, группа отечественных исследователей, рассматривая процессы взаимодействия бизнеса, близкого к власти, и самих властных структур, отмечают: «Преимущества в конкуренции получают почти всегда предпринимательские структуры, созданные

²²⁹ Федеральный закон от 03.04.2017 N 58-ФЗ "О внесении изменений в главу 23 части второй Налогового кодекса Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. - №15. – Ст. 2133.

²³⁰ Тадтаев Г. Правительство окажет помощь фигурантам санкционного списка США [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «РБК». – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/09/04/2018/5acb2ef09a7947c875eef7aa> (дата обращения 19.04.2018)

²³¹ Магнитов С.Н. ЛОББИЗМ / С.Н. Магнитов. – М.: Белые альвы, 2017. – С.27.

органами власти для реализации собственных интересов, или близкие к ним».²³² П. Каневский рассматривая теневую лоббистскую деятельность отмечает, что «неформальные интересы аффилированных групп оказываются сильнее государственного интереса».²³³ Позиция П. Каневского вызывает неоднозначное отношение. С одной стороны, автор указывает на преимущества аффилированных групп интересов, что представляется достаточно точным, исходя из элитарного характера. С другой стороны, как мы уже указывали, возможно сопряжение интересов, когда интересы аффилированных групп сходны с государственными, но существует необходимость в их продвижении.

Второй важнейшей специфической чертой обеспечения корпоративных интересов в России являются особенности судебных процедур. Указанная особенность также имеет латентные формы и трудновывявляема, несмотря на институциональный характер, поскольку подобный метод лоббирования интересов является непрямым. Необходимо отметить и сложность в выявлении прямой зависимости между корпоративным интересом и его обеспечением посредством судебных процедур. С. Дембицкий отмечает применение судебных процедур как непрямого метода лоббистской деятельности, однако не конкретизирует при помощи каких технологий реализуется подобный метод.²³⁴ А. Башук указывает в целом на косвенное применение лоббирования, которое заключается в «организации пропагандистских кампаний в СМИ».²³⁵ Тем не менее представляется, что участие в судебных процедурах позволяет усилить роль государственных корпораций, обеспечить корпоративные интересы, а концентрация ресурсов в подконтрольных государству структурах способствует

²³² Сатаров ГА, Римский ВЛ, Головщинский К.И., Пархоменко СА Антикоррупционный гид для малого и среднего бизнеса (Первая попытка). М., 2004. С 31.

²³³ Каневский П.С. Политическая стратификация в современной России: классы, элиты, группы интересов. – М.: Академический проект, 2014. – С.121.

²³⁴ Дембицкий С.Г. Институт лоббирования в системе функционального представительства групп экономических интересов. // Вестник МГОУ. – 2010.-№4. С. 23

²³⁵ Башук А. С. Политический лоббизм в современной России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 2287.

«укреплению» уже отмеченных нами ранее государственного характера и обеспечения власти.

Кейсом, демонстрирующим применение судебных процедур как механизма обеспечения корпоративных интересов, на наш взгляд, является дело «ЮКОСа». Необходимо подчеркнуть, что рассматривая данный кейс, мы не подвергаем сомнению обвинения в экономических преступлениях в отношении М. Ходорковского, а лишь рассматриваем политическую составляющую обеспечения корпоративных интересов. Представляется, что именно кейс «ЮКОСа» показывает важность для государства сохранения ключевых ресурсов в подконтрольных структурах с целью дальнейшего обеспечения власти. Как отмечают И. Иванов и И. Пятибратов, «ЮКОС» стремился к совершению сделки по объединению с «Сибнефтью», которая «предусматривала, что в руках у бывших владельцев «Сибнефти», в первую очередь Р. Абрамовича и Б. Березовского, оставался блокирующий пакет акций новой компании, руководителем которой будет Ходорковский».²³⁶ Указанная сделка могла привести к концентрации капитала у неподконтрольных государству лиц и способствовать смене политического режима, а также откат ко второму периоду российского корпоративизма и потере обеспечения власти. Потенциальная возможность оказания серьезного влияния на политический курс, а также позиция, идущая вразрез с интересами государственной корпорации «Роснефть», артикулированная на Съезде Российского Союза промышленников и предпринимателей (далее – РСПП) 19 февраля 2003 года²³⁷, во многом обусловили применение подобного механизма обеспечения корпоративных интересов. В последующем активы «ЮКОСа» были взяты под государственный контроль через аффилированные структуры, в том числе и «Роснефть».

²³⁶ Иванов И.А., Пятибратов И.С. Влияние нефтяных ТНК на российскую политику (на примере истории с ExxonMobil и НК ЮКОС) // Власть. 2016. №1. С.179.

²³⁷ Я не брал на себя никаких обязательств по неоспариванию приговоров. Михаил Ходорковский — об освобождении, «особом контроле», политике и оппозиции [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «РБК». - Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2013/12/23/56bfc6449a7947299f72d7cc> (дата обращения 20.06.2017)

При этом уголовное преследование является достаточно серьезным способом оказания давления на бизнес-сообщество. Как отметил В. Путин в послании Федеральному Собранию РФ в 2015 году: «За 2014 год следственными органами возбуждено почти 200 тысяч уголовных дел по так называемым экономическим составам. До суда дошли 46 тысяч из 200 тысяч, ещё 15 тысяч дел развалилось в суде. Получается, если посчитать, что приговором закончились лишь 15 процентов дел. При этом абсолютное большинство, около 80 процентов, 83 процента предпринимателей, на которых были заведены уголовные дела, полностью или частично потеряли бизнес. То есть их попрессовали, обобрали и отпустили».²³⁸ Таким образом, Президент РФ признает наступление негативных последствий для предпринимателей при использовании властных механизмов.

Отмечая, что государство согласно М. Веберу «претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия»²³⁹, тем не менее, представляется, что применение судебных процедур как механизма лоббирования корпоративных интересов является своеобразным выражением хищнической ренты. Особенности подобного метода точным образом, на наш взгляд, характеризует расширенное понятие «хищнической ренты» А. Линецкого, под которой он понимает «плоды любых принудительных изъятий потребительских благ или природных и производственных ресурсов, которые осуществляются отдельным человеком или группой лиц за счет применения насилия, принуждения или обмана одних людей в пользу других, в том числе, и в свою собственную пользу».²⁴⁰ Также А. Линецкий отмечает целевую направленность применения хищнической ренты, заключающейся в удержании позиций правящего политического класса, личного обогащения и удовлетворения амбиций отдельных представителей этого класса».²⁴¹ Представляется, что указанное толкование понятия хищнической ренты

²³⁸ Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 2015 г. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (12.03.2017)

²³⁹ Вебер М. Избранные сочинения. М., 1990. С. 645

²⁴⁰ Линецкий А. И. Механизм воздействия политических институтов на ход экономического развития // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 158.

²⁴¹ Там же С. 158

с политологической точки зрения в полной мере отражает применение непрямых методов лоббирования посредством судебных процедур, а также описанные ранее черты российского корпоративизма.

Третьей специфической чертой лоббирования корпоративных интересов является непубличный характер лоббистской деятельности в российском политическом пространстве. Представляется, что данная особенность вызвана рядом обстоятельств. Во-первых, закрытостью отношений представителей государственных корпораций с бюрократическим аппаратом, выражающейся в отсутствии информации о лоббистской деятельности в отчетности государственных корпораций. Во-вторых, отсутствием в России законодательного регулирования лоббизма. В-третьих, незначительностью роли существующих институциональных структур для обеспечения корпоративных интересов.

Рассматривая закрытый характер необходимо отметить, что исходя из сущности формы – государственной корпорации, представляется, что общество как элемент, на который направлена деятельность государства и в отношении которого осуществляются функции, должно иметь институциональные основания для общественного контроля. При этом важной чертой подобного контроля является публичность, основанная не на вступлении в отношения с бюрократическими структурами, а на основании общедоступной полноценной информации в публичном пространстве. Одна из мер, направленных на публичность государственных корпоративных структур закреплена в законодательстве и предполагает опубликование отчетов о деятельности в телекоммуникационной сети «Интернет». Однако требования закона для государственных корпораций, в юридическом смысле слова, указывают лишь на необходимость указания в отчетах о «стратегии деятельности государственной корпорации, порядке закупки товаров, выполнения работ, оказания услуг для нужд государственной корпорации».²⁴² Учитывая данное обстоятельство и анализируя публикуемые отчеты

²⁴² См. подробнее Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ "О некоммерческих организациях" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. - № 3, ст. 145.

государственных корпораций в применяемом в настоящей работе значении, следует отметить, что не все отчеты отражают лоббистскую и GR деятельность корпоративных структур. Так, анализ отчетов дочерней структуры «Газпрома» - «Газпром-нефть» демонстрирует наличие информации о взаимодействии со СМИ и органами государственной власти (GR и PR деятельности) за 2012²⁴³ и 2013 гг.²⁴⁴, где отражено участие в работе по подготовке нормативных актов, затрагивающих деятельность данной организации. Однако, информация, представленная в этих и последующих годовых отчетах (2014 – 2017 гг.) не позволяет нам в данной работе в полной мере понять корпоративный интерес и каким образом он продвигался. В самом «Газпроме» аналогична ситуация – в отчете за 2012-2013 гг. в части, касающейся продвижения корпоративных интересов через взаимодействие с органами государственной власти, указаны:

- 1) структурные подразделения, осуществляющие взаимодействие с органами государственной власти, а именно: Комиссия по региональной политике, а также Департамент по работе с органами государственной власти Российской Федерации;
- 2) механизмы взаимодействия, заключающиеся в разработке проектов нормативно-правовых актов, заключения соглашений на региональном уровне и презентация о деятельности для руководства государства;
- 3) примеры взаимодействия с органами государственной власти.²⁴⁵

Однако в последующих отчетах информация о механизмах и деятельности структурных подразделений государственной корпорации также отсутствует, что не позволяет сделать выводы о характере применяемых методов обеспечения корпоративных интересов. Анализ годовых отчетов деятельности других

²⁴³ Годовой отчет «Газпром нефть» за 2012 г. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт ПАО «Газпром нефть». - Режим доступа: http://ar2012.gazprom-neft.ru/upload/Gazprom_Neft_AR_2012_rus.pdf (дата обращения 06.04.2017)

²⁴⁴ Годовой отчет «Газпром нефть» за 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Газпром нефть». – Режим доступа: http://ir.gazpromneft.ru/fileadmin/user_upload/documents/annual_reports/GPN_AR_2013_rus_web.pdf (дата обращения 06.04.2017)

²⁴⁵ Отчет о деятельности в области устойчивого развития 2012-2013 гг. ОАО «Газпром» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Газпром». - Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/f/posts/21/499896/development-report-2012-2013-rus.pdf> (дата обращения 06.04.2017)

государственных корпораций также не выявил информации лоббистской деятельности.

Законодательство является важнейшим институтом, направленным на регуляцию общественных отношений, в частности деятельности групп интересов. Однако на сегодняшний день в российском правовом поле отсутствует законодательство, направленное на регуляцию данной политической сферы. Необходимо отметить, что попытки придать лоббизму законные основания предпринимались ни раз. Так, в 1996 г. депутатами - членами Комитета ГД ФС РФ по делам общественных объединений и религиозных организаций был разработан и внесен на рассмотрение проект Федерального закона «О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти». При этом значимой особенностью данного закона является понимание лоббиста исключительно как физического лица, а клиентами лоббистов могут быть только юридические лица.²⁴⁶ Однако, Совет ГД ФС РФ после предварительного рассмотрения принял решение снять его с повестки.

Уже через год депутаты ГД ФС РФ В.И. Зоркальцев, Г.Н. Махачев, А.В. Чуев предложили законопроект «О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти», который впоследствии был отозван его же авторами.²⁴⁷ В ГД ФС РФ среди последних законопроектов, направленных на регулирование лоббистской деятельности, был представлен партией «Союз правых сил» в 2003 году, на тот момент времени являющейся парламентской партией, однако, и он не был принят.²⁴⁸

Следует отметить, что в период президентского срока Д. Медведева в утвержденном им Национальном плане противодействия коррупции был

²⁴⁶ Проект федерального закона N 96700123-2 "О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти" [Электронный ресурс]. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». - Режим доступа: <http://base.garant.ru/3101084/5ac206a89ea76855804609cd950fcaf7/> (дата обращения 12.04.2017)

²⁴⁷ Проект Федерального закона N 97801795-2 "О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти" [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=34479#06255856316518829> (дата обращения 12.04.2017)

²⁴⁸ Толмачева И.В. Динамика формирования института лоббизма в России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №6 (30). С.89

обозначен пункт, посвященный «рассмотрению вопроса о подготовке нормативного правового акта, регулирующего лоббистскую деятельность».²⁴⁹ Однако в последующих планах по противодействию коррупции подобная задача не была поставлена. Национальный план противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы также не содержит мероприятий, направленных на упорядочивание лоббистской деятельности.²⁵⁰ Таким образом, в официальной повестке органов государственной власти и высших должностных лиц, подобная инициатива не фигурирует.

Рассматривая официальные причины отклонения данных законов отмечаются их противоречия с действующим законодательством, в связи с чем придется вносить изменения во многие акты, недостаточное отражение общественных отношений и недостаточная проработка некоторых разделов.²⁵¹ Но также подобные решения, связанные с отклонением законопроектов о лоббистской деятельности, могут быть связаны с неготовностью политической элиты на подобные меры, а также возможными неудобствами, которые могут возникнуть в результате соблюдения установленных законом процедур. Если говорить в целом об отсутствии законодательного регулирования лоббистской деятельности, то это может быть связано с негативным восприятием такого явления как лоббизм в российском обществе и сложностями разграничения лоббизма и коррупции.

В предыдущей главе мы уже отмечали центристскую и правоцентристскую направленность российского парламентаризма, что сказалось на характере отечественной модели представительства корпоративных интересов. В данной связи необходимо проанализировать возможность обеспечения госкорпоративных интересов посредством Федерального Собрания РФ. В различных аналитических докладах, а также финансовых изданиях отмечаются различные представители ГД ФС РФ, осуществляющие лоббистскую деятельность в интересах тех или иных

²⁴⁹ Национальный план противодействия коррупции (утвержден Президентом Российской Федерации Д. Медведевым 31 июля 2008 г. Пр-1568) // Российская газета. - 5 августа 2008 г. - №4721.

²⁵⁰ Указ Президента РФ от 29.06.2018 N 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. - №27. – Ст. 4038.

²⁵¹ Фельдман П.Я. Нужен ли в России закон о лоббизме? // Власть. 2014. №2. С.120

корпоративных групп интересов. На наш взгляд, для более точного понимания лоббирования интересов российских государственных корпораций следует обратиться к данным докладам. Рассматривая аналитический отчет Центра по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти Lobbying.ru (далее – Центр изучения лоббизма) о лоббистской деятельности депутатов ГД ФС РФ IV созыва, можно отметить несколько важнейших моментов. Во-первых, продвижение законопроекта о снижении налогообложения при реорганизации.²⁵² Подобная инициатива соответствовала интересам ряда государственных корпораций, осуществляющих реорганизацию в тот момент, и ее принятие привело к внесению соответствующих изменений в Налоговый кодекс РФ. Следует отметить, что данные изменения играют важную роль и в настоящее время. Ряд государственных корпораций изменяли организационно-правовую форму (например, Роснано), производили поглощения (например, структурные элементы Ростеха), а также совершали иные действия по реорганизации. Таким образом, продвижение данной идеи депутатами Н. Бурыкиной, Н. Гончаром во многом способствовало корпоративным интересам. Во-вторых, важнейшей является инициатива по «принудительному» выкупу акций у миноритарных акционеров.²⁵³ Представляется, что подобная инициатива депутатов П. Крашенинникова, С.Плескачевского, В. Резника, В.Плигина, во многом способствовала становлению государственного типа корпоративизма. Несмотря на то, что данный законопроект затрагивает лишь владельца 90% акций, тем не менее, на наш взгляд, государство как стейкхолдер и обладатель финансовых и административных ресурсов может постепенно наращивать активы в подконтрольных государственных корпорациях при помощи данного инструмента. Аналогичный отчет Центра изучения лоббизма, посвященный лоббистской деятельности на начало работы ГД ФС РФ V созыва, не позволяет нам сформировать полное представление о госкорпоративных

²⁵² Лучшие лоббисты Государственной Думы ФС РФ IV созыва 2003-2007 ТПП [Электронный ресурс] // Сайт Центра по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти Lobbying.ru. - Режим доступа: http://lobbying.ru/Dokuments/dep_rating.pdf (дата обращения 17.04.2019).

²⁵³ Там же.

интересах, поскольку содержит лишь информацию о лоббировании интересов в нефтяной сфере и в сфере минеральных удобрений.²⁵⁴

Важно отметить, что по практически аналогичной методике в 2010 году было проведено и опубликовано в журнале Forbes исследование, демонстрирующее рейтинг депутатов-лоббистов ГД ФС РФ того же V созыва.²⁵⁵ Недостатком данного рейтинга является то, что он не раскрывает: какие именно законодательные инициативы исходили от депутатов, почему данные инициативы следует относить именно к лоббистским и в чьих интересах могли быть совершены подобные действия. Тем не менее, следует подчеркнуть несколько важных элементов данного рейтинга. Во-первых, топ-10 депутатов в рейтинге являются членами партии «Единая Россия», что указывает на лоббистскую деятельность, прежде всего, со стороны представителей действующей власти и увеличивает возможности для обеспечения корпоративных интересов в процессе нормотворчества. Во-вторых, по количеству внесенных и принятых проектов данный рейтинг возглавляют уже ранее упомянутые В.Резник и В.Плигин, занимая первое и второе место соответственно, П. Крашенинников занимает седьмое место. Подобная особенность указывает, на наш взгляд, на определенную «стабильность» в составе лиц в ГД ФС РФ четвертого и пятого созывов, артикулирующих интересы.

В феврале 2019 года организация «Transparency International Россия» (далее – ТИ) опубликовала исследование, в котором выделила ряд депутатов ГД ФС РФ VII созыва, осуществляющих лоббистскую деятельность. В отличие от предыдущего рейтинга в исследовании ТИ отражены связи депутатов с теми или иными корпоративными группами интересов, а также действия, предпринимаемые депутатами для продвижения интересов данных групп. При этом основной акцент в исследовании сделан на председателях и заместителях председателей комитетов

²⁵⁴ Отраслевое лоббирование в России (наиболее актуальные экономические законопроекты на начало работы Государственной Думы ФС РФ V созыва) [Электронный ресурс] // Сайт Центра по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти Lobbying.ru. - Режим доступа: http://www.lobbying.ru/Dokuments/zakoni_novaya_duma.pdf (дата обращения 17.04.2019).

²⁵⁵ Рейтинг депутатов-лоббистов [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Forbes». - Режим доступа: <https://www.forbes.ru/rating/reiting-deputatov-lobbistov/2010> (дата обращения 17.04.2019).

нижней палаты парламента. Несмотря на то, что в исследовании выделены тринадцать депутатов, осуществляющих лоббистскую деятельность, в рамках темы данного исследования следует отметить четырех, поскольку именно их деятельность сопряжена с госкорпоративными интересами.²⁵⁶ Как отмечается в исследовании ТИ, лоббистская деятельность осуществляется в интересах таких государственных корпораций как Автодор, ВЭБ, Газпром и Ростех. Трое депутатов из пяти являются членами «Единой России»: П. Завальный, В. Гутенев, Е. Москвичев.²⁵⁷

Таким образом, указанные выше исследования демонстрируют нам, что использование нижней палаты российского парламента как канала для артикуляции и обеспечения корпоративных интересов по-прежнему имеет большое значение. При этом, как мы уже отмечали, важнейшими лоббистами госкорпоративных интересов являются представители правящей партии. Обеспечение корпоративных интересов через ГД ФС РФ, на наш взгляд, дополнительно иллюстрируют отмечаемые в предыдущей главе государственный характер, а также транзит элит из госкорпораций в органы государственной власти и наоборот.

Верхняя палата российского парламента – Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (далее – СФ ФС РФ) также является важнейшим каналом обеспечения корпоративных интересов. В особенности, после реформы 2000 года представители корпоративных групп интересов обрели возможность быть делегированными от субъектов РФ. Следует рассмотреть ряд особенностей, характерных для продвижения корпоративных интересов через СФ ФС РФ. В первом после реформы составе СФ ФС РС можно отметить достаточно большое число представителей как частных, так и государственных корпоративных структур. При этом в реформированной верхней палате парламента следует

²⁵⁶ Доклад «Лоббисты «Ростеха», «Газпрома» и крупнейшего агрохолдинга Татарстана руководят профильными комитетами Госдумы» [Электронный ресурс] // Сайт Трансперенси Интернешнл Россия. Режим доступа: <https://lobbying.transparency.org.ru/komiteti/#>. (дата обращения 19.04.2019).

²⁵⁷ Там же

отметить присутствие экс-представителей таких крупных корпораций, как: «Газпром», РАО ЕЭС, МЕНАТЕП, «Сибнефть» и «Сибирский алюминий».²⁵⁸ Таким образом, можно говорить о том, что, начиная с реформы СФ ФС РФ 2000 года, открылись новые возможности для представительства корпоративных интересов при помощи данного института.

Выделим ряд важнейших особенностей верхней палаты российского парламента, которые способствуют, на наш взгляд, продвижению корпоративных интересов. Во-первых, ряд субъектов РФ в Совете Федерации представляют лица, связанные с ключевыми для конкретных регионов корпорациями. Так, например, рассматривая представителей Республики Саха (Якутия), следует отметить ряд сенаторов, связанных с АК «АЛРОСА», компанией, занимающейся добычей алмазов в указанной республике. Схожую ситуацию можно отметить и в Республике Башкортостан, где многие из сенаторов связаны с нефтяными и нефтехимическими компаниями. Данное обстоятельство не указывает в полной мере на лоббистскую деятельность сенаторов в интересах корпораций, присутствующих в регионах, а лишь указывает на связь сенаторов с корпорациями и потенциальную возможность обеспечения интересов. Во-вторых, при некоторых комитетах Совета Федерации существуют экспертные советы. Так, при Комитете Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам существуют Координационный, а также Экспертно-координационный советы. Важно подчеркнуть, что все профили секций Координационного совета охватывает направления деятельности, в которых присутствуют государственные корпорации, а именно: транспортная инфраструктура, информационной инфраструктура и связь; топливно-энергетической инфраструктура; научная и инновационная инфраструктура; космической инфраструктуры.²⁵⁹ Анализируя состав

²⁵⁸ Лукин М. Весь Совет Федерации [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Коммерсантъ Власть». Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/312173> (дата обращения 16.04.2019).

²⁵⁹ Координационный Совет по финансовому контролю отраслей инфраструктурного комплекса при Комитете Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации - Режим доступа: http://budget.council.gov.ru/structure/community_councils/coordination_council/status/ (дата обращения 16.04.2019).

Координационного совета при Комитете Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, следует отметить представителей государственных корпораций.²⁶⁰ Аналогичная ситуация и в Экспертно-координационном совете, в составе которого можно отметить присутствие представителей крупного бизнеса, но в значительной степени банковской сферы.²⁶¹ Важность указанных выше советов состоит в том, что они осуществляют взаимодействие с органами государственной власти и принимают участие в законотворческом процессе. Представляется, что присутствие представителей государственных корпораций в экспертно-консультативных советах, а также возможность оказывать влияние на нормотворчество, также способствуют продвижению и последующему обеспечению интересов корпоративных групп.

Таким образом, обе палаты российского парламента являются важнейшими каналами для политического влияния корпоративных групп интересов. Существенным образом на продвижении корпоративных интересов сказывается то, что государственные корпорации сильно связаны с действующей политической властью, имеющей большинство в парламенте.

Уровень глав субъектов РФ также является существенным для влияния со стороны корпоративных групп интересов, что обусловлено рядом обстоятельств. Отметим три важнейших обстоятельства. Во-первых, многие главы субъектов РФ делегируются в качестве сенаторов в СФ ФС РФ, что позволяет участвовать в законотворческом процессе и обеспечивать корпоративные интересы. Во-вторых, учитывая государственный и элитарный характер российского корпоративизма, возможен транзит глав субъектов РФ в государственные корпорации и наоборот, что может способствовать продвижению корпоративных интересов

²⁶⁰ См. подробнее: Состав Координационного Совета по финансовому контролю отраслей инфраструктурного комплекса при Комитете Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации - Режим доступа: http://budget.council.gov.ru/structure/community_councils/coordination_council/members/ (дата обращения 16.04.2019).

²⁶¹ См. подробнее: Состав Экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации – Режим доступа: http://budget.council.gov.ru/structure/community_councils/advisor_y_council/structure/ (дата обращения 16.04.2019).

государственных корпораций на региональном уровне. Ярким примером такого перемещения является отставка Губернатора Санкт-Петербурга Г. Полтавченко в октябре 2018 года и его последующий переход в Объединенную судостроительную корпорацию (далее - ОСК) на должность Председателя Совета директоров. Санкт-Петербург является важнейшим регионом для ОСК и подобный транзит представителя политической элиты существенным образом расширяет возможности для обеспечения корпоративных интересов в данном субъекте РФ. Также следует отметить родственные связи между некоторыми главами субъектов РФ и представителями госкорпораций в регионах. Подобная особенность не указывает на nepотизм, или же на непосредственную взаимосвязь между руководством региона и обеспечением корпоративных интересов, однако может способствовать формированию региональной политической повестки. В-третьих, достаточно распространенной практикой на уровне субъектов РФ являются советники на общественных началах. Несмотря на то, что указанная должность не предполагает широких функций, тем не менее, советник-представитель государственной корпорации имеет возможность артикуляции корпоративных интересов.

Таким образом, продвижение корпоративных интересов на уровне главы субъекта РФ осуществляется как со стороны региональных корпораций, агрегирующих местные политические и бизнес элиты, так и национальными корпорациями и их дочерними структурами.

Необходимо отметить, что в России существуют институциональные структуры, функциональное назначение которых предполагает возможности по представительству интересов, в том числе и для государственных корпораций. А. Арутюнян, рассматривая лоббистскую деятельность групп интересов, разделяет организации, представляющие коммерческие интересы, и интересы, находящиеся на стыке государственных и общественных интересов. Несмотря на то, что ряд государственных корпораций является некоммерческими организациями, в рамках изучения корпоративных интересов представляется наиболее точным сделать

акцент именно на подобных институциональных структурах. К коммерческим группам интересов А. Арутюнян относит «Ассоциацию российских банков, Всероссийский Союз Страховщиков, Деловую Россию, Опору России, Российский союз промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленную палату РФ».²⁶² Мы разделяем подобную точку зрения, однако, изучая корпоративные интересы с позиции государственного типа корпоративизма, следует отметить, что не все указанные структуры можно отнести к обеспечивающим интересы подобного характера. Например, деятельность Опоры России ориентирована на малый и средний бизнес, в связи с чем отнести ее к механизму обеспечения корпоративных интересов достаточно сложно. По этой причине мы сфокусируем внимание на трех институциональных структурах – Российском союзе промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленной палате Российской Федерации (далее – ТПП) и Деловой России. Указанные институциональные структуры также имеют региональные представительства, а также участвуют в различных комитетах и советах при органах государственной власти. Анализ информации о деятельности данных объединений, содержащийся на официальных сайтах, указывает на то, что одним из основных направлений является законотворческая деятельность в ТПП²⁶³, аналогичную деятельность можно отметить и в Деловой России и РСПП, состоящую из комитетов по различным направлениям деятельности. Деятельность данных комитетов заключается в формировании замечаний и предложений к проектам и действующим нормативно-правовым актам, работе и заседаниям комиссий по конкретным сферам деятельности, а также различные мероприятия и экспертные предложения.²⁶⁴ Таким образом, можно свести деятельность двух организаций к

²⁶² Арутюнян А.С. Лоббизм: как превратить зло во благо? // Социологические исследования, 2016. – № 5.- С.58.

²⁶³ Законотворческая деятельность ТПП [Электронный ресурс] // Сайт Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. - Режим доступа: <https://tpprf.ru/ru/interaction/legislative/228761/> (дата обращения 25.04.2017)

²⁶⁴ Комиссии и комитеты РСПП [Электронный ресурс] // Сайт Российского союза промышленников и предпринимателей. - Режим доступа: <http://www.rspp.ru/cc> (дата обращения 25.04.2017).

объединению предпринимателей, участие в нормотворчестве путем предложения изменений, встреч с представителями органов государственной власти.

Необходимо отметить, что существует реестр лиц, являющихся членами ТПП, где можно проверить принадлежность индивидуального предпринимателя или юридического лица к данной организации по ИНН или ОГРН. Мы провели ряд проверок в данном реестре ТПП в отношении ряда корпоративных структур и отметили ряд особенностей. Во-первых, в реестре отражены организации, не являющиеся государственными корпорациями в юридическом значении, но с существенной долей государственного участия. Во-вторых, следует отметить, что п.1.4 Положения «О порядке приема в члены Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, выхода из нее, прекращения членства и исключения»²⁶⁵ предусматривает возможность членства в ТПП, в том числе и некоммерческих организаций, что позволяет охватить различные государственные корпорации. Тем не менее, в ходе нашей проверки было выявлено отсутствие некоторых государственных корпораций, профиль которых, на наш взгляд, указывает на возможность участия в данном объединении. Так, например, отсутствуют Росатом и Роснано. Отсутствие этих государственных корпораций среди членов ТПП РФ указывает, на наш взгляд, на то, что им предпочтительны иные способы артикуляции и обеспечения корпоративных интересов. В-третьих, сведения реестра демонстрируют лишь организационно-правовую форму, название организации и отметку о том, что данная организация является членом ТПП. Таким образом, мы можем отметить, что ряд корпоративных структур, имея возможность дополнительных средств артикуляции интересов, не являются членами ТПП, следовательно, прибегают к другим механизмам продвижения корпоративных интересов. Также важно отметить, что данный реестр членов ТПП не отражает направления деятельности структур, а значит и профильный комитет в ТПП, что не

²⁶⁵ Положение о порядке приема в члены Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, выхода из нее, прекращения членства и исключения из числа ее членов [Электронный ресурс] // Сайт Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. - Режим доступа: <https://tpprf.ru/ru/membership/#poryadok-vstupleniya-v-tpp> (дата обращения 25.04.2017).

позволяет определить, кто именно будет заниматься обеспечением интересов согласно профилю, не отражены возможные цели и сферы интересов и, самое главное, артикулируемые корпоративной структурой интересы. Относительно механизмов обеспечения корпоративных интересов в рамках «Деловой России», на наш взгляд, можно отметить возможность артикуляции интересов через Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Б. Титова, являющегося членом «Деловой России».

Таким образом, несмотря на наличие институциональных структур в российском политическом пространстве представляется, что характер данных объединений, схож с описанными в первой главе гильдиями. Иными словами, на наш взгляд, данные организации могут артикулировать скорее консолидированные интересы, то есть исходящие от представителей всего бизнес-сообщества, или интересы какой-либо отрасли. Интересы конкретных корпоративных структур в данном случае определить в процессе взаимодействия этих двух организаций представляется сложным.

В связи с данным обстоятельством, на наш взгляд, существует необходимость в совершенствовании существующих и создании новых институтов, позволяющих на основе публичности обеспечить артикуляцию корпоративных интересов, инкорпорирование которых в политическую систему, как нам представляется, минимизирует латентный характер артикуляции интересов корпоративными структурами. На наш взгляд, возможно два механизма совершенствования институциональных основания лоббистской деятельности – принятия закона о лоббизме, а также создание публичного реестра лоббистов.

Представляется, что важнейшей мерой по институционализации лоббирования корпоративных интересов является учреждение публичного реестра, который бы отражал данные о лоббистских организациях и лоббистах, то есть группе корпоративных интересов, в каких органах государственной власти планируется осуществлять данные мероприятия, каковы артикулируемые цели и сферы интересов, непосредственно сам корпоративный интерес, какой ожидаемый эффект

для корпоративной структуры, государства и общества возможен в результате удовлетворения корпоративных интересов.

Важно отметить, что продвижение интересов российскими государственными корпорациями за рубежом определенным образом отличается от подобной деятельности в российском политическом пространстве. Данная особенность обусловлена тем, что отечественные структуры вынуждены «играть по правилам», предусмотренным в каждой конкретной стране.

При этом лоббистскую деятельность осуществляют и государственные корпорации, поскольку их элитарный характер в России не играет подобную роль, а скорее даже усугубляет. Так, в условиях персональных и отраслевых санкций со стороны стран ЕС и США, а также отсутствия российских представителей в Совете Европы, возможности продвижения корпоративных интересов существенно снижаются. Персональные санкции затрагивают представителей политической элиты, некоторые из них, как мы уже отмечали, возглавляют государственные корпорации. Отраслевые санкции также охватывают многие сферы, которые являются предметом деятельности данных структур. Подобное снижение возможностей является вызовом для корпоративных структур и усилению роли GR департаментов. Главным образом, данная деятельность при помощи институционализированных структур направлена на страны ЕС, поскольку они представляют больший интерес для продвижения товаров и услуг.

Существует необходимость в выделении способов обеспечения корпоративных интересов государственными корпорациями за рубежом. При этом считаем невозможным рассматривать способы, не затрагивая их практического воплощения, то есть кейс-стади. Можно выделить три, на наш взгляд, способа подобного продвижения - путем непосредственного оказания влияния корпоративной структурой, продвижения высшим руководством, а также в результате прохождения различных установленных процедур.

Непосредственное продвижение представляет собой деятельность корпоративной структуры по продвижению интересов без привлечения сторонних

организаций напрямую с лицами, принимающими решения, без каких-либо ограничений. Представляется, что данный способ отражает проектное лоббирование, имеющее под собой основания.²⁶⁶ При этом, поскольку характер многих российских корпоративных структур, как мы уже отмечали, государственный, то подобное совмещение представляется наиболее вероятным.

Кейсом, демонстрирующим использование этого способа является деятельность Роснефти. Рассматривая официальный сайт данной корпоративной структуры, можно отметить, что на нем есть раздел и подраздел, лишь опосредованно касающийся GR деятельности – «взаимодействие с заинтересованными сторонами» и «участие во внешних инициативах». Однако, первый раздел посвящен взаимодействию с группами интересов и органами государственной власти в рамках корпоративной социальной ответственности в регионах деятельности данной корпоративной структуры, второй же указывает на международные институты, членом которых является Роснефть.²⁶⁷ Подобная информация не раскрывает внешнелоббистскую деятельность данной структуры. Но, тем не менее, отсутствие информации не означает отсутствие подобной деятельности. Так, рассматривая лоббистскую деятельность Роснефти в Венесуэле, можно отметить внесение в августе 2017 года существенных шести миллиардов долларов США в виде авансовых платежей с процентами, фактически их «одолжив».²⁶⁸ При этом представляется, что подобное решение имеет существенные экономические и политические риски. Экономические риски заключаются в том, что экономика Венесуэлы находится в близком к дефолту состоянии, сопряженному с гиперинфляцией. Тем более в начале июня 2017 года Счетная палата России, рассматривая источники доходной части при корректировке федерального бюджета на 2017 год, в своем заключении отметила,

²⁶⁶ Магнитов С.Н. ЛОББИЗМ / С.Н. Магнитов. – М.: Белые альвы, 2017. – С.6

²⁶⁷ Участие во внешних инициативах [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «НК „Роснефть”». - Режим доступа: <https://www.rosneft.ru/Development/cooperation/initiative/> (дата обращения 25.04.2017).

²⁶⁸ Петлевой В. «Роснефть» одолжила Венесуэле \$6 млрд [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Ведомости». - Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/08/08/728511-rosneft-odolzila> (дата обращения 10.08.2017).

что Венесуэла не исполняет условия возврата 1 млрд долларов США в соответствии с межправительственным соглашением о предоставлении госкредита.²⁶⁹ Политические риски связаны с политическим кризисом, вызванным недовольством президентом Н. Мадуро. Таким образом, зная о возможном неисполнении обязательств со стороны Венесуэлы, Роснефть тем не менее совершила подобные действия, что указывает, на наш взгляд, о политической природе подобных действий. Данный кейс демонстрирует соединение интересов, то есть совмещение корпоративных и государственных интересов, определенное сотрудничество для достижения интересов.

Как справедливо отмечает В. Стоякин: «Предотвращение и урегулирование нежелательных для компании (отраслевого союза) ситуаций, возникающих в результате действия властей и осуществление мероприятий по их предотвращению» является одной из функций GR-деятельности». ²⁷⁰ Для Роснефти данный интерес заключается в том, что Венесуэла выдает «лицензию» на разработку месторождений, к тому же Роснефть является участником пяти совместных предприятий.²⁷¹ Иными словами, расширение сферы деятельности данной структуры за рубежом. Интерес для государства представляется геополитическим, то есть поддержание лояльного политического режима Н. Мадуро и, как следствие, выстраивание отношений на долгосрочной основе с партнером в Латинской Америке, который также является одним из крупнейших покупателей российского вооружения, что также позволяет поддерживать деятельность ГК «Ростех». Таким образом, оказание влияния непосредственно корпоративной структурой является одним из важнейших инструментов продвижения интересов на международном уровне.

²⁶⁹ Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект федерального закона № 185935-7 "О внесении изменений в федеральный закон "О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов" [Электронный ресурс] // Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. - Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru/activities/audit-of-the-federal-budget/30381/> (дата обращения 10.01.2018)

²⁷⁰ Стоякин. В.В. Роль GR-менеджмента в формировании цивилизованного корпоративного лоббизма в российских регионах // Человек. Сообщество. Управление 2009. №2. С. 75

²⁷¹ Венесуэла выдала «Роснефти» лицензию на газовые месторождения на шельфе [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «НК „Роснефть”». – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/17/12/2017/5a35abe89a7947eca62f30bb> (дата обращения 10.01.2018)

Продвижение корпоративных интересов при помощи высшего руководства государства является одним из способов лоббизма, позволяющих достигать договоренности между лидерами государств и, таким образом, минимизировать возможные политические риски.

Подобную практику демонстрирует ГК «Росатом», продвигающей свои интересы по строительству атомных станций за рубежом. Представляется, что подобные проекты направлены на укрепление экономических и политических связей с государствами, где они реализуются. Однако возникает вопрос – чем же данный способ лоббирования интересов отличается от первого? Главное отличие заключается в непосредственном участии первых лиц государства, при этом не стоит сводить достижение договоренностей по данным проектам лишь с этим фактором. Их роль не столь существенна, но позволяет обеспечить интересы и, повторимся, минимизировать риски. Как отмечает Н. Нейжмакова, Кремль должен повысить внимание по отношению к «Росатому» с целью расширения лоббистского потенциала.²⁷² Однако, представляется, что усиление внимания властных структур приведет к противоположному эффекту и станет «красной тряпкой» для стран, осуществляющих санкционную политику в отношении России. Скорее наоборот, «Росатому» необходимо дистанцироваться от властных структур, чтобы не оказаться в новых санкционных списках, тем самым расширить себе возможности для деятельности, что позволит не прибегать к лоббистским технологиям.

Можно отметить деятельность ГК «Росатом» в тех странах, которые можно охарактеризовать как представляющие политический интерес для России, например Венгрия, или Турецкая Республика. Вместе с тем, зачастую подобная деятельность не всегда экономически оправдана.

Так, например И. Ядрошников относительно строительства АЭС «Пакш-2» в Венгрии указывает на закрытость ряда положений контракта, а также на

²⁷² Росатом становится важным инструментом внешней политики: эксперт [Электронный ресурс] // Сайт Информационного агентства REGNUM. - Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1943167.html> (дата обращения: 05 мая 2018 г.)

существенную долю инвестирования со стороны России - 80% стоимости строительства станции.²⁷³ Как отмечает Е. Лакова, переговоры Президента РФ и Премьер-министра Венгрии с подписанием документа о строительстве АЭС «Пакш-2» стали «важным шагом в формировании российско-венгерских отношений».²⁷⁴ При этом представляется, что продвижение корпоративного интереса на строительство данной станции сложно в достижении без использования лоббистских средств – исходя из того, что, по сути, данное соглашение отражает монопольный характер, что в ЕС запрещено и пресекается Еврокомиссией.

Схожей представляется и ситуация с первой в Турецкой Республике АЭС «Аккую», однако возводящейся по принципу «строй-владей-эксплуатируй». Иными словами, данная станция будет размещена на территории Турецкой Республики, Турецкая Республика не несет никаких финансовых затрат при реализации проекта, принадлежать она будет Росатому, а ее обслуживание будет также осуществлять данная корпоративная структура. Как отмечает Д. Бдоян, соглашение о сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации «Аккую» между правительствами России и Турции было заключено именно в ходе визита Президента РФ Д. Медведева в Турецкую Республику.²⁷⁵ Таким образом, можно отметить высший уровень сопровождения подобных решений – правительственный и президентский уровни. Подобный способ также обращен на создание долгосрочных отношений, как и первый способ продвижения механизмов.

Представляется, что подобная «щедрость» России, как в первом, так и втором кейсе связана с продвижением корпоративных интересов в вышеуказанных странах. При этом наблюдается такой же, как и в первом способе симбиоз

²⁷³ Ядрошников И. Россия – щедрая душа или новые планы госкорпорации «Росатом» [Электронный ресурс] // Сайт Экологического правового центра «БЕЛЛОНА Register. - Режим доступа: http://bellona.ru/2015/03/10/rosatom_news-2/ (дата обращения: 10 июня 2018 г.)

²⁷⁴ Лакова Е. А. Особенности внешнеэкономической политики Венгрии в настоящее время // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. №11. С. 85

²⁷⁵ Бдоян Д.Г. Периоды трансформации российско-турецких отношений // Вестник МГИМО. 2017. №4 (55). С. 178

корпоративной структуры и государства. Однако какие же выгоды получает государственная корпорация и само государство? На наш взгляд, интерес корпоративной структуры в рамках данного способа заключается в непосредственной реализации проектов за рубежом с соответствующим формированием имиджа. Представляется, что поскольку АЭС является технически сложным объектом и требует квалифицированного обслуживания и материалов исключительно с учетом специфики российских проектов. Данные проекты связывают государства необходимостью совместной деятельности на стратегическую перспективу. Иными словами, у другого государства возникает определенная зависимость от российской корпоративной структуры государственного характера, что обеспечивает стратегический геополитический интерес друг в друге. И как мы уже отмечали, достигнутые договоренности между первыми лицами являются серьезным аргументом в пользу практического воплощения подобных интересов. Необходимо подчеркнуть в рамках указанного способа косвенный признак, который отражает возможности для продвижения корпоративных интересов государственными корпорациями за рубежом, а именно, возможность включения в государственные корпорации лиц, которые потенциально могут осуществлять продвижение интересов данных структур. Представляется, что избрание Г. Шредера²⁷⁶ председателем совета директоров Роснефти также может способствовать обеспечению корпоративных интересов данной структуры в странах ЕС.

Третьим способом лоббирования за рубежом, отражающим специфику корпоративных интересов государственного характера, является официальное продвижение интересов, сопровождающееся прохождением соответствующих установленных процедур. Исходя из сущности данного способа, можно отметить, что фактором, который усложняет возможности по продвижению корпоративных интересов является институционализированность и существенная роль этических аспектов в процессах продвижения интересов. Данный фактор является одним из

²⁷⁶ Герхард Шредер – федеральный канцлер Федеративной Республики Германия в 1998-2005 гг.

существенных в странах ЕС. Поскольку для российских корпоративных структур, а также государства в целом, как мы уже ранее отмечали, имеет важное значение нормализация отношений с европейскими странами, а также отмена санкций, страны ЕС представляют для России особый интерес. При этом деятельность корпоративных структур может быть направлена на реализацию самых разных интересов. Например, А. Головина отмечает следующие направления лоббистской деятельности российских корпоративных структур в Европе:

- бизнес-разведка, сущность которой заключается в изучении информации о действующих и предстоящих законодательных процессах для минимизации возможных рисков, а также формирование представления о дальнейших действиях;
- антидемпинговый лоббизм, направленный на минимизацию воздействия антидемпинговых барьеров ввиду разности норм контроля и таможенного регулирования в ЕАЭС и ЕС;
- процессы, имеющие своей целью повышение репутационной стоимости компании, обусловленной выходом на международный уровень.²⁷⁷

Однако, в лоббистской деятельности, осуществляемой в рамках ЕС, играет роль не столько специфика российских корпоративных структур, а специфика «правил игры», в соответствии с которыми должны продвигаться интересы - в ЕС лоббистская деятельность серьезным образом урегулирована и для осуществления продвижения интересов необходима регистрация в публичном реестре, которая существует во многих странах. При этом и в самом ЕС существует реестр лоббистов – Transparency Register (Реестр прозрачности). Данный реестр содержит следующую информацию: название организации, организационно-правовая форма, дата внесения в реестр, лица, отвечающие за отношения с ЕС, цели, области интересов, интересующие сферы инициатив, а также финансовые данные.²⁷⁸ Поэтому некоторым российским корпоративным структурам приходится

²⁷⁷ Головина А. Международное лоббирование как инструмент поддержки российского бизнеса за рубежом // Общественные науки и современность. — 2009. — №7. — С. 49

²⁷⁸ Transparency Register [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского Союза. - Режим доступа: <http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/homePage.do?redir=false&locale=en> (дата обращения 16.10.2017)

регистрироваться как в национальных, так и общеевропейском реестрах, чтобы легализовать продвижение интересов во властных институтах ЕС. Так, российское представительство уже упомянутой ранее международной организации Transparency International в 2017 году опубликовало доклад о российском корпоративном лоббизме в странах ЕС «Российский корпоративный лоббизм в странах Европейского Союза: публичные реестры лоббистов». Из данных, представленных в докладе следует, что как в национальных реестрах, так и в общеевропейском представлены такие корпоративные структуры как «Газпром», «Росатом», «Роснано», «Сбербанк» и др.²⁷⁹ При этом указывается на то что, многие из данных структур прибегают к услугам европейских лоббистских организаций. Представляется, что направления деятельности структур, приведенные А. Головиной, требуют полного понимания европейских особенностей, поэтому использование инхауза лоббистов российских компаний является непродуктивным.

Если говорить в целом о лоббировании путем официального продвижения интересов с прохождением соответствующих установленных процедур, то с точки зрения самой технологии данный способ можно отнести к прямым методам, основываясь на классификации А. Павроза.²⁸⁰ При этом представляется возможность совмещения нескольких видов прямых методов – информирования и создания коалиций. Информирование проявляется путем содержания вышеописанных данных в публичном реестре нужного для структуры уровня и по сути является той самой публичной артикуляцией интереса корпоративной структуры, который она указывает в общедоступных источниках информации. Коалиционность проявляется как путем участия двух и более акторов, так и в

²⁷⁹ Доклад «Российский корпоративный лоббизм в странах Европейского Союза: публичные реестры лоббистов» [Электронный ресурс] // Сайт Трансперенси Интернешнл Россия. Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/drugie-issledovaniya/kak-rabotaet-rossiyskiy-korporativnyy-lobbizm-v-evrosoyuzeh-novyy-doklad-transperensi-interneshnl-rossiya.html> (дата обращения 16.10.2017)

²⁸⁰ Павроз А.В. Лоббизм: институциональные основания и практики политического влияния в демократических обществах. – СПб.: Издательство РХГА, 2016. – С.28,33

результате использования услуг соответствующих профессиональных организаций.

Таким образом, можно отметить специфические черты внутреннего и внешнего лоббирования, как одного из важнейшей политических средств обеспечения корпоративных интересов российскими государственными корпорациями, обусловлены особенностями российской модели корпоративизма.

3.2. Государственно-частное партнерство как механизм обеспечения корпоративных интересов: опыт Санкт-Петербурга.

Существуют разные подходы к пониманию государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) – широкий и узкий. Так, Президент РСПП А. Шохин отмечает несколько понятий ГЧП, и в рамках широкого под государственно-частным партнерством следует понимать: «Любое официальное конструктивное взаимодействие власти и бизнеса не только в экономике, но и в политике, культуре, науке, социальной сфере и т.д.» Также А. Шохин приводит и узкое понятие ГЧП, а именно: «Взаимодействие бизнеса и власти в процессе реализации исключительно социально значимых проектов, имеющих стратегическое общегосударственное значение».²⁸¹ Иными словами, критерием разграничения данных форм, согласно А. Шохину, является формат взаимодействия государства и бизнеса, а также стратегический характер подобного взаимодействия. Подобные критерии разграничения понимания кажутся нам не совсем удачными. На наш взгляд, существенным отличием в понимании ГЧП в узком и широком значениях является вопрос о включении в ГЧП концессионных соглашений, как его формы. В таком случае, если исходить из данного критерия, то мы придерживаемся понимания концессии как одной из форм ГЧП, то есть являемся сторонниками широкого подхода к ГЧП в данной работе.

²⁸¹ Бизнес и власть в России: теория и практика взаимодействия [Текст] : монография / науч. ред. и рук. авт. колл. А. Н. Шохин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — С.15

Именно принятие в 2005 году Федерального закона от 21.07.2005 N 115-ФЗ "О концессионных соглашениях" (далее – ФЗ № 115) заложило основы для ГЧП в России, сформировало базу для объединения государства и бизнеса на взаимовыгодных условиях, а также реализации важнейших задач. Важно отметить, что в этот период начался процесс по формированию регионального регулирования концессионной деятельности. Санкт-Петербург является одним из первых субъектов РФ, принявших региональный закон в данной сфере. В 2006 году был принят Закон Санкт-Петербурга от 25 декабря 2006 года № 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах». Представляется, что создание регионального законодательства отчасти было обусловлено необходимостью в совершенствовании института ГЧП, его развития. В последующем и на федеральном уровне был разработан и принят Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (далее – ФЗ ГЧП), вступивший в законную силу с 2016 года. Таким образом, ГЧП в современной России появилось сравнительно недавно. Законодатель дал легальное понятие государственно-частного и муниципально-частного партнерства (в данной работе муниципально-частное партнерство не будет рассмотрено), под которым понимает: «Юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества

присутствовала в связи».²⁸² Таким образом, выделяются два субъекта ГЧП – публичный и частный партнер, каждый из которых имеет свой интерес, который может реализовать посредством участия в данных проектах. Со стороны частного партнера интерес представляется в возможности извлечения стабильной прибыли на протяжении определенного срока, предусмотренного соглашением. Интересом же государства является возможность реализовать улучшения в общественном пространстве, при этом существенным образом минимизировав затраты, переложив часть из них на частного партнера, при этом максимизировать социальные выгоды.²⁸³ Однако, деятельность государства не замыкается лишь его интересами, а заключается в разработке форм и правил взаимодействия с частным партнером. В данной связи представляется точной позиция Л. Иголкиной, которая также относит к деятельности государства формирование стратегии, принципов взаимодействия государства, бизнеса и общества, упорядоченных институционализированных и формально определенных партнерских отношений с частной стороной.²⁸⁴

При этом с формально-юридической точки зрения субъектов лишь двое – публичный и частный партнеры, то есть закон не охватывает общество.²⁸⁵ Несмотря на то, что формально существует лишь две стороны партнерства, ряд исследователей указывают на общество как третьего участника в рамках ГЧП. Так, например, С. Перегудов рассматривает ГЧП как одну из новых форм проявления трипартизма, где бизнес стремится коммерциализировать социальную сферу.²⁸⁶ Однако, на наш взгляд, данные отношения в рамках ГЧП сложно охарактеризовать как трипартистские, поскольку предметом трипартистского взаимодействия являются трудовые отношения, в которых присутствуют три стороны –

²⁸² Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. - № 29, ст. 4350.

²⁸³ De Schepper S., Doms M., Haezendonck E. Stakeholder dynamics and responsibilities in Public– Private Partnerships: A mixed experience. *International Journal of Project Management*. 2014. Vol. 32 (7). P. 4.

²⁸⁴ Иголкина Л.М. Государственно-частное партнерство. Особенности взаимодействия // Теория и практика общественного развития. 2013. №10. С. 335

²⁸⁵ Дятлова Н.А. Субъекты государственно-частного партнерства // Юрист. - 2017. № 7.- С. 38-39

²⁸⁶ Перегудов С. П. Трипартистские институты на Западе и в России: проблемы обновления. – Полис. Политические исследования. 2007. № 3. С. 81

государство, бизнес, а также рабочие или профсоюзные организации, которые представляют их интересы. В рамках ГЧП третья сторона в виде профсоюзных организаций отсутствует. Также предметом соглашений ГЧП выступают в основном отношения по поводу возведения инфраструктурных объектов, а не трудовые, поэтому отождествлять ГЧП с трипартизмом, на наш взгляд, является неверным. При этом, наиболее верной представляется позиция того же С. Перегудова, сформулированная позже. С. Перегудов отмечает гражданскую составляющую в рамках ГЧП как внутри, так и вовне корпоративных отношений, где также существует три элемента – государство, корпорация и гражданское общество, где корпорация представляет не только частный, но и общественный интерес.²⁸⁷ Но данная позиция не является однозначной. С одной стороны, в целом деятельность гражданского общества в проектах ГЧП возможна, но в случае артикуляции интересов на совершение властью или бизнесом определенных действий, которые могут способствовать разрешению отмечаемых ими проблем, требующих взаимодействия. С другой стороны, гражданское общество предполагает организованную деятельность по каким-либо направлениям. Говорить в целом о системном характере гражданского общества в рамках ГЧП, на наш взгляд, является некорректным.

Однако, можно отметить присутствие стороны, выраженной не гражданским обществом, а обществом в целом, состоящим из граждан, на удовлетворение социальных потребностей которых, как мы уже отмечали, и направлены проекты ГЧП со стороны государства. Так, Н. Хомерики выделяет граждан, как «потребителей общественных услуг, имеющих возможность получать их на конкурентных условиях, с меньшими издержками, лучшим качеством, более высоким уровнем обслуживания».²⁸⁸ Данное обстоятельство указывает на наличие всех трех видов интереса, выраженных воедино в рамках института ГЧП –

²⁸⁷ Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. - М.: Прогресс-Традиция, 2008. – С.58.

²⁸⁸ Хомерики Н. Б. Государственно-частное партнерство как метод развития социальной сферы и ее становление в регионах Российской Федерации // Вопросы экономики и права. - 2014. - № 10. - С. 71.

государственного, корпоративного и общественного, что отражает, на наш взгляд, особенность ГЧП как механизма обеспечения интересов разного характера.

Рассматривая основные черты ГЧП, как способа взаимодействия государства и частной стороны, можно предположить, что ГЧП находится вне предметного поля политической науки, а, скорее, в рамках юриспруденции и экономики. Однако это не так. В данной связи вполне закономерна необходимость в определении особенностей, позволяющих нам говорить о ГЧП как о специфическом механизме обеспечения корпоративных интересов, а также в целом политической сущности ГЧП. Например, отечественный политолог Л. Сморгун, рассматривая корпоративизм в сфере ГЧП, указывает на наличие механизмов, которые позволяют корпоративным структурам быть посредниками с органами государственной власти, а также принимать участие в формировании экономической политики.²⁸⁹ Однако сами механизмы и особенности корпоративных интересов автор раскрывает через призму GR деятельности, что, на наш взгляд, существенно сужает возможности понимания корпоративных интересов в рамках института ГЧП.

На наш взгляд, необходимо отметить две ключевых особенности, раскрывающие подобную специфику корпоративных интересов, а также возможности для их обеспечения при участии в ГЧП. Мы уже отмечали некоторые аспекты корпоративных интересов в научной статье, однако считаем необходимым конкретизировать и дополнить рассматриваемые особенности.²⁹⁰ Во-первых, существенная роль государства в данных проектах как ключевого актора, а также государственных корпораций в значении, применяемом в настоящей работе и иных аффилированных с государством структур, что указывает на корпоративную составляющую в рамках ГЧП, а также наличие возможностей для обеспечения

²⁸⁹ GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством. Учебное пособие / под ред. Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — С.97

²⁹⁰ Этот вопрос рассматривается в нашей статье. См: Костин А.Э. Некоторые вопросы корпоративных интересов в проектах государственно-частного партнерства // Государственно-частное партнерство в сфере транспорта: модели и опыт: сборник тезисов и докладов IV ежегодной конференции (Санкт-Петербург, 1 июня 2018). — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. С. 95-99.

корпоративных интересов. Во-вторых, возможность участия государственных корпораций как на стороне публичного, так и частного партнеров, что само по себе значительным образом искажает саму сущность партнерства.

Для того, чтобы наиболее точно рассмотреть заявленные нами политические особенности, раскрывающие ГЧП как механизм обеспечения корпоративных интересов, представляется, что необходимо исходить из институциональных черт ГЧП. Согласно отечественному исследователю, профессору СПбГУ В. Попондопуло, проекты ГЧП могут иметь две правовые формы реализации – договорную и институциональную.²⁹¹ Представляется, что юридическая и экономическая направленность изучения ГЧП акцентирует основное внимание на договорной, или иногда именуемой контрактной форме, которая отражает юридическую составляющую. Иными словами, основной акцент делается на правах и обязанностях сторон, требованиях, предъявляемых к сторонам, порядке заключения соглашений, объектах и содержании, целях и задачах, которые призван решить ГЧП-проект и иных юридически значимых аспектах. Институциональная (корпоративная) форма предполагает учреждение юридического лица сторонами соглашения о ГЧП, сущность которого заключается в реализации проекта.²⁹² Учреждение юридического лица, на наш взгляд, усиливает институционализацию отношений между партнерами в рамках ГЧП.

Несмотря на то, что партнерство подразумевает равное положение сторон, представляется, что именно институциональная форма демонстрирует доминирующую роль государства. Интересной представляется позиция О.Андрюшевич и И.Денисовой, которые отмечают, что: «В настоящее время прослеживается тенденция существенного опережения развития второго направления (развития новых институциональных структур – А.Э.) в ущерб

²⁹¹ Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / под ред. В.Ф. Попондопуло, Н.А. Шевелевой. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 528 с.

²⁹² Модельный закон «О публично-частном партнерстве» (принят в г. Санкт-Петербурге 28.11.2014 Постановлением 41-9 на 41-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=57783#028076033146836066> (дата обращения: 08.06.2018).

первому (совершенствование законодательной базы – А.Э.)).²⁹³ Мы разделяем позицию данных исследователей, несмотря на то, что можно отметить определенный динамизм в законодательном регулировании в сфере ГЧП. Однако важно отметить, что как законодательство, так и институциональная база формируются именно в результате деятельности государства, что указывает, на наш взгляд, на его доминирующую роль в рамках формирования и реализации проектов ГЧП.

Рассмотрим существенную роль государства в проектах ГЧП, исходя из институциональной формы. Институциональная форма значительно расширяет возможности государства как публичной стороны в ГЧП, а именно: компания специального назначения (то есть создаваемое юридическое лицо) выступает непосредственной стороной заключаемого соглашения, осуществляет привлечение финансирования и в дальнейшем отвечает перед публичной стороной за реализацию проекта. Таким образом, у государства в лице публичной стороны появляется возможность осуществлять спрос с абсолютно конкретной организации. Поскольку компания специального назначения находится под данным контролем, она заинтересована в успешной реализации проекта.

Мы уже отмечали особенности, раскрывающие существенную роль государства в рамках ГЧП.²⁹⁴ Тем не менее, считаем необходимым отразить подобные особенности и в данном параграфе. Несмотря на то, что мы акцентируем внимание на институциональной форме реализации ГЧП, изучение выделенных черт без обращения к законодательству невозможно. Представляется, что существенная роль государства, исходя из институциональной формы ГЧП, основывается на следующих особенностях.

²⁹³ Андриюшкевич О.А., Денисова И.М. Становление российских институтов государственно-частного партнерства в инновационной сфере // Экономическая наука современной России. 2011. № 2. - С. 73.

²⁹⁴ Костин А.Э. Некоторые вопросы корпоративных интересов в проектах государственно-частного партнерства // Государственно-частное партнерство в сфере транспорта: модели и опыт: сборник тезисов и докладов IV ежегодной конференции (Санкт-Петербург, 1 июня 2018). – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. С. 95-99.

1) Возможность формирования законодательной базы. Именно государство обладает монопольным правом в лице уполномоченных лиц и органов на создание, принятие и применение нормативных актов, направленных на регулирование общественных отношений в сфере ГЧП на федеральном и региональном уровнях. Государство обладает правом принимать участие в формировании международных норм о ГЧП, что демонстрирует Модельный закон на уровне СНГ.

2) Государство, обладая властно-распорядительными функциями, имеет возможность формирования институциональных структур - компаний специального назначения (далее – КСН), впоследствии передающихся под контроль частного партнера. При этом зачастую в них принимают участие государственные корпорации, деятельность которых возможна в проектах ГЧП. Однако более подробно данный аспект мы рассмотрим в другой особенности обеспечения корпоративных интересов при помощи проектов ГЧП.

3) Государство обладает правом инициативы проекта, то есть на разработку предложения о реализации проекта ГЧП. В этой связи представляется достаточно точной позиция И. Ткаченко и М. Евсеевой, которые указывают на невозможность соблюдения принципа равенства сторон в ГЧП, поскольку считают сформировавшейся агентскую модель отношений, где государство выступает принципалом, привлекает другого субъекта – частная сторона, которая выступает агентом.²⁹⁵ Мы уже отмечали подобную модель в предыдущей главе, рассматривая специфические черты российского корпоративизма в целом. Подобная особенность демонстрирует корпоративный характер отношений в рамках ГЧП. Государство осуществляет отбор участников конкурса, рассматривает и оценивает конкурсные предложения и определяет победителя. То есть государство в рамках ГЧП выступает как важнейший актор, где подобные действия сопряжены с выражением политической воли, а также потенциальной возможностью допуска «элитарных» по усмотрению власти участников. После окончания срока действия соглашения о

²⁹⁵ Ткаченко И.Н., Евсеева М.В. Стейкхолдерская модель корпоративного управления в проектах государственно-частного партнерства // Управленческие науки. 2014. №1 (10). С. 29.

ГЧП, государство занимается обеспечением функционирования объекта соглашения. Данное обстоятельство отражает государство как конечного стейкхолдера, а также его интерес – то есть выполнение социальных и экономических функций при помощи участия в ГЧП.

Также важно отметить и существенную роль судебной системы, являющейся одной из ветвей власти. В соответствии со ст. 15 ФЗ № 115 концессионное соглашение может быть расторгнуто на основании решения суда по требованию одной из сторон в случае «изменения обстоятельств, из которых стороны концессионного соглашения исходили при его заключении, а также по иным предусмотренным настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами или концессионным соглашением основаниям».²⁹⁶

Таким образом, изменение обстоятельств, а также иные основания, делают государство, на наш взгляд, не равным партнером, а усиливают его позиции по отношению к частной стороне ГЧП.

Вторая особенность, раскрывающая ГЧП как механизм обеспечения корпоративных интересов, проявляется в возможности участия государственных корпораций как на стороне публичного, так и частного партнеров.

Необходимо отметить широкое присутствие государственных корпораций в ГЧП. Например, В. Варнавский, рассматривая институты ГЧП в России, выделяет ВЭБ, Фонд ЖКХ, Роснано и др.²⁹⁷ Однако исследуя опыт Санкт-Петербурга, необходимо отметить ВЭБ.РФ (далее – ВЭБ) как крупную государственную корпоративную структуру, участвующую в ГЧП на стороне публичного партнера. ВЭБ является государственной корпорацией, цели которой урегулированы отдельным федеральным законом, и обуславливают ее участие в проектах ГЧП. Так, в соответствии с Федеральным законом от 17.05.2007 N 82-ФЗ «О банке развития», целями данной государственной корпорации являются:

²⁹⁶ Федеральный закон от 21.07.2005 N 115-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О концессионных соглашениях" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. - № 30, ст. 3126.

²⁹⁷ Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство. - М.: ИМЭМО РАН, 2009. В 2-х томах. Том 2. – С.17.

инвестиционная, внешнеэкономическая, консультационная и иная деятельность.²⁹⁸ Необходимо также обратиться и к артикулированной ВЭБом стратегии, а именно: «Внешэкономбанк финансирует крупные инвестиционные проекты, направленные на устранение инфраструктурных ограничений экономического роста. ВЭБ не конкурирует с коммерческими кредитными организациями и участвует только в тех проектах, которые не могут получить финансирование частных инвесторов».²⁹⁹ При этом важной особенностью ВЭБа является осуществление нефинансового содействия органам государственной власти, а именно: формирование методологии, моделей, инструментов, а также институтов в сфере ГЧП.³⁰⁰ Иными словами, деятельность данной корпоративной структуры достаточно разнонаправленная, но в целом ее можно свести к оказанию комплекса финансовых и нефинансовых услуг. Представляется, что как финансовая, так и организационная деятельность данной структуры также отражают существенную роль государства, но выраженную через институт государственных корпораций.

Важно отметить, что ВЭБ в настоящий момент планирует осуществлять региональное представительство корпоративных интересов, формируя в субъектах РФ сеть регионального менеджирования³⁰¹, что позволит, на наш взгляд, укрепить данной корпоративной структуре свои позиции. При этом, если говорить о ВЭБе, то необходимо отметить положительные черты регионального присутствия данной государственной корпорации – в виду достаточной бюрократизированности данной корпоративной структуры ее региональное присутствие позволит осуществлять проекты «на местах», вникая в специфику проектов, и оказывать установленную помощь в необходимом количестве. Подобный способ размещения корпоративных структур не новый и его можно отметить в ряде субъектов РФ,

²⁹⁸ Федеральный закон от 17.05.2007 N 82-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ"» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. - № 22, ст. 2562.

²⁹⁹ Стратегия Банка развития [Электронный ресурс] // Официальный сайт государственной корпорации «Внешэкономбанк» (ВЭБ). - Режим доступа: <http://www.veb.ru/strategy/> (дата обращения 10 июня 2018 г.)

³⁰⁰ Баженов А.В. Развитие государственно-частного партнёрства в России // Демография и социальная экономика. 2012. №1. С. 108.

³⁰¹ Региональные менеджеры [Электронный ресурс] // Официальный сайт государственной корпорации «Внешэкономбанк» (ВЭБ). - Режим доступа: <http://www.veb.ru/strategy/region/sm/#about> (дата обращения 10 июня 2018 г.)

деятельность которых сводится к развитию регионов. В некотором смысле аналогичная инициатива размещения региональных корпоративных структур, подобных ВЭБу, но не являющихся ими, отмечалась Ю. Осинцевым, по мнению которого для реализации ГЧП необходимы корпорации городского развития.³⁰² Мы уже отмечали региональные корпоративные процессы на примере АО «Корпорация развития Камчатки» в статье, посвященной политическим особенностям современной модели российского государственного корпоративизма.

Однако представляется, что создание данных региональных корпоративных структур, отмеченных Ю. Осинцевым, может привести к формированию региональных элитарных организаций, укреплению положения региональных элит и неформальному взаимодействию с представителями бизнеса, нежели развитию региона, поскольку их деятельность в значительной степени дублирует функции исполнительной власти региона, сужению пространства для реализации «неэлитарных» структур, стремящихся к участию в партнерстве, а также создает потенциальную коррупциогенную ситуацию. Например, по мнению М. Вилисова, возможные опасения относительно вовлечения «своих» представителей в сферу ГЧП небеспочвенны и могут привести к тому, что реализация проектов может быть «жертвой кампанейщины».³⁰³ К тому же, на наш взгляд, подобная мера не «разгрузит» федеральный инвестиционный фонд и ВЭБ, который испытывает необходимость в мерах по государственной поддержке для обслуживания долгов.³⁰⁴

Как мы уже ранее отмечали, важнейшей особенностью, отражающей ГЧП как механизм обеспечения корпоративных интересов, является возможность участия государственных корпоративных структур как на стороне публичного, так

³⁰² Осинцев Ю.В. Государственно-частное партнерство: стратегия развития в России // ЭТАП. 2010. №4 С.14

³⁰³ Вилисов М. В. Государственно-частное партнерство: политико-правовой аспект // Власть. — 2006. — № 7. — С. 14–20.

³⁰⁴ ВЭБ показал рекордный в истории убыток [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Ведомости». - Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/04/27/768141-veb-rekordnii-ubitok> (дата обращения: 29 апреля 2018).

и частного партнеров. Участие государственных корпораций на стороне публичного партнера отражает пример ВЭБа. Следует подчеркнуть, что п.3 ч.2 ст.5 ФЗ ГЧП предусмотрен ряд существенных ограничений, предъявляемых к субъектам, являющимся частными партнерами, а именно: «публично-правовые компании и иные создаваемые Российской Федерацией на основании федеральных законов юридические лица».³⁰⁵ Как мы уже отмечали во второй главе, государственные корпорации и государственные компании в юридическом смысле учреждаются как раз на основании федерального закона как юридические лица. Таким образом, государственные корпорации не могут являться частными партнерами. Однако в настоящей работе мы рассматриваем государственные корпорации в значении шире, поэтому предусмотренное законом ограничение не влияет на возможность обеспечения корпоративных интересов структурами, где государство является стейкхолдером, что позволяет нам говорить о присутствии государственного характера в рамках ГЧП. При этом существует и обратная позиция. Например, с точки зрения А. Евлаева, нельзя ставить знак равенства между ГЧП и представительством интересов бизнеса в силу распределения ролей между государством и бизнесом, а также по причине дифференцированности в характере ресурсов для достижения целей.³⁰⁶ Однако утверждение А. Евлаева представляется спорным, несмотря на распределение ролей и разнице в ресурсах. Представляется, что автором не учитывается государственный и элитарный характер корпоративных структур при обеспечении интересов.

Если говорить о концессионных соглашениях, как одной из форм ГЧП, то закон не предусматривает ограничений для концессионера, только наличие организационно-правовой формы. Так, М. Дерябина, рассматривая участие государственных структур на стороне частного партнера, отмечает, что возможно

³⁰⁵ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ (ред. от 26.07.2019) "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. - № 29, ст. 4350.

³⁰⁶ Евлаев А.Н. Социально-политическая ответственность бизнеса в механизме государственно-частного партнерства // Власть. 2010. №7. С. 94.

участие «государственных корпораций, на 100% принадлежащих государству, но действующих в организационно-правовой форме акционерного общества».³⁰⁷ Таким образом, можно отметить особенности реализации проектов ГЧП, в рамках которых на стороне частного партнера интересы представляет государственная корпорация.

Рассматривая подобную особенность в рамках региона, а в настоящей работе – Санкт-Петербурга, необходимо рассмотреть и проанализировать ряд кейсов, демонстрирующих складывающуюся практику государственного корпоративизма в рамках ГЧП. Анализируя базу проектов ГЧП «Росинфра», реализованных, или находящихся на стадии подписания соглашений в Санкт-Петербурге, можно отметить три важнейших проекта ГЧП, отражающих, по нашему мнению, обеспечение корпоративных интересов при помощи данного механизма. Мы уже затрагивали подобную практику в рамках нашей статьи на тему «Корпоративные интересы в системе государственно-частного партнерства» кейсы, посвященные аэропорту «Пулково», созданию автомобильной дороги «Западный скоростной диаметр» (далее – проект ЗСД), а также созданию и эксплуатации трамвайной сети по маршруту «станция метро «Купчино» – пос. Шушары – Славянка» в Санкт-Петербурге (далее – проект Трамвайная сеть).³⁰⁸ Однако, в рамках исследуемой темы считаем необходимым обратиться к указанным примерам, как отражающим данные аспекты. Первым кейсом ГЧП, характеризующим указанную особенность, является создание, реконструкция и эксплуатация объектов аэропорта «Пулково» в г. Санкт-Петербурге (далее – проект «Пулково»). Анализируя субъектный состав данного соглашения, можно отметить, что публичной стороной является Правительство Санкт-Петербурга, сторону частного партнера представляют две организации: АО «Аэропорт Пулково», полностью принадлежащее публичной стороне - Правительству Санкт-Петербурга,

³⁰⁷ Дерябина М.А. Государственно-частное партнерство: теория и практика // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 67.

³⁰⁸ Костин А.Э. Корпоративные интересы в системе государственно-частного партнерства // Тенденции развития науки и образования. 2018. №5 (1). С. 51-55.

а также КСН в лице ООО «Воздушные ворота Северной Столицы», где один из участников ПАО «ВТБ».³⁰⁹ Участие государственного АО «Аэропорт Пулково» указывает на присутствие государства на стороне частного партнера, однако обусловлено необходимостью эксплуатации данного транспортного узла. Указанный выше банк с позиции ограничений, предусмотренных ФЗ ГЧП, нельзя отнести к числу юридических лиц, которые не могут быть частным партнером. Тем не менее, с точки зрения применяемых в настоящей работе понятий, данный субъект можно охарактеризовать государственным, поскольку он более чем на половину принадлежит государству. В данной связи можно отметить, что в проекте ГЧП «Пулково» сторона частного партнера представлена наполовину компаниями с государственным участием, что характеризует, на наш взгляд, государственный и элитарный корпоративный характер ГЧП. Представляется, что существенная роль государства, а также указанный характер ГЧП, отражают отмеченный нами ранее государственный и элитарный характер российского корпоративизма в целом и института ГЧП в частности. Также данные особенности потенциально входят в противоречие с одним из важнейших принципов ГЧП – «стороны партнерства должны быть представлены как государственным, так и частным сектором экономики».³¹⁰ Но необходимо подчеркнуть важное обстоятельство – проект «Пулково» реализовывался в соответствии с региональным законодательством еще до принятия ФЗ ГЧП, а именно – Законом Санкт-Петербурга от 25 декабря 2006 года № 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» (далее – Закон ГЧП СПб), который предусматривает возможность участия в качестве стороны проекта юридическое лицо, собственником которого является Санкт-Петербург. Таким образом, в рамках данного проекта можно отметить участие трех сторон, две из которых являются государственными, что вызвано, как мы уже отметили,

³⁰⁹ Соглашение о государственно-частном партнерстве вступило в силу» [Электронный ресурс] // Официальный сайт аэропорта «Пулково». – Режим доступа: <https://pulkovoairport.ru/about/news/2010/1434/> (дата обращения 05 июня 2018 г.)

³¹⁰ Манько Н.Н. Государственно-частное партнерство как эффективный инструмент поддержки национальной инновационной системы // Российское предпринимательство. 2012. №16. С. 12.

необходимостью обслуживания объекта партнерства. Однако, несмотря на подобную техническую специфику, представляется, что само по себе отнесение его к частной стороне, отмеченной в базе проектов ГЧП,³¹¹ является некорректным, поскольку в соответствии с Законом ГЧП СПб подобное юридическое лицо и частный партнер разделены.³¹²

Тем не менее, принимая во внимание региональное регулирование ГЧП, следует отметить, что численность государственных структур превышает частные, что, на наш взгляд, также демонстрирует государственный корпоративный характер отношений и подтверждает позицию И. Ткаченко и М. Евсеевой.

Рассматривая проект ЗСД необходимо отметить участие двух государственных корпораций – «ВТБ» и «Газпромбанка» – дочерней структуры Газпрома, которую мы также относим к государственной корпорации. При этом можно также констатировать государственный и элитарный характер «Газпромбанка», поскольку данной структурой владеют представители действующей политической элиты, незначительная часть принадлежит участвующему на публичной стороне в проекте ЗСД ВЭБу. Кейс проекта Трамвайной сети характеризует сильное значение «Газпромбанка» как важнейшей структуры, которая выступает в качестве эксклюзивного финансового консультанта и предоставляет заемное финансирование в данном концессионном соглашении³¹³, что представляется схожим с целями деятельности ВЭБа.

При этом показательным является артикулируемый со стороны госкорпоративных структур интерес на усиление их роли в ГЧП. Так, например президент-председатель правления ВТБ отметил ограничения, предусмотренные ФЗ ГЧП, препятствующие участию государственных банков в проектах ГЧП, а

³¹¹ Создание, реконструкция и эксплуатация объектов, входящих в состав имущества аэропорта «Пулково» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росинфра.– Режим доступа: <http://www.pppi.ru/content/sozdanie-rekonstrukciya-i-ekspluatatsiya-obektov-vhodyashchih-v-sostav-imushchestva-0> (дата обращения 10 мая 2018 г.)

³¹² Закон Санкт-Петербурга от 25.12.2006 N 627-100 "Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах"(ред. от 26.11.2015) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. - 29 января 2007 г. - №2.

³¹³ Консорциум Группы компаний «АБЗ-1» и Газпромбанка признан победителем конкурса по проекту создания трамвайной сети в г. Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Официальный сайт АО «Газпромбанк». – Режим доступа: <https://www.gazprombank.ru/press/144952/> (дата обращения 27 мая 2018).

именно: «Уже сегодня этот закон требует поправок. Например, он затрудняет участие государственных банков в проектах ГЧП. Нужно признать, что в наших условиях госбанки были основой для частных компаний при участии в ГЧП. Лишившись поддержки крупнейших госбанков, ГЧП у нас не заработает, особенно в части крупных инфраструктурных проектов, где нужны большие средства».³¹⁴ Важно подчеркнуть, что рассматриваемые в настоящем параграфе проекты реализовывались в рамках Закона ГЧП СПб, или ФЗ №115 и не охватываются ФЗ №224. Однако представляется, что артикуляцию подобной позиции со стороны корпоративной структуры следует интерпретировать как корпоративный интерес на изменение законодательного регулирования с учетом корпоративных интересов.

Таким образом, можно отметить существенную роль государства и государственных корпораций в проектах ГЧП. При этом дуализм ГЧП как механизма обеспечения корпоративных интересов проявляется в том, что корпоративные интересы могут быть реализованы со стороны публичного, так и частного партнера. Представляется, что отмеченный дуализм ставит под сомнение саму сущность ГЧП, поскольку представлен государственными структурами с обеих сторон.

³¹⁴ ГЧП в России не будет работать без поддержки госбанков - глава ВТБ Костин [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/gchp-v-rossii-ne-budet-rabotat-bez-podderzhki-gosbankov-glava-vtb-kostin-1001234913> (дата обращения: 10 мая 2018 г.)

Заключение

В рамках современного российского политического пространства, корпоративные интересы имеют важнейшее значение. Данное обстоятельство вызвано достаточно широким спектром сфер деятельности государственных корпораций. В значительной степени особенности сложившегося российского политического режима обуславливают характер корпоративизма, где существенную роль играют само государство, а также политическая элита.

Рассматривая субъектов корпоративных интересов, можно отметить, что существенная часть корпораций создавалась государством, или же государство имеет долю в данных структурах, то есть является создателем институциональной среды корпоративизма и стейкхолдером одновременно, что по умолчанию отражает государственное признание данных субъектов. Данное обстоятельство указывает на сильную взаимосвязь института государственных корпораций с властью. Ряд государственных корпораций отражают «квазимиистерский характер», то есть являются достаточно закрытыми системами, а также схожими по функциональному назначению с реальными исполнительными органами государственной власти, как например, «Росатом». Государство, являясь стейкхолдером, имеет институциональные механизмы, позволяющие оказывать влияние на процессы формирования руководства государственных корпораций, что отражает государственный тип корпоративизма в соответствии с классической теорией Ф. Шмиттера.

Государственный характер проявляется в бюрократических особенностях, отраженных в концепции ГБК Ю. Красиным, поскольку руководители государственных корпораций и государственных компаний, являющихся некоммерческими организациями, в большей степени подвержены бюрократическим чертам, являясь должностными лицами. Государство, как стейкхолдер, помимо контроля над формированием руководства государственных корпораций обладает информацией о деятельности данных структур, а также при

наличии необходимости или политической воли может изменять сферы деятельности корпоративных структур.

При этом, следует отметить легитимность сложившегося государственного характера российского корпоративизма, поскольку легитимна действующая власть, являющаяся стейкхолдером института государственных корпораций, а также легитимны сами процессы корпоративизации.

Сам по себе процесс перехода к государственному типу корпоративизма представляется закономерным процессом и может являться одним из циклов, в соответствии с феноменом «Сизифа корпоративизма». Однако сменяемость типов корпоративизма ввиду того, что современная Россия является молодым государством, может варьироваться.

Важнейшей чертой современного российского корпоративизма является существенная роль элит. Как и государственный характер, подобная особенность связана с политическим режимом. Однако, несмотря на государственный характер и декларируемую властью цель создания института государственных корпораций, существует направленность на удовлетворение интересов лиц, являющихся составной частью политической элиты. Данное обстоятельство вызывает определенный разрыв между корпоративными, а также общественными и государственными интересами. Поддержка властью корпоративных групп интересов в условиях санкционной политики демонстрирует солидарность власти с корпоративными структурами.

Элитарный характер во взаимосвязи с государственным характером проявляется также посредством использования института государственных корпораций как средства для распределения политической элиты. Подобный механизм, заключающийся в проведении кадровых перестановок или включения новых лиц в политическую элиту, позволяет осуществлять транзит как непосредственно во властные структуры, так и в государственные корпорации, агрегирующие важнейшие для государства сферы деятельности. При этом данное распределение основано либо на непосредственных личных связях с первыми

лицами государства, либо представительстве в органах государственной власти. Таким образом, указанный механизм позволяет власти сохранить лиц, составляющих политическую элиту, и обеспечивает возможности для проведения согласованного политического курса. Элитарный характер российских государственных корпораций позволяет обеспечивать корпоративные интересы непосредственно путем личных контактов, причем как в российском политическом пространстве, так и за рубежом. Государственные корпорации, обеспечивая корпоративные интересы за рубежом также способствуют продвижению геополитических интересов, реализуя проекты за рубежом. В данном случае характерен симбиоз власти и корпоративных интересов – государство усиливает сотрудничество в зарубежных странах, а государственные корпорации получают возможности для деятельности в различных государствах.

Кардинальный разворот к государственным корпорациям, характеризующий третий этап современного российского корпоративизма, обусловлен стремлением представителей действующей власти сконцентрировать ключевые стратегические ресурсы под своим непосредственным контролем в различных сферах деятельности. Подобная концентрация ресурсов, осуществляемая через институт государственных корпораций, позволяет власти минимизировать риск наступления ситуации, при которой важнейшие ресурсы могут быть сосредоточены в руках частных лиц. Сосредоточение значительной части ресурсов у неподконтрольных лиц потенциально может создать условия для конвертации экономического капитала в политический. То есть позволит лицам из экономической элиты стать политической, что приведет к противоречию с государственными интересами. Обеспечение власти как черта современного российского корпоративизма, вызвана опасениями по возможному возвращению ко второму (олигархическому) этапу российского корпоративизма, а также утрате независимости в осуществлении проводимой политики, что демонстрирует дело «ЮКОСа».

Роль государства в процессах обеспечения корпоративных интересов в российском политическом пространстве существенна – государство формирует

институциональные основы деятельности государственных корпораций, законодательное регулирование, обеспечивает возможность судебной защиты интересов. Политические механизмы обеспечения корпоративных интересов могут быть достаточно разнообразными и иметь как институционализированные, так и неинституционализированные формы. К политическим механизмам, способствующим обеспечению корпоративных интересов, можно отнести представительство интересов в нижней и верхней палатах российского парламента, являющихся значимым каналом продвижения корпоративных интересов, артикуляция которых исходит от представителей правящей партии и демонстрирует взаимодействие между госкорпорациями, депутатами и сенаторами; представительство интересов посредством специальных институциональных структур (например РСПП); лоббизм; государственно-частное партнерство и иные. Однако в рамках данной работы внимание автора было сфокусировано на специфических чертах лоббизма и государственно-частного партнерства как политических механизмах обеспечения корпоративных интересов.

ГЧП как механизм обеспечения корпоративных интересов демонстрирует проявление государственного характера, поскольку в проектах ГЧП роль государства достаточно велика, а также возможности для участия госкорпоративных структур в рамках ГЧП как на стороне публичного, так и частного партнеров, что указывает на существенное изменение самой идеи ГЧП по взаимодействию публичной и частной стороны.

С элитарным характером частично связано отсутствие законодательной базы, регулирующей лоббизм, поскольку прямое взаимодействие без институциональных ограничений затрудняет процессы обеспечения интересов. Закрытость отношений представителей государственных корпораций с бюрократическим аппаратом, проявляющаяся в отсутствии информации о лоббистской деятельности в отчетности государственных корпораций формирует необходимость в институциональных основаниях для общественного контроля, основанного на публичности. Однако публичность должна основываться не на

взаимодействии с бюрократическими структурами, или государственными корпорациями по поводу указанной деятельности, а на основании общедоступной полноценной информации в публичном пространстве.

Представляется, что государственный тип корпоративизма в России будет относительно стабильным. Именно сильная взаимосвязь российского корпоративизма с политическим режимом делает его таковым. Учитывая практику преемственности в российской власти и сохранение ряда представителей политической элиты, резкое изменение формы корпоративизма представляется в обозримой перспективе маловероятно и являются своеобразным «черным лебедем». Тем не менее, необходимо отметить ряд проблемных зон, требующих внимания.

На сегодняшний день нет единообразного мнения относительно необходимости институционализации лоббизма в российском политическом пространстве, однако широкое обсуждение вопроса о возможности институционализации лоббизма в виде законодательного регулирования или создания публичных реестров, на наш взгляд, является обоснованным. Данные обсуждения должны проводиться с привлечением научного политологического и юридического сообщества, государственных корпораций, представителей органов государственной власти и должностных лиц.

Необходимой, на наш взгляд, мерой, способствующей соблюдению публичности деятельности государственных корпораций, является отражение в отчетах государственных корпораций сведений о лоббистской деятельности, а также регламентация и отражение в отчетах сведений об участии государственных корпораций во внешнеполитической деятельности, не связанной с основными целями. Также представляется важной разработка и активизация механизмов общественного контроля над деятельностью государственных корпораций, что позволит расширить возможности для представительства общественных интересов в рамках плюралистической модели представительства интересов.

Государственно-частное партнерство является важнейшим способом реализации общественных, государственных и частных интересов. В данной связи необходимо совершенствование федерального и регионального законодательства в данной сфере без ущерба для партнерских отношений государства и частной стороны, а также умаления возможностей региона при федеральном регулировании ГЧП.

Проведение на постоянной основе конкурсов по обновлению кадров государственных корпораций, таких как «Лидеры России», может способствовать обновлению корпоративных и государственных элит, а также их профессионализации.

Список литературы

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Российская газета. - 25 декабря 1993г. - №237.
2. Модельный закон «О публично-частном партнерстве» (принят в г. Санкт-Петербурге 28.11.2014 Постановлением 41-9 на 41-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=57783#028076033146836066> (дата обращения: 08.06.2018).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. - №32. – Ст. 3301.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №25. – Ст. 2954.
5. Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) "О некоммерческих организациях" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. - № 3. - Ст. 145.
6. Федеральный закон от 21.07.2005 N 115-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О концессионных соглашениях" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. - № 30, Ст. 3126.
7. Федеральный закон от 22.06.2007 N 115-ФЗ «О признании утратившим силу Федерального закона «О финансово-промышленных группах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. - № 26. - Ст. 3088.

8. Федеральный закон от 19.07.2007 N 139-ФЗ (ред. от 31.05.2010) "О Российской корпорации нанотехнологий" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – №30. – Ст. 3753.
9. Федеральный закон от 23.11.2007 N 270-ФЗ (ред. от 01.04.2011) "О Государственной корпорации "Ростехнологии" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – №48. – Ст. 5814.
10. Федеральный закон от 01.12.2007 N 317-ФЗ (ред. от 26.07.2019) "О Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – №49. – Ст. 6078.
11. Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ (ред. от 01.04.2019) "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. - № 31. - Ст. 4179.
12. Федеральный закон от 13.07.2015 N 224-ФЗ (ред. от 26.07.2019) "О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. - № 29. - Ст. 4350.
13. Национальный план противодействия коррупции (утвержден Президентом Российской Федерации Д. Медведевым 31 июля 2008 г. Пр-1568) // Российская газета. - 5 августа 2008 г. - №4721.
14. Указ Президента РФ от 29.06.2018 N 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. - №27. – Ст. 4038.
15. Закон Санкт-Петербурга от 25.12.2006 N 627-100 (ред. от 26.11.2015) "Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах" // Санкт-Петербургские ведомости. - 28 декабря 2006 г. - №244.
16. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. - № 40. - Ст. 591.

- 17.Федеральный закон от 30.11.1995 N 190-ФЗ "О финансово-промышленных группах" (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. - № 49. - Ст. 4697.
- 18.Федеральный закон от 30.10.2007 N 238-ФЗ "О Государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта" (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – №45. – Ст. 5415.
- 19.Указ Президента РФ от 05.12.1993 N 2096 "О создании финансово-промышленных групп в Российской Федерации" (утратил силу) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 06.12.1993. - № 49.- Ст. 4766.

Монографии и статьи

- 20.Алехин С.В. Финансово-промышленные группы в российской экономике: характеристика и виды // Вестник ВУиТ. 2014. №1 (30). С.5-14.
- 21.Андрюшкевич О.А., Денисова И.М. Становление российских институтов государственно-частного партнерства в инновационной сфере // Экономическая наука современной России. 2011. № 2. - С. 73 -88.
- 22.Аристотель Политика/ Аристотель ; пер. с др. – гр. С.А. Жебелева. – СПб.: Азбука, Азбука Аттикус, 2016. – 352 с.
- 23.Арнаутова Е. Средневековые истоки современной культуры // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 48-49. – С. 69–76.
- 24.Арутюнян А.С. Лоббизм: как превратить зло во благо? // Социологические исследования, 2016. – № 5.- С.54-60.
- 25.Аштаева, С.С. История корпораций / С.С. Аштаева // Проблемы модернизации гражданского законодательства Российской Федерации : материалы научно-практической конференции. - Элиста, 2012. - С. 25-28.
- 26.Баженов А.В. Развитие государственно-частного партнёрства в России // Демография и социальная экономика. 2012. №1. С. 103-109.

- 27.Байчик А. В. Российские медиахолдинги: особенности становления // Век информации. 2015. № 1 (S1). С. 355–367.
- 28.Бандурина Н. В. К вопросу о правовом положении государственной компании «Росавтодор» // ТДР. 2011. №3. С. 10-12.
- 29.Бархота А. В., Федюкин А. В. Основные сценарии развития государственных корпораций в России до 2015 г. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2013. №5 (31). С. 6-11.
- 30.Башук А. С. Политический лоббизм в современной России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 2286–2290.
- 31.Бдоян Д.Г. Периоды трансформации российско-турецких отношений // Вестник МГИМО. 2017. №4 (55). С. 165-182.
- 32.Белоусов А.С. Режим Муссолини и массы. - М.: Изд-во МГУ, 2000. - 368 с.
- 33.Бизнес и власть в России: теория и практика взаимодействия [Текст] : монография / науч. ред. и рук. авт. колл. А. Н. Шохин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 349 с.
- 34.Булатова А.И., Абелгузин Н.Р. Влияние санкций на экономику России // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. №3 (35). С. 26-37.
- 35.Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство. - М.: ИМЭМО РАН, 2009. В 2-х томах. Том 2. - 192 с.
- 36.Васецкий А. А. Корпоративизм и политическая составляющая его развития // Управленческое консультирование. 2007. №4 С.44-58.
- 37.Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова Предисл. П. П. Гайденоко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- 38.Веремчук Л.П. Алексис де Токвиль: концепция аристократии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. №342. С.106-109.

- 39.Ветренко И. А. Седашов Е. А. Интерес как фактор устойчивости в системах корпоративного и плюралистического взаимодействия // Вестн. Ом. ун-та. 2011. № 3. С. 292–295.
- 40.Вилисов М. В. Государственно-частное партнерство: политико-правовой аспект // Власть. — 2006. — № 7. — С. 14–20.
- 41.Галкин А. А. Корпоративизм как форма отношений между государством и обществом: пределы опасности. – Полис. Политические исследования. 2000. № 6. С. 147-158.
- 42.Гегель Г. В. Ф. Философия права - М.: Мысль, 1990.- 524 с.
- 43.Гельман В.Я., Стародубцев А.В. Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов: Препринт М-37/14. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. — 36 с.
- 44.Гилев А.В. Введение. Черные кошки в темных комнатах: исследования политического патронажа в общественных и гуманитарных науках // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 6-40.
- 45.Головина А. Международное лоббирование как инструмент поддержки российского бизнеса за рубежом // Общественные науки и современность. — 2009. — №7. — С. 47- 49.
- 46.Гудков Л.Д. Абортивная модернизация / Л.Д. Гудков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 630 с.
- 47.Дегтева Д.И Авторитарный и тоталитарный политические режимы // Вестник Московского Государственного Открытого Университета. Москва. Серия: Экономика И Право. — 2012. — Вып. 3. — С. 60–73.
- 48.Дембицкий С.Г. Институт лоббирования в системе функционального представительства групп экономических интересов. // Вестник МГОУ. — 2010.-№4. – С.19-30.

49. Дерябина М.А. Государственно-частное партнерство: теория и практика // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 61-77.
50. Дружинин Г.В. Правовое регулирование деятельности корпораций как средство воздействия на процесс консолидации общества. - Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы IV всерос. науч.-практ. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. – С. 106-111.
51. Дубняк М. А. Концепции неокорпоративистского дискурса как проблема политической науки и практики / М. А. Дубняк // Научный диалог. – 2013. – № 12 (24) : Общественные науки. – С. 125–135.
52. Дятлова Н.А. Субъекты государственно-частного партнерства // Юрист. - 2017. № 7.- С. 38-39.
53. Евлаев А.Н. Социально-политическая ответственность бизнеса в механизме государственно-частного партнерства // Власть. 2010. №7. С. 93-97.
54. Ефимов В.М. О двух типах социальных порядков (Часть 1. Окончание - в №2 ВТЭ) // ВТЭ. 2018. №1 (2). С.7-25.
55. Иванов И.А., Пятибратов И.С. Влияние нефтяных ТНК на российскую политику (на примере истории с ExxonMobil и НК ЮКОС) // Власть. 2016. №1. С.177-181.
56. Иголкина Л.М. Государственно-частное партнерство. Особенности взаимодействия // Теория и практика общественного развития. 2013. №10. С. 335-337.
57. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. Под редакцией С.В. Патрушева. - М.: ИСП РАН, 2006. - 600 с.
58. Исаев М.А., Чеканский А.Н., Шишкин В.Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. — М.: «Российская политическая энциклопедия»

- (РОССПЭН), Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, 2000. — 279 с.
59. История фашизма в Западной Европе [Текст] / Ин-т всеобщей истории АН СССР ; отв. ред. Г. С. Филатов. - М. : Наука, 1978. - 613 с.
60. Каневский П.С. Политическая стратификация в современной России: классы, элиты, группы интересов. – М.: Академический проект, 2014. – 151 с.
61. Каневский П.С. Проблема концептуализации неформальных институтов власти на примере лоббизма. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2016.— №6 — С.54-66.
62. Колесников В.Н. Актуальная повестка дня в современной России: факторы формирования // Управленческое консультирование. 2017. №9 (105). С. 8-17.
63. Колобова Г.А. Политический механизм: анализ категории // Вестник Башкирск. ун-та. 2010. №4. С. 1227-1230.
64. Костин А.Э. Интегрированная бизнес-группа как субъект публичной политики: кейс АО «Газпром-Медиа Холдинг» // Управленческое консультирование. 2018. №3. С.132-139.
65. Костин А.Э. Исторические и концептуальные основания корпоративной модели представительства интересов // Вестник современных исследований. 2018. № 5-1 (20). С. 259 – 262.
66. Костин А.Э. К вопросу о применимости теории корпоративизма Ф. Шмиттера в современном российском политическом пространстве// Управленческое консультирование. 2018. №2. С.145-151.
67. Костин А.Э. Корпоративные интересы в системе государственно-частного партнерства // Тенденции развития науки и образования. 2018. №5 (1). С. 51-55.
68. Костин А.Э. Некоторые вопросы корпоративных интересов в проектах государственно-частного партнерства // Государственно-частное партнерство в сфере транспорта: модели и опыт: сборник тезисов и докладов

- IV ежегодной конференции (Санкт-Петербург, 1 июня 2018). – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. С. 95-99.
69. Костин А.Э. Политические особенности современной модели российского государственного корпоративизма: власть и корпоративные структуры // Управленческое консультирование. 2018. №7 (115). С. 139-145.
70. Кочетков А.П. Корпоративные элиты / А.П. Кочетков. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 220 с.
71. Красин Ю.А. Горячее лето 2014: «Украинский кризис» сквозь призму политологической мысли/ Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва, 21–22 ноября 2014 г. – М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014.- С.268-269.
72. Красин Ю. А. Государство и общество: сдвиги во властном поле. – Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 51-58.
73. Крицкая А.А., Амадаев А.А., Исакиева З.С., Дзиабаева Г.С. Корпоративная политика и политика корпораций // Инновационная наука. 2016. № 6. С. 261-279.
74. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 944 с.
75. Лакова Е. А. Особенности внешнеэкономической политики Венгрии в настоящее время // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. №11. С. 83-86.
76. Линецкий А. И. Механизм воздействия политических институтов на ход экономического развития // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 152-170.
77. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – М: Мысль, 1988. – 668 с.
78. Любашиц В.Я., Разуваев Н.В. Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель : монография / В. Я. Любашиц, Н. В. Разуваев. - М. : РИОР : ИНФРА-М, 2018. - 532 с.

- 79.Магнитов С.Н. ЛОББИЗМ / С.Н. Магнитов. – М.: Белые альвы, 2017. – 68 с.
- 80.Майка Ю. Социальное учение Католической Церкви / Ю. Майка. -Рим-Люблин: Изд. Святого Креста, 1994. - 480 с.
- 81.Макаренко Б. И. Неокорпоративизм в современной России // Сравнительная политика. 2011. №2. С. 90 - 96.
- 82.Макаренко В.П. Государственные интересы в контексте бюрократического господства // Политическая концептология. Ростов н/Д, 2015. № 3. С. 6-17.
- 83.Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство, часть 1: монография/В.П.Макаренко. – Ростов-на-Дону, Изд-во Март, 2013 — 649 с.
- 84.Манько Н.Н. Государственно-частное партнерство как эффективный инструмент поддержки национальной инновационной системы // Российское предпринимательство. 2012. №16. С. 12-18.
- 85.Митрошенков О.А. Некоторые особенности управленческой идентичности в России: к постановке проблемы // Вопросы социальной теории. 2010. № 4. С. 508-512.
- 86.Митрошенков О.А. Философия управления : учебник для бакалавриата и магистратуры / О.А. Митрошенков. – М. : Издательство Юрайт, 2017. – 248 с.
- 87.Мокир Дж. Меркантилизм, Просвещение и Промышленная революция // Пространство экономики. 2006. №1. С.7-31.
- 88.Мурашева Е.В. Центризм как общественно-политическое явление / Е.В. Мурашева. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 311 с.
- 89.Новейший политологический словарь/ авт.-сост. Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. - Ростов н/Д : Феникс, 2010. - 318 с.
- 90.Осинцев Ю.В. Государственно-частное партнерство: стратегия развития в России // ЭТАП. 2010. №4 С.6-17.
- 91.Павроз А.В. Группы интересов в политике. – СПб.: Издательство РХГА, 2015. – 168 с.

92. Павроз А.В. Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 4. С. 50-62.
93. Павроз А.В. Лоббизм: институциональные основания и практики политического влияния в демократических обществах. – СПб.: Издательство РХГА, 2016. – 172 с.
94. Паппэ Я. Ш. «Олигархи»: Экономическая хроника, 1992—2000. — М.: ГУ-ВШЭ, 2000. — 232 с.
95. Паппэ Я.Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: особенности становления и современного этапа развития // Проблемы прогнозирования. 2002. №1. С. 83-97.
96. Паппэ Я.Ш., Антоненко Н. С. Изменение соотношения между частным и государственным секторами в российском крупном бизнесе в 2000–2013 гг.: субъектный подход // Проблемы прогнозирования. 2014. № 3 (144). С. 32–45.
97. Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993-2008 г. – М.: Издат. Дом ГУ ВШЭ, 2009. – 423 с.
98. Пепелов С.Т., Чернов А.И. Взаимодействие власти и бизнеса в современной России: начало формирования институциональных основ // Власть. - 2016. - № 3. - С. 87-92.
99. Перегудов С. П. Новый российский корпоратизм: демократический или бюрократический?. – Полис. Политические исследования. 1997. № 2. С. 23-26.
100. Перегудов С. П. Организованные интересы и государство: смена парадигм. – Полис. Политические исследования. 1994. № 2. С. 76–87.
101. Перегудов С. П. Партии и группы интересов: к новой модели взаимодействия. – Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 45-59.

102. Перегудов С. П. Ренессанс корпоративизма? // Куда идет Россия?. Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под ред. Т. И. Заславской. М., 1998. С. 130-140.
103. Перегудов С. П. Трипартистские институты на Западе и в России: проблемы обновления. – Полис. Политические исследования. 2007. № 3. С. 78-91.
104. Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений / С.П. Перегудов. – М.: Наука, 2003. – 352 с.
105. Перегудов С.П. Крупная корпорация как субъект публичной политики. – М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2006. – 168 с.
106. Перегудов С.П., Семененко И.С. Группы интересов и российское государство. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 352 с.
107. Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 448 с.
108. Платон Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. — 752 с.
109. Политология: Словарь-справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. – 328 с.
110. Потапова Е.Б. Неокорпоративизм в Западной Европе как объект теоретического осмысления: проверенные гипотезы и новые взгляды // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2010. №4 С.165-173.
111. Простаков И. В. Фашистский корпоративизм и государственно-монополистическое регулирование промышленного производства в Италии 30-х гг. XX в. // Проблемы экономической теории капитализма : сб. обзоров и ст. М. : Акад. наук СССР, 1989, 208 с.

112. Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / под ред. В.Ф. Попондопуло, Н.А. Шевелевой. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 528 с.
113. Сагалова А.Л. Международная организация и плюралистическая демократия во взглядах г. Дж. Ласки // Власть. 2013. №8. С.160 - 166.
114. Сакаева М.М. Крупный бизнес и государство при Путине (трансформация агентских отношений) // Полития. - 2013. - № 4. - С. 94-105.
115. Сапунцов А.Л. Эволюционный подход в экономических исследованиях деятельности транснациональных корпораций // Вестник МИЭП. 2011. №4 (5). С.39-50.
116. Сатаров ГА, Римский ВЛ, Головщинский К.И., Пархоменко СА Антикоррупционный гид для малого и среднего бизнеса (Первая попытка). М., 2004. – 69 с.
117. Сванидзе, А.А. Средневековые корпорации Текст. / Аделаида Сванидзе // Неприкосновенный запас. - М., - 2006. - № 4-5. - С. 55-68.
118. Сенцов А.Э. Концепт будущего в программах политических партий (на материале программ партий «Единая Россия» и «Патриоты России») // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2010. №3 (11). С. 55-60.
119. Скоробогатский В.В. Институционализация государства-корпорации: постановка проблемы // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2012. № 1(18). С. 50-54.
120. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. Алмонд Г., Пауэлл Дж. и др. М.: 2002. - 537 с.
121. Стоякин. В.В. Роль GR-менеджмента в формировании цивилизованного корпоративного лоббизма в российских регионах // Человек. Сообщество. Управление 2009. №2. С. 72-88.

122. Ткаченко И.Н., Евсеева М.В. Стейкхолдерская модель корпоративного управления в проектах государственно-частного партнерства // Управленческие науки. 2014. №1 (10). С. 26-33.
123. Толмачева И.В. Динамика формирования института лоббизма в России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №6 (30). С.88-93.
124. Толстых П. А. GR. Практикум по лоббизму в России. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 379 с.
125. Трофимова О.В. "Единая Россия" о российском федерализме: состояние и перспективы // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2008. №2. С. 116-119.
126. Фельдман П. Я. Становление корпоративизма в современной России. Угрозы и возможности Свободная мысль, №1, 2018, С.15-22.
127. Фельдман П.Я. Нужен ли в России закон о лоббизме? – 2014. – № 2. – С. 119-122.
128. Фурсов А.И. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними. Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов над пропастью // De futuro, или история будущего / ред. Д.А. Андреев, В.Б. Прозоров. – М.: Политический класс, АИРО, 2008, С. 255-304.
129. Харин А.Н. Корпорация-государство как альтернатива современному государству // Власть. 2012. №9. С. 76-79.
130. Хомерики Н. Б. Государственно-частное партнерство как метод развития социальной сферы и ее становление в регионах Российской Федерации // Вопросы экономики и права. - 2014. - № 10. - С. 70-73.
131. Чернецова Н. С. Теория и методология исследования экономических интересов. — М.: МИЭМ, УЧЛИТВУЗ, 2001. — 256 с.
132. Чернышев А.Г. Власть как «вечный» двигатель: монография. – Москва: Проспект, 2018. – 240 с.

133. Шабров О.Ф. Корпоративизм в отношениях государства и бизнеса // Государство, НКО и бизнес: процесс взаимодействия / Материалы Международной научно-практической конференции. М.: МГОФ «Знание», 2007, с. 225-231.
134. Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Политология: хрестоматия / Сост. М. А. Василик, М. С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 304 - 318.
135. Шмиттер Ф. Неокорпоратизм. – «Полис» («Политические исследования»). – 1997. – № 2. – С. 14-22.
136. Шохин, А. Н. Взаимодействие бизнеса и власти в Европейском Союзе [Текст] / А. Н. Шохин, Е. А. Королёв ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — 158 с.
137. GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством. Учебное пособие / под ред. Л. В. Сморгунова и Л. Н. Тимофеевой. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 407 с.
138. Cawson A. Corporatism and Political Theory. Oxford: Backwell Publishers, 1986. 184 p.
139. De Schepper S., Dooms M., Haezendonck E. Stakeholder dynamics and responsibilities in Public– Private Partnerships: A mixed experience. International Journal of Project Management. 2014. Vol. 32 (7). P. 1-13.
140. Laski H. Authority in the Modern State: Batoche Books, 2000. — 197 p.
141. Lehmbruch G. Concluding remarks: problems for research on corporatist intermediation and policy making // Trends towards corporatist intermediation and policy making / P. Schmitter, G. Lehmbruch (eds.). Beverly Hills, CA: Sage, 1979.
142. Lembruch G. Consociational democracy, class conflict and the new corporatism // Trends Toward Corporatist Intermediation / Ed. by G. Lembruch, P. Schmitter. London: SAGE Publications, 1979. P. 53-61.
143. North D. Institutions, institutional change and economic performance // Cambridge University Press, Cambridge, 1990. P. 1-10.

144. Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World. / F. Pike and T. Stritch (eds.). London, 1974. P. 85 – 131.
145. Schmitter, P.C., Grote, J.R. The Corporatist Sisyphus: Past, Present and Future, European University Institute Working Paper SPS, No. 97/4, 1997, pp. 1-22.

Диссертации и авторефераты

146. Вермишев Г.А. Религия в европейском идеологическом дискурсе 20-30 годов XX века : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.14 / Вермишев Георгий Андреевич; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2014. - 192 с.
147. Павроз А.В. Группы интересов и политические режимы: неоинституциональный анализ современной России : автореферат дис. ... доктора политических наук : 23.00.02 / Павроз Александр Васильевич; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2013. - 38 с.

Электронные ресурсы

148. В бюджете 2018—2020 годов расходы на чиновников, армию и полицию составят 38% [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Росбалт». – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/russia/2017/11/25/1663719.html> (дата обращения: 07.03.2018).
149. Венесуэла выдала «Роснефти» лицензию на газовые месторождения на шельфе [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «НК „Роснефть”». – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/17/12/2017/5a35abe89a7947eca62f30bb> (дата обращения 10.01.2018).
150. ВЭБ показал рекордный в истории убыток [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Ведомости». – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/econo>

- mics/articles/2018/04/27/768141-veb-rekordnii-ubitok (дата обращения: 29 апреля 2018).
151. Годовой отчет «Газпром нефть» за 2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Газпром нефть». – Режим доступа: http://ar2012.gazprom-neft.ru/upload/Gazprom_Neft_AR_2012_rus.pdf (дата обращения 06.04.2017).
152. Годовой отчет «Газпром нефть» за 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Газпром нефть». – Режим доступа: http://ir.gazprom-neft.ru/fileadmin/user_upload/documents/annual_reports/GPN_AR_2013_rus_web.pdf (дата обращения 06.04.2017).
153. Греф выступил за приватизацию Сбербанка [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства ТАСС. Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/4556084> (дата обращения 20.09.2017)
154. Гусельников В.В. Институциональные версии корпоративизма: политические науки// архив статей [Электронный ресурс] // сайт «Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов». - Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2008/polit49.html> (дата обращения: 14.05.2016).
155. ГЧП в России не будет работать без поддержки госбанков - глава ВТБ Костин [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/gchp-v-rossii-ne-budet-rabotat-bez-podderzhki-gosbankov-glava-vtb-kostin-1001234913> (дата обращения: 10 мая 2018 г.).
156. Дзяков Т., Подобедова Л., Фадеева А. «Роснефть» добилась налоговых льгот на 350 млрд руб. для Самотлора [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «РБК». – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/06/10/2017/59d7b0889a7947de154ad136> (дата обращения 10.10.2017).

157. Доверие политикам [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. - Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam/ (дата обращения: 22.08. 2018).
158. Доклад «Лоббисты «Ростеха, «Газпрома» и крупнейшего агрохолдинга Татарстана руководят профильными комитетами Госдумы» [Электронный ресурс] // Сайт Трансперенси Интернешнл Россия. Режим доступа: <https://lobbying.transparency.org.ru/komiteti/#>. (дата обращения 19.04.2019).
159. Доклад «Российский корпоративный лоббизм в странах Европейского Союза: публичные реестры лоббистов» [Электронный ресурс] // Сайт Трансперенси Интернешнл Россия. – Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/drugie-issledovaniya/kak-rabotaet-rossiyskiy-korporativnyy-lobbizm-v-evrosoyuze-novyuy-doklad-transperensi-interneshnl-rossiya.html> (дата обращения 16.10.2017).
160. Заключение Правительства РФ на Проект федерального закона "О внесении изменений в статью 9 Закона Российской Федерации "О космической деятельности" [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности РФ. – Режим доступа: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/973592-6> (дата обращения 8 апреля 2017 г.).
161. Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект федерального закона № 185935-7 "О внесении изменений в федеральный закон "О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов" [Электронный ресурс] // Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru/activities/audit-of-the-federal-budget/30381/> (дата обращения 10.01.2018).
162. Законопроект № 973592-6 «О внесении изменений в статью 9 Закона Российской Федерации "О космической деятельности» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности РФ. – Режим

доступа: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/973592-6> (дата обращения 8 апреля 2017 г.).

163. Законотворческая деятельность ТПП [Электронный ресурс] // Сайт Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. – Режим доступа: <https://tpprf.ru/ru/interaction/legislative/228761/> (дата обращения 25.04.2017).
164. Ключевые компании. Холдинги и организации «Ростеха» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГК «Ростех». - Режим доступа: <https://rostec.ru/about/companies/html> (дата обращения: 07.03.2018).
165. Комиссии и комитеты РСПП [Электронный ресурс] // Сайт Российского союза промышленников и предпринимателей. - Режим доступа: <http://www.rspp.ru/cc> (дата обращения 25.04.2017).
166. Консорциум Группы компаний «АБЗ-1» и Газпромбанка признан победителем конкурса по проекту создания трамвайной сети в г. Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Официальный сайт АО «Газпромбанк». – Режим доступа: <https://www.gazprombank.ru/press/144952/> (дата обращения 27 мая 2018).
167. Координационный Совет по финансовому контролю отраслей инфраструктурного комплекса при Комитете Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации - Режим доступа: http://budget.council.gov.ru/structure/community_councils/coordination_council/status/ (дата обращения 16.04.2019).
168. Лукин М. Весь Совет Федерации [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Коммерсантъ Власть». Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/312173> (дата обращения 16.04.2019).
169. Лучшие лоббисты Государственной Думы ФС РФ IV созыва 2003-2007 ТПП [Электронный ресурс] // Сайт Центра по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти Lobbying.ru. - Режим доступа: http://lobbying.ru/Dokuments/dep_rating.pdf (дата обращения 17.04.2019).

170. Лютова М. «Ростех» лучше иностранцев [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Ведомости». – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/06/16/rosteh-luchshe-inostrancev> (дата обращения 20.05.2017).
171. Лютова М. Игорь Ротенберг получит 50% оператора системы взимания платы с грузовиков [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Ведомости». – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/03/31/igor-rotenberg-poluchit-50-operatora-sistemi-vzimaniya-plati-s-gruzovikov> (дата обращения 20.05.2017).
172. Мордюшенко О., Козлов Д. «Роснефть» ищет новые стимулы [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Коммерсантъ». – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3568407> (дата обращения 13.03.2018).
173. Отраслевое лоббирование в России (наиболее актуальные экономические законопроекты на начало работы Государственной Думы ФС РФ V созыва) [Электронный ресурс] // Сайт Центра по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти Lobbying.ru. - Режим доступа: http://www.lobbying.ru/Dokuments/zakoni_novaya_duma.pdf (дата обращения 17.04.2019).
174. Отчет о деятельности в области устойчивого развития 2012-2013 гг. ОАО «Газпром» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Газпром». – Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/f/posts/21/499896/development-report-2012-2013-rus.pdf> (дата обращения 06.04.2017).
175. Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sections/resources/civil-society/index.html> (дата обращения 30.04.2017).
176. Паспорт проекта Федерального закона N 99062966-2 «О внесении дополнения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc>

[&base=PRJ&n=7819&rnd=9396B31CB63D7312C676DA85CC1DF5A7#09193997203117128](https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/08/08/728511-rosneft-odolzhila-venesuele-6-mlrd)

177. Петлевой В. «Роснефть» одолжила Венесуэле \$6 млрд [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Ведомости». – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/08/08/728511-rosneft-odolzhila-venesuele-6-mlrd> (дата обращения 10.08.2017).
178. Положение о порядке приема в члены Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, выхода из нее, прекращения членства и исключения из числа ее членов [Электронный ресурс] // Сайт Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. – Режим доступа: <https://tpprf.ru/ru/membership/#poryadok-vstupleniya-v-tp> (дата обращения 25.04.2017).
179. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении дополнения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=2116&rnd=9396B31CB63D7312C676DA85CC1DF5A7#046208548802845373> (дата обращения: 10.02.2017)
180. Предвыборные идеи Владимира Путина: оценки россиян. Опрос ВЦИОМ [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. - Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1382> (дата обращения: 22.08.2018).
181. Проект федерального закона N 96700123-2 "О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/3101084/5ac206a89ea76855804609cd950fcdf7/> (дата обращения 12.04.2017).
182. Проект Федерального закона N 97801795-2 "О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти"

- [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=34479#06255856316518829> дата обращения 12.04.2017).
183. Прямая линия с Владимиром Путиным 25 апреля 2013 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/17976> (дата обращения 8 апреля 2017 г.).
184. Путин В.В. Нам нужна новая экономика [Электронный ресурс] // Официальный сайт газеты «Ведомости». – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (дата обращения: 07.03.2018).
185. Рейтинг депутатов-лоббистов [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Forbes». – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/rating/reiting-deputatov-lobbistov/2010> (дата обращения 17.04.2019).
186. Региональные менеджеры [Электронный ресурс] // Официальный сайт государственной корпорации «Внешэкономбанк» (ВЭБ). – Режим доступа: <http://www.veb.ru/strategy/region/sm/#about> (дата обращения 10 июня 2018 г.).
187. Рерум Новарум. Окружное послание Папы Льва XIII [Электронный ресурс] // Сайт «Twirpx.com.Все для студента». – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/469275/grant/> (дата обращения: 20.04.2017).
188. Росатом становится важным инструментом внешней политики: эксперт [Электронный ресурс] // Сайт Информационного агентства REGNUM. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1943167.html> (дата обращения: 05 мая 2018 г.).
189. «РТ-Инвест». Кто мы » [Электронный ресурс] // Сайт компании «РТ-Инвест». – Режим доступа: <http://rt-invest.com/info/> (дата обращения: 05 мая 2018 г.).

190. Симачев Ю., Кузык М. Создание и развитие государственных корпораций: институциональные проблемы и новые возможности. – Материалы X-ой международной научно-практической конференции «Public Sector Transition: Improving Service Delivery», Высшая школа менеджмента СПбГУ, ASPE 31 октября – 1 ноября 2008 года, Санкт-Петербург [Электронный ресурс] // Сайт Межведомственного аналитического центра. - Режим доступа: <http://www.iacenter.ru/publication-files/30/29.pdf> (дата обращения 17.04.2017).
191. Соглашение о государственно-частном партнерстве вступило в силу» [Электронный ресурс] // Официальный сайт аэропорта «Пулково». – Режим доступа: <https://pulkovoairport.ru/about/news/2010/1434/> (дата обращения 05 июня 2018 г.).
192. Создание, реконструкция и эксплуатация объектов, входящих в состав имущества аэропорта «Пулково» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росинфра. – Режим доступа: <http://www.pppi.ru/content/s-ozdanie-rekonstrukciya-i-ekspluataciya-obektov-vhodyashchih-v-sostav-imushchestva-0> (дата обращения 10 мая 2018 г.).
193. Стратегия Банка развития» [Электронный ресурс] // Официальный сайт государственной корпорации «Внешэкономбанк» (ВЭБ). – Режим доступа: <http://www.veb.ru/strategy/> (дата обращения 10 июня 2018 г.).
194. Тадтаев Г. Правительство окажет помощь фигурантам санкционного списка США [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «РБК». – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/09/04/2018/5acb2ef09a7947c875eef7aa> (дата обращения 19.04.2018).
195. Темкин А., Ярош Ю. «В любую вакцину можно включить какой-нибудь вирус» [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «РБК». – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/21/12/2015/56bc89e39a7947299f72b737> (дата обращения 20.05.2017).

196. Участие во внешних инициативах [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «НК "Роснефть"». – Режим доступа: <https://www.rosneft.ru/Development/cooperation/initiative/> (дата обращения 25.04.2017).
197. Я не брал на себя никаких обязательств по неоспариванию приговоров. Михаил Ходорковский — об освобождении, «особом контроле», политике и оппозиции [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «РБК». – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2013/12/23/56bfc6449a7947299f72d7cc> (дата обращения 20.06.2017).
198. Ядрошников И. Россия – щедрая душа или новые планы госкорпорации «Росатом» » [Электронный ресурс] // Сайт Экологического правового центра «БЕЛЛОНА Register [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bellona.ru/2015/03/10/rosatom_news-2/ (дата обращения: 10 июня 2018 г.).
199. «Quadragesimo Anno» [Электронный ресурс] // Сайт Традиция Русская энциклопедия. – Режим доступа: https://traditio.wiki/Quadragesimo_Anno (дата обращения 1 мая 2017 г.).
200. Office of foreign assets control. Specially Designated Nationals OFAC's SDN List Update (28.04. 2014) [Электронный ресурс] // Сайт департамента казначейства США (U.S. Department of the treasury). – Режим доступа: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/OFAC-Enforcement/Pages/20140428.aspx> (дата обращения 10.02.2016).
201. Office of foreign assets control. Specially Designated Nationals OFAC's SDN List Update (06.04.2018) [Электронный ресурс] // Сайт департамента казначейства США (U.S. Department of the treasury). – Режим доступа: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/OFAC-Enforcement/Pages/20180406.aspx> (дата обращения 19.04.2018)

202. Transparency Register [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского Союза. – Режим доступа: <http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/homePage.do?redir=false&locale=en> (дата обращения 16.10.2017).